

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ мѣ "Юніонъ"
состоится
АНОНСЪ. СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ
въ залѣ новой биржи
въ этомъ вечерѣ въ странѣ

Состоится въ Концертномъ Зданіи

Маріи Ивановны Долиной

извѣстной артистки,
исполнительницы

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (67).

Август. 2007 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Основателям
Одессы

Думаю, точкой отсчета возвращения Одессы в Одессу было решение горисполкома о возвращении старых названий улиц. Еще и сегодня не ко всем прежним названиям привыкли, но Успенская и Старопортофранковская, Греческая и Ришельевская уже вошли в городскую речь, в городской быт, не только в прошлое, но и в настоящее нашего города. А сколько споров было вокруг Троицкой (в советское время — Ярославского, главного атеиста страны) и Екатерининской (в советское время — Карла Маркса)! Но и тут здравый смысл одесситов одержал верх. И возвращенные названия влились из книг Ивана Бунина и Валентина Катаева в книги Михаила Жванецкого, Олега Губаря, Михаила Пойзнера, Сергея Рядченко, Анатолия Контуса...

Уже с дней празднования 200-летия города, с 1994 года, неоднократно поднимался вопрос о перемещении на Приморскую улицу памятника Потемкинцам и возвращении на место памятника основателям Одессы.

Мало того, что у этого памятника есть интереснейшая история, он художественно значим, был прекрасно вписан в масштабы Екатерининской площади и Приморского бульвара. Об этом в свое время писали в телеграмме в Одессу, требуя остановить разрушающую руку большевиков, известный искусствовед Александр Бенуа и пролетарский писатель Максим Горький.

Их не послушали. Памятник снесли. И началась монументальная чехарда, которая должна же была когда-нибудь прекратиться.

Требовалась лишь политическая воля и немалые денежные средства. И вот в 2007 году решение сессии Одесского горсовета состоялось. Более того, нашелся меценат — одессит, решивший возродить исторический облик площади. Этот человек — депутат Одесского горсовета Руслан Тарпан.

И вот 19 июля 2007 года в 12 часов состоялась торжественная закладка памятника "Основателям Одессы". Завершаются работы над отливкой фигуры императрицы Екатерины II. К счастью, остались целы и сохранились в историко-краеведческом музее фигуры Григория Потемкина, Платона Зубова, Иосифа де Рибаса, Франца де Волана.

Верится, что в ближайшее время работы завершатся. И вернется на свое место памятник скульптора Б. Эдуардса и архитектора Ю. Дмитренко, получивший первое место на международном конкурсе более ста лет назад.

Здравствуйте.

Обращаюсь к вам с просьбой, но сначала немного истории. Когда мой сын был маленький (ему в этом году будет 33 года), я купила ему чудесную книжку стихов об Одессе И. Рядченко. Сын полюбил эти стихи, знал их наизусть, да и я их выучила, так как много раз читала, но по прошествии стольких лет некоторые стихи забылись.

Книгу, хоть она

была написана для детей, увез в Хабаровск мой брат, в то время он служил офицером вдали от Одессы и очень скучал по любимому городу. Эти стихи грели ему душу.

Сейчас у меня растут трое внуков, но эту книгу я нигде не могу купить, в Интернете ее тоже нет. Спрашивала на "Книжке", но там продавцы даже не слышали о таком поэте. Я, конечно, не критик, не могу оценить все его творчество, но эти детские

стихи для юных граждан нашего города были бы очень полезны. Ведь то, что написано в стихах, ребенку можно показать: это и Дюк, и Потекинская лестница, и море, и улицы.

Думаю, о моей просьбе вы уже догадались: нельзя ли переиздать детские стихи об Одессе И. Рядченко?

С уважением,

Наталия
berinskaya2@dkv-euroservice.com.ua

Добрый день!

Мы, выходцы ОЗФС им. Кирова, СКБПС, ОЗПС, сгруппировались. Думаем, в Одессе многие прошли через станкостроение. Можете ли вы поместить адрес нашего сайта

<http://kirovchanin.googlepages.com/home>, с тем чтобы посетители вашего/нашего клуба могли его найти.

Всего самого хорошего,

Марк Тольдфельд

Здравствуйте!

Было приятно читать, что Клуб почтил Марка Григорьевича Крейна. Одесские математик это Математики. А если добавить м. Красные Окна (Одесская область), то будет заметно больше. Нужна рубрика: Имена одесситов в науке. Примеры: теорема Крейна — Мильмана; теорема Крейна — Мильмана — Рогмана; уравнения Богомольного и т. д. Это далеко не полный список состоявшихся названий в большой науке.

Давид Мильман — доцент института связи. После эмиграции в Израиль — полный профессор. Его старший сын Виталий Мильман — профессор математики, Тель-Авивский университет. Евгений Борисович Богомольный — выпускник 68-й школы (Времена Беска 116-й), профессор, живет в Париже.

До свидания.

Карнаух Трина
karnaukh@icf.ac.ru

Дорогие грузы! Просим помочь разыскать в Нью-Йорке Марка Ильича Сермана. Он фотодокументист и оператор, о нем упоминает Довлатов, говоря, что "он единственный, с кем можно работать", или что-то вроде этого. Вдруг найдутся знакомые? Мир нынче особенно тесен. Очень надеюсь, что его знают нью-йоркские посетители сайта.

Заранее благодарна,

Лена Каракина

Я впервые получил официальное уведомление о публикации моих рассказов в Альманахе "Дерибасовская — Ришельевская". Так что спасибо за хорошую весточку. Очень мне понравился материал Григория Тельфенштейна о защите Кронштадта. Прослушал также запись его выступления. Я раньше интересовался историей войны и у меня даже были все выпущенные мемуары, в том числе Жукова три издания (одно-двух-трехтомник). Но довольно быстро я в них сильно разочаровался — почти все подконтрольная брехня, даже у Жукова.

Но материал Тельфенштейна — грузин, естественный и от очевидца, хотя и не со всеми оценками можно согласиться. А вообще, историю второй мировой войны нужно переписывать заново. Все официальные подвиги сплошная липа, герои — вымышленные. Нужен объективный научный анализ (если он еще возможен).

Я, например, до сих пор не могу понять, как мы победили при такой системе руководства страной и армией. Забросали немцев своими трупам. Ведь соотношение армейских потерь 1 к 16-17, вам понятно в чью

пользу. На одного убитого немецкого солдата приходится 16-17 убитых наших. Даже если бы это было 1 к 2, то процентов 80 солдат не погибло бы. Кто виноват? Сами солдаты и в большинстве "неизвестные"? Что говорить — только расстраиваться.

По поводу памятника И. Бабелю я полностью поддерживаю идею морально и думаю поддержать и материально также. Здесь, в Канаде, я случайно нашел сборник Бабеля на английском. Как я понимаю, он очень редкий, возможно, одесситы о нем и не знают, название у него: Isaac Babel. The Collected Stories (Edited and translated by Walter Morison), 1960, A Meridian Book. Эта книга-перевод издана здесь раньше, чем началось массовое издание Бабеля на его родине, и "советские" читатели смогли ознакомиться с его творчеством. Но, к сожалению, очень трудно переводятся диалекты на грузинский язык, и "одесский язык" большей частью утерян. Он не звучит на английском.

Еще раз спасибо за хорошую весточку.

С уважением,

Михаил Чабан
rotor100@mail.ru

Леня Рукман!

Давай вместе выпьем За нашу Одессу, За наш Клуб, За нашего тебя!

Твой Президент М. М. Жванецкий

ИСААК БАБЕЛЬ: ЗАБЫТЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Исаака Бабеля расстреляли во цвете лет и таланта, рукописи неопубликованных произведений конфликтовали и сожгли, имя предали забвению, книги изъяли из библиотек, многих друзей и приятелей поставили к стенке. Те, кто выжил, потом написали воспоминания, которые вдова писателя Антонина Пирожкова собрала в книгу. Некоторые воспоминания, написанные после ее выхода, время от времени появлялись в периодических изданиях. Но еще живы те, кого судьба когда-то свела с Бабелем. Правда, они ничего не писали и не печатали, но рассказывали о нем с пietetом, теплом и всегдашней печалью.

«Музыкальная история»

В конце 1905 года семья малолетнего Исаака Бабеля вернулась из Николаева в Одессу и временно поселилась на Тираспольской, 12. А сына для продолжения занятий отдали в престижное Одесское коммерческое императора Николая I училище на Преображенской, 8.

Помимо этого по настоянию матери, которой слабо верилось в блестящую карьеру сына по коммерческой части, его определили на частные музыкальные скрипичные курсы П.С. Столярского, благо они находились недалеко, на Дворянской, 15. Домашние ревностно следили за тем, чтобы Исаак ежедневно играл заданные упражнения, и когда он уединялся со скрипкой, буквально ходили на цыпочках, приложив палец к губам: "Ша! Ребенок занимается". Ребенок же занимался тем, что читал запретные для "мальчика из приличной семьи" рассказы Ги де Мопассана и для отвода глаз, вернее, ушей далеких от музыки родственников извлекал из скрипки какие-то несусветные звуки.

Кончилось тем, что Столярский

явился на Тираспольскую и поимел с отцом Бабеля разговор типа: "Если человека рука не хочет смычок, то чему его туда впахнуть?". После этого мальчика оставили в покое, а через много лет Бабель написал об это "музыкальной истории" рассказ "Пробуждение", в котором остался учитель музыки Загурский, в котором земляки автора тотчас опознали Столярского: "По цементному дворику, в тихонько отдуваемой крылатке... шествовал господин Загурский, мой учитель музыки".

Свидетелем же обретения "свободы" несостоявшимся виртуозом была его двоюродная сестра Ада Кушнер, которая еще в 1970-е годы, не афишируя своего родства, жила в районе 7-й станции Большого Фонтана...

Портрет на стене

Это была обычная студенческая вечеринка — чайная колбаса, с ароматом которой мог соперничать разве что великолепный серый хлеб, так называемый ситный, стаканы с крепким чаем и несколько бутылок разливного белого вина, приобретенного в ближайшем погребе. Словом, как написал Пушкин, "Шум, споры, легкое вино...". И тут в самый разгар веселья раздался тревожный голос Бабеля: "Как она смотрит! Уберем портрет или прекратим все это!".

Прекращать не хотелось, а потому сняли со стены и положили на этажерку фотографию недавно ушедшей из жизни великопленной актрисы Веры Федоровны Комиссаржевской, кумира тогдашней студенческой молодежи. Это показало тогда таким удивительным и неожиданным, что на всю жизнь запомнилось Вениамину Осиповичу Волевицу, еще одному одесситу в той компании студентов Киевского коммерческого института...

Долгое прощание

В начале 1924 года в Москве вышел редактируемый Владимиром Маяковским журнал "ЛЕФ", в кото-

ром были напечатаны "Король" и несколько других рассказов Бабеля. А в феврале Бабель и Маяковский одновременно оказались в Одессе, где виделись часто и говорили подолгу.

Через много лет Бабель в письме к сестре вспоминал, как Маяковский, "громоздкий и цветущий", приходил к ним на Ришельевскую, 17. Он остановился в "Лондонской" гостинице, где вечером уютно светились фонари, позже описанные Ю. Олешей в романе-сказке "Три толстяка".

Перед отъездом Маяковский устроил у себя в номере прощальный обед, на который пригласил Бабеля и своих одесских родственников — двоюродного брата, врача "Фабрично-заводской" больницы Красного Креста" Михаила Кисилева с дочерью Таней. Она оказалась

за столом рядом с Бабелем, и тот все уговаривал ее есть шоколад, чтобы не заскучать, пока взрослые будут говорить "умных вещей". Но шоколад не помог. Таня взяла с тумбочки номер "ЛЕФА", перечитала рассказ "Король" и просто душно спросила: "Исаак Эммануилович, а где сейчас Бенья Крик?". Бабель грустно улыбнулся и показал пальцем на журнал — дескать, только тут. Не начинать же рассказывать крамольную историю о том, как пять лет назад власти возвели прототип его героя в ранг командира Красной Армии, а потом шлепнули без суда и следствия как последнего урку...

После обеда все поехали провожать Маяковского, для чего кликнули двух извозчиков. Маяковский уселся вместе с Бабелем в пролетку, и под

звонкий цокот копыт о брусчатку Пушкинской улицы они покатались к вокзалу, где еще долго беседовали, выходя туда и обратно вдоль вагонов до самого отхода поезда...

Поезд ушел, а память об этом осталась с Таней, будущей Татьяной Михайловной, архитектором из Москвы.

Воспоминания эти и другие, оставшиеся за рамками этой публикации, не претендуют на полноту. Но других-то уже больше не будет...

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ.

До конца июля через Всемирный клуб одесситов на счет создания памятника Бабелю поступило более пяти тысяч долларов.

БАНКОВСКИЕ СЧЕТА ДЛЯ СБОРА СРЕДСТВ НА СООРУЖЕНИЕ ПАМЯТНИКА ИСААКУ БАБЕЛЮ

Теперь, когда Всемирный клуб одесситов инициировал сбор средств на сооружение в нашем городе памятника И.Э. Бабелю, уместно обратиться к опыту наших предшественников, достойных граждан, вопреки всем превратным обстоятельствам доведшим замечательное дело — установку в Одессе памятника великому Пушкину — до блистательного результата. В старой Одессе было очень мало монументов, однако те немногие, что были, — подлинные шедевры, и к тому же подлинно народные памятники.

Полагаю, и нынешние одесситы не оплошают, и в январе 2010-го к семидесятилетию гибели И.Э. Бабеля, в Одессе появится памятник еще одному ее великому певцу.

Ваш взнос с удовольствием примут во Всемирном клубе одесситов на Маразлиевской, 7 (тел. 725-45-67, 725-53-68) ежедневно, кроме субботы и воскресенья, с 10.00 до 18.00.

Здесь, пока вы выпьете чашечку чая или кофе и ознакомитесь с клубом, сотрудники сдадут деньги в банк, а вам выдадут копию банковской платежки и именное "Свидетельство", подтверждающее ваше участие в благородном деле сооружения памятника Исааку Бабелю.

Уже сейчас на банковские счета поступило более пяти тысяч долларов от людей, решивших лично участвовать в увековечении памяти о Бабеле в его родном городе.

Тем, кто самостоятельно пойдет в банк, предлагаем реквизиты банковских счетов.

Реквизиты для перечисления средств в гривнях:
Банк ГУГКУ в Одесской области
МФО 828011
код ЕГРПОУ 23862106
счет 31519931700002
получатель УГК в г. Одессе
код бюджетной классификации 50110000 "Целевой фонд Одесского городского совета"
назначение платежа: финансовая помощь на сооружение памятника И.Э. Бабелю

Реквизиты для перечисления валютных средств в долларах США:
Correspondent bank:
SWIFT Code AEIB US 33
American Express Bank LTD., New York USA
Account # 742106
Beneficiary's bank:
SWIFT Code NADRUUAUX
Bank Nadra Odessa Branch
Beneficiary: In favour of Upravlenie Finansov OGS
Account 25456002366501
Purpose of payment: financial assistance in erecting the monument to Babel I.E.

Реквизиты для перечисления валютных средств в евро:
Correspondent Bank:
SWIFT Code COBA DE FF
Commerzbank AG, Frankfurt am Main, Germany
Account # 400/8868606/01
Beneficiary's bank:
SWIFT Code NADRUUAUX
Bank Nadra Odessa Branch
Beneficiary: In favour of Odessa Financial Department
Account 25456002366501
Purpose of payment: financial assistance in erecting the monument to Babel I.E.

Олег ГУБАРЬ

ОДЕССИТ — ЭТО НАЦИОНАЛЬНОСТЬ?

Этой формулировкой оперируют довольно часто и, конечно, небезосновательно, имея в виду традиционную одесскую веротерпимость, взаимную лояльность представителей разных этносов и конфессий. На самом деле, далеко не все так уж гладко и благостно складывалось здесь в сфере межнациональных отношений, как мы привыкли думать. Едва ли какой другой город Российской империи пережил столько масштабных и жесточайших погромов. Тем не менее, горожане просто вынуждены были притираться друг к другу, проявлять взаимовыручку перед лицом куда более серьезных проблем, нежели взаимная антипатия и неприязнь. Общность судьбы, проложенной сквозз войны, геноцид, репрессии, голод, катастрофические эпидемии, не могла не сплавить эту "волевою накийп наций" в нечто совершенно неординарное.

Я хочу сказать, что "одесская национальность" — не только декоративный образ, но в значительной мере живой факт, что и собираюсь проиллюстрировать убедительными примерами. Начнем с "верхнего этажа" городского гражданства. Супругой одесского военного коменданта, а затем исполняющего обязанности градоначальника шотландца Ф.А. Кобле была украинка. Француз граф А.Ф. Ланжерон первым браком женат на русской, вторым — на немецке. Русский граф М.С. Воронцов, как известно, сочетался браком с представительницей знатного польского шляхетского рода Браницких. В этом не было ничего экстраординарного: скажем, Л.А. Нарышкин был женат на О.С. Потоцкой, а П.Д. Киселев — на С.С. Потоцкой. Представители

французского рода Рено породнились с молдавским боярским родом Кантакузинов. С ними же породнились и французские евреи Сикары.

Капитан одесского порта американец немецкого происхождения Георг Зонтаг женился на племяннице В.А. Жуковского Анне Юшковой, а дочь от этого брака, Мария, вышла замуж за австрийского консула Гутманстала. Молдаване Стурдзы пересеклись с русскими Гагариными и одновременно с немцами Эдлингами, греки Папудовы с русскими Мартыновыми, итальянцы Амбатьелло с русскими Посоховыми и т. д. Межнациональные браки не миновали практически ни одну известную одесскую фамилию: де Рибасов, Аркудинских, Бларамбергов, Лучичей, Левшинских, Фраполли, Марини, Маразли, Ралли, Анатра, Порро, Кешко, Маркевичей, Дубинных, десятки и сотни других.

Этот список можно продолжать до бесконечности. Но при том надо помнить одно немаловажное обстоятельство. А именно то, что, согласно российскому законодательству, если один из вступающих в брак был православного вероисповедания, то дети от этого брака в обязательном порядке воспитывались исключительно в лоне православия. Брак был вообще невозможен, если один из брачующихся не принадлежал к какой-либо из христианских конфессий. Поэтому, скажем, магометане, иудеи или караимы в случае заключения брака с христианами обязаны были выкрещиваться, что рано или поздно приводило к утрате этнической самоидентификации потомства от смешанных браков. Согласно вековой иудейской традиции, выкрещенные евреи считались умершими, то есть не существующими для единоверцев, их хоронили за кладбищенской оградой.

Но, могут возразить мне, быть может, экзотические сочетания брачующихся возникали именно что на аристократическом или коммерческом олимпе, и национальное смешение не носило массового характера? Это легко проверить, проанализировав, например, старые метрические книги Спасо-Преображенского собора, Свято-Троицкой, Покровской церквей или других храмов Одессы. Если обратиться к этим чрезвычайно информативным и надежным историческим документам, мы обнаружим прелюбопытные сюжеты. Признаться, меня самого когда-то поразило обилие лиц, перешедших в православие по собственному ли желанию, но желание ли родителей, или, как бы поточнее выразиться, по особым обстоятельствам, о которых — чуть ниже.

Вот, скажем, типичная запись при крещении представителя известной фамилии, Константина Шидловского, 20 апреля 1863 года, "присоединенного из католиков к православной церкви вследствие резолюции Его Высокопреосвященства Димитрия, Архиепископа Херсонского и Одесского и Кавалера". 18 августа того же года "просвещена из евреев к православной греко-русской церкви" Роза (Ривка) Цулер, получившая при крещении имя Веры. 8 ноября 1887 года итальянец католик Палестро Дельконте женится на гречанке Елене Соломо, и вскоре их дочь Валентину крестят по православному обряду. Немецкий колонист лютеранского вероисповедания Фишер венчается с православной гречанкой Флорина в начале 1886 года, и все их дети — Клавдия, Константин, Иулия, Надежда — становятся православными.

Показательна запись о крещении "персидско-подданного караима" от 21 октября 1851 года: прежде он звался Саткан Шамул-Якоб, а отныне стал Шивли Еммануилом. 11 ноября 1845 года "французско-подданный Александр Помер" сочетался браком с дочерью одного из самых именитых греческих негодантов Одессы Прасковьей Велисарио. 25 февраля 1834 года "французско-подданный римско-католического вероисповедания Дик Куртац" женится на представительнице другой известной греческой фамилии Ирине Маврогени. 20 мая 1828 года произошло бракосочетание "выкрещенной из евреев, по крестному отцу Полуляховой Александры" с Михаилом Бонием. 13 ноября 1849 года "выкрещенная из евреев Елисавета" (девичья фамилия даже не указана) вступает в брак с греком Василием Зигони. 12 февраля 1878 года "дочь аренбургского гражданина евангелическо-лютеранского вероисповедания Елисавета Каролина Штейнберг" венчалась по православному обряду с Николаем Ангело. В целом же таких записей, фиксирующих национальное нивелирование, сотни и сотни!

Выше было говорено еще и об особых обстоятельствах перехода в православие. Что имелось в виду? Да то, что всех без исключения подкидышей, найденных, малолетних бродяжек, не помнящих родства, крестили в православие, так сказать, в рабочем порядке. Согласия младенцев, разумеется, никто не спрашивал, а родители отсутствовали. И вот это мероприятие носило настолько масштабный характер, что еще за много десятилетий до образования СССР поистине сформировало советский

народ. Вот образцы всего лишь нескольких крещенских записей из метрических книг греческой Свято-Троицкой церкви. "Георгий, 2 августа 1825 года, из евреев". "Дмитрий, 25 января 1808 года, из евреев". "Иван, 28 июня 1819 года, из евреев, 12 лет". "Иоанн, 2 августа 1825 года, из евреев". "Евангели, 4 августа 1822 года, незаконнорожденный сын шляхтянки". "Мария, 20 апреля 1821 года, из армян". "Мария, 20 июля 1820 года, из евреев". "Николай, 5 мая 1829 года, сын евреев". "Петр, 19 января 1808 года, из евреев". А сколько тут неизвестной национальности "сыновей турецко-подданных"! Есть здесь "сын цыгана" и проч. И еще потрясающая запись конца 1820-х: восприемником при крещении еврейского младенца выступает одессит, сам "выкрещенный из магометанской веры"! Взаимная лояльность дошла до того, что в начале 1870-х был впервые официально зафиксирован брак исконных антагонистов — караима и еврейки ("Одесский вестник", 1873, № 35), причем церемония осуществлялась иудейским раввином.

Представляете себе, сколько наших ксвасных патриотов, радетелей чистоты нации, то и дело насканивающих на "безродных космополитов", не ведая того, сами носят в себе подлинно живые гены космополитизма?! Думаю, пора, наконец, распрощаться с пещерными представлениями о чьей-либо расовой или национальной исключительности, ибо давно и верно было сказано о соборности вся твари земной. Именно это цивилизующее, гуманитарное понимание единения мы и вкладываем в формулу "одесской национальности".

Аркадий КРЕЙМЕР

ЧЕТЫРЕ ТОПОЛЯ НА ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ПЛОЩАДИ

Здания, памятники, мемориальные доски, памятные знаки... В них вся история нашего родного города. Пытаюсь среди всего этого многообразия найти доску или памятный знак, посвященный ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ ТРОФИМОВСКОМУ — моему Учителю, — но, увы, не нахожу.

Шел сентябрь 1958 г. Я тогда занимался в 6 классе 117 школы, что на Ришельевской угол Жуковского. Летом произошла какая-то реорганизация нескольких школ и, соответственно, в школу пришли новые преподаватели. Директор школы Петр Павлович Богуславский привел к нам нового учителя украинского языка и литературы Владимира Ильича Трофимовского. Высокий седовласый мужчина с, как сейчас принято говорить, "брежневскими" бровями, в украинской рубашке-вышиванке, с первого дня сумел найти с нами общий язык. Это было еще то время, когда украинский учили все, и никто не выделял его из числа остальных предметов. И если преподавание украинской грамматики было в его изложении традиционным, то при изучении украинской литературы он использовал прием, с которым я нигде не встречался, хотя и сам позже преподавал в школе.

Как оказалось, Владимир Ильич был писателем. Помню первый его рассказ, опубликованный в очень популярном в те годы журнале "Роботица". Назывался он "Ганка". Утекло уже много времени и я, к со-

жалению, не могу вспомнить содержание этого рассказа. Но сам факт, что наш учитель — ПИСАТЕЛЬ, был для всех нас ошеломляющим. Мы этим просто гордились. Он принес нам свои рассказы, и они вместе с произведениями, обязательными при изучении курса украинской литературы, стали нашими учебниками. И сегодня я уверен, что это для всех нас, его учеников, служило дополнительным стимулом.

Прошли годы. Я окончил школу. Не поступив с первого раза в институт, пришел в родную школу к директору, и он, зная мое отношение в школе, взял меня на работу электриком и киномехаником, а в связи с уходом преподавателя трудового обучения временно дал мне вести уроки труда. Так я оказался — правда, временно — самым молодым преподавателем города. И все мои бывшие учителя стали моими коллегами.

Мой преподаватель русского языка и литературы Владимир Антонович Кулеша, один из лучших преподавателей русской литературы в Одессе, с которым мне посчастливилось подружиться в последние годы его жизни, был близким другом Трофимовского. Благодаря этой дружбе я познакомился с биографией Владимира Ильича и стал вхож к нему в дом.

Как оказалось, в годы войны Владимир Ильич был редактором подпольной газеты. Его жена, завернув грудного сына сначала в газеты, а затем в пеленки, разносила газе-

ты по всему городу. Об их героической жизни в Одессе в годы оккупации можно прочитать и на посвященном им стенде в Историко-краеведческом музее Одессы.

Потом были встречи с Владимиром Ильичом на Приморском бульваре, где он после постигшего его инсульта ежедневно гулял. И вот что он мне рассказал:

"Переехал я в Одессу из села в 1937 году и жил на Екатерининской площади. Перед окнами голая, лишенная всякой растительности площадь. Поехал в деревню и привез 4 саженца тополя и посадил их по краям площади".

Сейчас, когда началась полная реконструкция Екатерининской площади и наконец-то на свое место возвращается памятник основателям Одессы, как бы хотелось, чтобы где-нибудь нашлось место для памятного знака: "Деревья посажены в 1939 году учителем, писателем, редактором подпольной газеты в годы Великой Отечественной войны ТРОФИМОВСКИМ В.И.". Ведь деревья тоже, оказывается, имеют историю.

Р. С. Время быстротечно. Как оказалось, оно не пощадит и эти 70-летние тополя. Реконструкция коснулась и их. Опять, как 70 лет тому назад, осталась площадь голой. Но уверен, что на месте этих красавцев появятся молодые саженцы, и около одного из них все же появится табличка, напоминающая об истории их предков.

Ефим Ярошевский
Между фондом и Лувром

Потом я вспомнил.

...Когда сырые влажные корочки весны нежно отклеивались от старых крепостных стен, и ветер нес облака над бульваром, а у магазинчика керамики, у "Оксамита", сладко грелись на корточках, до треска натянув тугие джинсики на бедрах, братья-художники, друзья фонда и Лувра, и в бородачках их гулял ветер (весна!), и солнышко свивало паутинку в лиловых капиллярчиках в забубенных носсах, а в сером зимнем свитере грубой вязки похожий на викинга сидящий Сыч показывал рукой на погоду, и некий Суля покупал из-под полы у знакомого флейтиста киноварь и охру по сходной цене, а Маринюк нес листы показывать Шуне, Хрущик сплевывал на чистую одесскую мостовую стоявшийся зимний харчок, говоря при этом: "Пора менять макулатуру на Микельанджело...". А в это время Дюльфиг гипнотизировал продащицу с озябшими ляжками шириной груди и бицепсов и смело портрета, а Стрельников, похотий на Вана Клиберна, уносился по диагонали в синюю холодеющую Дерибасовскую, вывесь... в это самое время Барыгин сосал мокрую лапу, и Игорек чистил штиблеты и драил плащ, выходя на прогулку из теплого продавленного дивана, светя лучом зуба... в это самое время под прохладными и замшелыми коридорами училища громили выпускника, ногами намазавшего дипломную работу голландской сажей свежим мазком, а местных аборигенов с прыщавыми лбами и потными подмышками ласкали, модерниста же куда-то не пустили и загнали обратно в имени Грекова академию училищ... в это самое время творилась легенда: возводили писсуар нового ресторана комплекса "Братислава".

И наверху, в подблочной синеве, балансируя на парашюте между жизнью и смертью (между фондом и Лувром), шел Шура Ануфриев закалять гипсовую плиту и покрывать глазурью керамическое небо. Роня белые статуэтки святых на головы прохожих, оформлял банкетный зал, негодую на Штивельмана, Рихтер. А Миша в это время говорил: "Штивель с людьми говорит — как в дерьмо вступает... Это у него такой скользкий стиль... И кто тебе сказал, что у Артура испанская борода? Ничего подобного, обыкновенная черная изморозь на морде... И Павлов не Ницше, и Гриша не маэстро, зато Дюльфиг — Каневский...".

Бездомные поэты читали стихи в баре на Пушкинской и сочиняли дикие афиши в подвалах. Апельсиновые корки ронял с третьего этажа мальчик, и теплым весенним поносом исходили на деревьях птицы. К вечеру в алые винные погребки спускались бледные тела озверевших от трезвости богемцев, чтобы через час взойти спелыми газовыми головками и дымными фитильками осветить вечер...

Мария ГУДЫМА

МЕЖДУ «ГОГОЛЕВСКИХ» ДОМОВ

Суеверные люди стараются избегать так называемой чертовой дюжины, но что же делать тем, кто родился в доме, который значится под номером тринадцать? Моя мама, например, появилась на свет даже не в роддоме, а непосредственно в том самом тринадцатом номере, ведь дело было во время оккупации... В общем, жизненный опыт научил меня относиться к суевериям скептически. Хотя мой родной дом № 13 по улице Гоголя, бывшей Надеждинской, буквально овеян легендами. Одна из них гласит: удача обошла дом стороной еще тогда, когда великий писатель Николай Васильевич Гоголь во время пребывания в Одессе подолгу гостил то в номере одиннадцатом, то в пятнадцатом, как раз по обе стороны нашего. А ведь мог поселиться именно у нас, и мы сегодня тоже гордились бы наличием мемориальной доски! Остается утешать себя тем, что классик мог, по крайней мере, бывать здесь в гостях. Все-таки приятней думать, будто тень его до сих пор витает над твоей сковородкой с бычками или кастрюлей с борщом...

Загадочный образ Гоголя не может обойтись без слухов о привидениях. Так, по дому № 15, где он имел удовольствие гостить, разгуливает полупрозрачная женщина в русском сарафане и платке, заколотом под подбородком, по-видимому, прислуга. Поскольку в доме сейчас находится детский садик, призрак является перепуганным нянечкам и воспитателям, стоит им задержаться на работе или просто спуститься в полутемный подвал, где кухня и кладовые. Отдельные "счастливицы" сталкивались с рыжим лохматым существом, таявшим на их глазах в воздухе, слышали подозрительные шуршания, а еще цепенели от ужаса, когда к их лицам прикасался некто невидимый.

Ну что вам сказать: в нашем доме привидения не замечены, а вот "прислышания" — очень даже! Скрипы, шуршания и вздохи раздаются постоянно. В детстве я сама нередко засыпала под кряхтение какой-то бродившей по двору старой собаки. И только через двадцать лет меня осенило: собаки так долго не живут, тем более старые. В одну далеко не прекрасную ночь собака "задышала" прямо в моей комнате.

Помолившись и окропив все углы святой водой, я смогла заснуть. На следующую ночь кряхтение раздалось прямо за открытой форточкой, словно собака-невидимка застыла в воздухе. Получив свою порцию святой воды, "прислышание" ретировалось. Надеюсь, навсегда.

Исчезновение кряхтящей по ночам собаки заметили многие — ведь акустика во дворе-колодце просто изумительная, хоть концерты давай. Каждый чих слышен всем соседям. В далеких семидесятых, помнится, с раннего утра раздавались возгласы гостей, заявлявших о своем приходе: "Мадам Чичотка!", "Мадам Певзнер!", "Мадам Киселис!", "Мадам Бошоер!" и так далее.

Смутно помню, что у одной из соседок были сыновья по именам Саша и Шурик (как ни странно). Колоритнейшей фигурой являлась баба Зося, "любительница животных", сохранившая полчища кошек и собак, причем не в идеальной чистоте — мухи и блохи были визитной карточкой двора. Недавно один бывший житель двора удивил меня, выступив по телевизору с воспоминаниями о том, как баба Зося каждую суб-

сцене, но интриги конкуренток ставили раньше времени прервать театральную карьеру и перекалифицироваться в библиотекарю на лакокрасочном заводе. Укоротили сценическую жизнь Фросеньки также выступления в кабаре перед румынскими офицерами, причем в весьма откровенных костюмах. Но тяга к искусству не оставила бывшую актрису: очень часто глубокой ночью двор оглашался оперными ариями,

там музей Гоголя. Валерию Нетребскому вместе с видеооператором удалось проникнуть в здание, ныне принадлежащее некой американской фирме. Как оказалось, во многих помещениях практически сохранена первоначальная планировка, и есть все возможности, чтобы восстановить интерьеры гоголевских времен. Но крысы уничтожили практически весь паркет. Как утверждает краевед, здание было продано с явными нарушениями законодательства, и городу стоит совсем немного потрудиться, чтобы его вернуть. Тем более что новые хозяева проявили вопиющую бесхозяйственность. Такое впечатление, будто они ждут обрушения уникального дома. А когда это случится, ничто уже не помешает возвести на его месте иное сооружение. Валерия Нетребского и многих других одесситов, по-настоящему влюбленных в свой город, такая перспектива устраивать не может.

Между тем в последние годы из городских экскурсионных программ исключена тема "Гоголь в Одессе". Случайность или закономерность? Мне кажется, музей-квартира Гоголя, как и памятник Бабелю, и многие другие вещи, в Одессе должен быть. Устройство такого музея наверняка способно привлечь инвестиции со стороны российских культурных институций. И уж точно туристам со всего мира захочется побродить по залам музея среди гоголевских экспонатов и персонажей. Вот если бы еще сохранить колорит одесских дворовиков для жизни, не для музея... Но это сложно. Место коренных одесситов занимают, увы, те, кто рассматривает двор как плацдарм для парковки автомобиля или удобный угол для пристройки. Энергия подобных жильцов разрушительнее любых суеверий...

Мария ГУДЫМА.

Лада ПРОКОПОВИЧ

Одесский коэффициент

Сидим мы как-то с Эйнштейном на кухне...

Что? Да. С тем самым. С Альбертом.

Ну, сидим мы, значит...

Что? Нет. В том-то и дело, что ни в одном глазу. Даже наоборот. Торчу на своей кухне: жарю сырники и тружусь над рукописью. Пытаюсь написать что-то об одесском юморе. Ничего не выходит. В смысле — с юмором. А сырники — ничего, получаются. Пухленькие, ароматные. Беспечно так хохочут на сковородке, подталкивая друг друга в румяные бока... Им-то что? Им весело. Пока их не едят. А меня уже едят. Едят муки творчества. Грызут сомнения. Терзают самокритика. В общем, не до смеха мне.

И тут является он. Эйнштейн. И говорит:

— Сразу видно, коллега, забросили вы физику.

А я ему:

— Ну, во-первых, здравствуйте, — говорю, — во-вторых, присаживайтесь, угощайтесь, — говорю, — а в-третьих, при чем тут физика? — говорю.

Он здоровается, садится, берет сырник, откусывает и сначала с недовольством жует.

— О! — говорит. — Вкусно. А как это называется?

— Сырники, — отвечаю. — Блюдо одесской кухни.

Он делает круглые глаза, начинает озираться по сторонам, останавливает взгляд на букетике душистого горшочка на кухонном столе и вопрошает:

— Так я в Одессе?

— Ой, — отвечаю, — а где вы еще видели, чтобы писатель одновременно писал рассказ и жарил сырники?

Гость задумался. Серьезный такой стал. Я с волнением и восхищением взираю на великого ученого, но меня, в отличие от него, совершенно не интересовал вопрос о том, как он здесь очутился. Меня беспокоил другой вопрос.

— Я, конечно, извиняюсь, — прервала я раздумья своего гостя, — но вы так и не ответили на мой вопрос. При чем тут физика?

— Ах, да! — спохватился великий ученый. — Я хотел сказать, что если бы вы не забыли физику, то и с лирикой не было бы проблем. Тем более с юмором. Я же давным-давно предложил универсальную формулу:

$$E = mc^2,$$

где E — энергия. Все равно какая. Пусть даже энергия смеха.

Наступила моя очередь задуматься. Пока я скрежетала своими заржавевшими в быту мозгами, мои сырники чуть не подгорели. Спасибо Эйнштейну: вовремя попросил добавки.

— Если так, — сказала я, выкладывая на тарелку спасенную партию сырников, — то формулу следует уточнить:

$$C = \text{тех}^2.$$

Великий ученый поперхнулся.

— Это называется уточнить?! Мало того, что все члены уравнения переставлены, так еще и $икс$ откуда-то взялся! Что это за $икс$?! — Это поправочный коэффициент, — объяснила я. — Для уточнения.

— Какого... какого уточнения? — начал нервничать ученый.

— Уточнения, что эта энергия выделяется не где-нибудь во вселенной, а в Одессе. Без этого уточнения никак нельзя.

— Вы думаете? — усомнился Эйнштейн.

— Конечно! — пошла я напролом. — Вот, к примеру, гуляют во дворе две девочки, лет по двенадцать. Одна из них подзывает свою собаку: "Ника! Ника! Иди сюда". Из-за дерева выбегает некто маленькое, неприятное, сливающееся с ландшафтом. "Издали она такая маленькая!" — восклицает подружка. — Как мышка". — "Ага, — соглашается хозяйка собаки. — Материальная точка". Согласитесь, Альберт Германович, нигде во вселенной вы такого разговора не услышите.

— Пожалуй. Я вижу, тинейджеры у вас продвинутые.

— Да разве ж только тинейджеры?! — накалилась я не хуже своей сковородки. — У нас народ с детства, с пеленок, можно сказать, наукой проникается. Недавно пятилетняя дочь моей подруги заявила: "Представляете, какой мой папа глупый! Я у него спросила, сколько планет в нашей солнечной системе, а он ответил — двенадцать!"

— Ого! Она что, астрономией увлекается?

— Нет. Просто в детском саду был утренник, посвященный Дню космонавтики.

— Даа... хорошие у вас садики.

— Еще бы! Но домашнее образование тоже не отстает! Мой сын, например, гуляя вечером с отцом, показал пальчиком на Луну и сказал: "Там луноход". Муж попытался возразить — нет, мол, там сейчас никакого лунохода. А сын настойчиво: "Это Луна? Значит, там луноход. Вон, смотри, идет, идет, идет... поворачивает..."

— А, так это, значит, ваш сын увлекается астрономией?

— Ммм... пока не знаю, — пожал я плечами.

— Почему "пока"?

— Ему только три с половиной года. Ученый долго смотрел мне в глаза. Я улынулась. Он тоже.

— Откуда же тогда ваш сын знает про луноход?

— Мы с ним детскую энциклопедию на ночь читаем, — пояснила я, но тотчас спохватилась: — Только вы ничего такого не подумайте, мы его в вундеркинды не готовим. Боже упаси! Просто там картинки хорошие. Кроме лунохода ему еще нравится рисунок человеческого глаза. Однажды он очень долго его рассматривал. Я комментировала, как могла, — это, мол, глазное яблоко, но не настоящее, а схема, здесь показано, как устроен глаз человека... Сын слушал-слушал, молчал-молчал, а потом спрашивает: "А где попа?"

Великий ученый опять поперхнулся.

— Да уж, поправка...

— Нельзя без нее, правда? Да вы ешьте, ешьте. Вот, с медом попробуйте. Мед майский. Такой только у нас бывает.

— Ну хорошо, а скорость света? — не сдавался ученый, машинально окуная сырник в пилу с медом. — Почему у вас скорость света не в квадрате?

— А это без разницы.

— ???

— Понимаете, в Одессе свет измеряется не скоростью и даже не количеством, а теплом и смыслом, которые он в себе несет. Поэтому совершенно неважно, что это за свет: свет одесского солнца, свет в конце туннеля или просто свет от свечи, зажженной все равно кому богу...

Под действием этой проникно-

венной речи Эйнштейн начал смягчаться.

— Допустим. А чему у вас равен коэффициент полезного действия?

— Нулю! — торжественно объявила я. — В том-то и дело. Энергии — море, а КПД — чистый ноль. Примеры? Пожалуйста. Одна моя знакомая похвасталась: "А мы с мужем недавно ездили во Францию. Увидели рекламу, что там должен быть большой базар. Поехали. Походили... Посмотрели... Ничего, конечно, не купили..."

Великий ученый затрясся от смеха, роняя капли меда с сырника прямо на стол. Янтарные бусинки, выпавшие тонким ожерельем, игриво засверкали в лучах полуденного солнца и окончательно сбили меня с пиетета.

— Вот видите, коллега, — понесло меня, — как же можно не ввести в нашу формулу уточняющий коэффициент?!

— Ну-у... не знаю, не знаю... — колебался автор теории относительности. — Во всяком случае, эти ваши сырники как элемент одесской культуры обязательно должны войти в какой-нибудь закон мироздания.

От такого комплимента я совсем потеряла голову, а Эйнштейн добавил:

— Ладно, у себя в Одессе можете писать эту несчастную формулу, как хотите. Я вижу, что у вас здесь все так относительно, как нигде больше. И, в конце концов, что такое юмор, как не понимание относительности жизни?

Сказал и исчез.

А я осталась. И долго еще стояла посреди кухни с сырником в одной руке и с авторучкой — в другой. Стояла потрясенная и расстроенная. Потрясенная, потому что наконец-то заинтересовалась вопросом, каким образом в моей кухне оказался великий Эйнштейн, а расстроенная, потому что не успела предложить ему вишневой наливочки. Заморочил мне голову своими формулами...

Светлана ВИШТАЛЕНКО-ГАЛКИНА ТРИ ЖИЗНИ БАЛЕРИНЫ СТЕПАНОВОЙ

С чего начинается театр? Только, пожалуйста, не повторяйте заезженный чеховский стереотип про вешалку. Потому что театр начинается с полетов во сне и наяву. С той огромной, больше бантов на голове или пожарной машины под кроватью мечты, которая заставляет девочек и мальчишек вздыматься на цыпочки перед зеркалом в маминной спальне — выше, выше, к звездам, под сияние юпитеров, навстречу рукоплещущей публике, ослепленной этим невероятным прорывом ввысь и блеском волшебного наряда. И ничего, что розовый шелк с соседского плеча в прошлогодней "хелюинской" пыли, а прыжок едва не развалил родительское трюмо. Стремление выражать себя в танце вечно.

— И раз, и два, и три ... я-та-ти-та-та-та-та-та...

За окном — знойное онтарийское лето, а в Академии балета Татьяны Степановой в Торонто идут уроки. Полы классов политы тоннами пота, а каждый будущий выход на сцену оплачен болью натруженных связок. Но об этом — ни слова, ни слезинки. Ни вздоха о прохладе северных озер. Потому что еще год, месяц или минута, и непослушное тело отправится в душой исполненный полет, чтобы снова и снова рождаться в движении. А пока закусены губы, дрожат от напряжения колени, и сводит вытянутые до судорог носки. Все внимание устремлено на хрупкую фигурку в черном, сталкером ведущую девочек и мальчишек к мечте. Четкие батманы, по-вагановски царственный поворот головы, взлетающие "русские" руки Божьей милостью балерины, педагога, основательницы и художественного руководителя академии отражаются мышечной памятью взмокших девочек и мальчишек, замерших у станка. Татьяна Степанова на глазах выпрямляет спины и души, лепит в крылья беспомощные руки, толкает неумелые пуанты в водоворот фуэте.

В коридоре стайка "балетных мам" приросла к прорезям жалюзи на окошке класса. Многие пришли из других школ, и вот не могут надивиться тому, как быстро преобразилась Татьяна их совсем недавно неуклюжих гадких утят, мечтавших танцевать:

— Многие перестали узнавать мою девочку, — говорит мама выпускницы нынешнего года Эмили Эскеджан. — Она как будто заново родилась. А ведь недавно думали, что надежду на профессиональную сцену придется оставить. Как нам с Татьяной повезло, мы до сих пор не можем прийти в себя от счастья!

Кто помнит прошлогоднее появление в академии Эмили, вполне с этим согласны. Угловатая, с тяжелыми ногами, Эмили валилась с пуантов и плакала от досады в раздевалке. Сегодня девочка выбирает между Веной и двумя американскими труппами, где предложили стажировку и работу исполнительницей.

— Сколько денег и времени выброшено на другие школы, — вздыхает Карен Рейчелсон, мама Мейган, которая учится в третьем классе академии. — Сколько было разочарований, пока не попали к Татьяне...

"Балетные мамы" знают цену настоящему педагогу. Ведь в балете нет даже нот, и все зависит только от живого слова учителя. Пропустили — не исправишь, а с возрастом надежда испаряется. Так что мамы не ропщут часами простаивая в коридорах академии. А любители балета в северном Торонто третью весну с нетерпением ждут спектаклей, поставленных Татьяной Степановой.

В последний месяц занятий в академии мамам видеть репетиции не полагается. Такова традиция: выход на сцену должен быть сюрпризом. Но мамы на то и мамы,

чтобы бессовестно подглядывать в щелочку, пытаясь определить чад по движениям ног. Тем не менее, дело это нелегкое, потому что чада их из Татьян, Катерин, Эмили и Жаклин мгновенно превращались в разудалые вишенки, деловитые тыковки, томные персики, насупленные лимоны и вполне тоталитарные синьоры и синьорины помидоры и помидорши. В этом году Татьяна Степанова вынесла на суд публики Торонто свою собственную оригинальную хореографическую версию балета "Чиполлино" на музыку Арама Хачатуряна и фрагментов произведений Дмитрия Шостаковича.

О представлениях балета, которые прошли в середине июня, говорят до сих пор. Просто невозможно забыть полные юмора мизансцены, вдохновение исполнителей и оформление спектакля. Расписные задники, приехавшие из Майямы, зажгли окошки волшебного овощного города. О костюмах — разговор особый. Такие в Торонто и на профессиональных площадках увидишь редко. Каждый из них стал одновременно и маленькой сказкой, и точной психологической характеристикой персонажей балета. Их создала специально для этого спектакля московская художница Виктория Бердичевская. Ткани и шляпные колодки выписывались из Монреаля и Америки и шились со множеством примерок с учетом индивидуальности каждого исполнителя.

Когда же, наконец, пришел долгожданный день премьеры и ожила черная коробка сценического пространства в Cardinal Carter Academy for the Arts в Торонто, разбредив души ни с чем не сравнимым запахом кулис, труд педагога и хореографа выплеснулся в яркий сценический действом в исполнении Татьянинных учеников. Всего за три года существования академия их насчитывает уже более сотни. Ведь давно известно, что мечта так и останется мечтой, если за нею не будет стоять Мастер. Заслуженную артистку Украины Татьяну Степанову не нужно представлять ни у себя на родине в Одессе, ни в Северной Америке.

Когда-то и сама Татьяна, тоненькая черноглазая девочка из хорошей одесской семьи, мечтала о танцах. И хоть родители и отправили ее на музыку, Тане характера было не занимать: маме пришлось сложить оружие и отвести дочку в балетную школу. Одесские педагоги вздыхали: с таким талантом девочку надо в столицу. В училище Большого театра попасть ей помогла... холера. Тогда Таню с мамой эвакуировали в Москву. Вспомнив наставления, мама повела ее в балетный класс лучшей школы столицы. Пришлось тогдашнему министру культуры Фурцевой выбивать для первой ученицы с Украины общежитие в Москве. А вернувшись выпускница Академического хореографического училища Большого театра в свой город, ворвавшись на сцену Одесского оперного восемнадцатилетней Жизелью.

Артистическая карьера балерины у себя дома вместила едва ли не все ведущие партии мировой танцевальной классики и лучших современных балетов. Она взлетала над подмостками победной Китри в "Дон Кихоте", разливала соло-виной трелью па-де-бурре в "Коньке-Горбунке", рыдала "Баядеркой", погибала, утверждая вечную любовь, в "Ромео и Джульетте", попираала страстью смерть в "Кармен-сюите", вонзалась стальным пуантом в душу лермонтовского героя в роли баронессы Штраль в "Маскараде".

Казалось бы, Татьяне Степановой удалось все, о чем только может мечтать актриса. В памяти почитателей ее музыки остались и пронзительная Эдит Пиаф, которую Татьяна станцевала на творческом вечере в концертном зале имени Чайковского в Москве, и талантливо и легко сыгранные киногерои, вроде подружки Маяковского Лили Брик в фильме Одесской киностудии "Дежа-вю".

Но карьера ее на этом далеко не закончилась. Начались гастроли по Европе и контракты в США, где американская публика рукоплескала принцессе Авроре из "Спящей красавицы", Маше из "Щелкунчика", Одетте-Одили. Здесь же, в Новом Свете, ей выпала неожиданная честь станцевать "Видение Розы" перед сценическими соратниками автора балета Михаила Фокина и легендарных Анны Павловой, Вацлава Нижинского и их товарищей по сцене: балерина попала в число почетных участников представления, посвященного юбилею труппы "Бале Рюсс" — той самой, что, отпочковавшись от Дягилевских сезонов в Париже на рубеже двадцатого столетия, принесла искусство русского балета в Северную Америку. Она стояла у станка на уроке, который проводили живые легенды балета. И возрождала их прошлое, выйдя на подмостки в платье исполнительницы "Видения" из труппы "Бале Рюсс"...

— Я часто думаю о том, какое редкое счастье подарила мне судьба. Ведь не каждому артисту выпадает

из класса часами. По ночам не спит, думая о новых постановках, поисках источников финансирования, складах для театральных декораций и костюмов, но больше всего — о судьбе своих учеников.

На стенах академии не увидишь североамериканской "обязаловки", этих вечных снимков с сильными мира театральными подмостков или знаменитостями, хоть таких встреч в жизни балерины было немало. Стены заполнены фотографиями ее питомцев. Камера остановила не только мгновения предидущих постановок, но и ощущение счастья на лицах маленьких принцев и фей, которое ни с чем не перепутать. Самые дорогие, в отдельных рамках, — фото тех, кого Татьяна выпустила в профессиональную балетную жизнь, начав преподавательскую деятельность в новой стране. Сегодня они танцуют в профессиональных труппах Канады, Америки, Израиля.

Нынешний, третий по счету отчетный спектакль академии, был задуман Татьяной Степановой как важная веха на пути к созданию постоянно действующего балетного театра в Торонто, базой для которого должна стать ее школа танца. Потому что ведь и у Мастера есть мечты, которые не дают покоя:

— О создании театра я думала всегда, — признается Татьяна. — Театр для меня был и остается истинным, высоким храмом души. Это самое святое в моей жизни, потому что только театр поднимает и раскрывает лучшее, на что ты способен...

Кто хоть немного пожил на нашем континенте, хорошо понимает, что за этими словами стоит подвижничество. Мы кувыркаемся в мире, где дилетантизм возведен в культ, качество жизни определяется отсутствием каких-либо усилий и наличием вечного "фана", то бишь примитивного, не требующего ни ума, ни труда удовольствия. Здесь самоотречение, жертвенность и творческий поиск воспринимаются как абстракции из потустороннего мира,

дает встретиться с живой историей мирового балета, — говорит Татьяна. — На моем месте могла быть любая другая балерина. С тех пор я не сомневаюсь в том, что в моем переезде на Североамериканский континент был какой-то особенный смысл. Здесь я прожила свою вторую артистическую жизнь.

Но Мастер потому и Мастер, что существовать вне ролей не может: — Закончив танцевальную карьеру, четко осознала, что смогу жить только в своих учениках, давая им возможность снова и снова повторять то, что делала я сама, — говорит Татьяна.

Так в Торонто перед балериной Степановой открылась еще одна, непростая, но счастливая творческая дорога. Казалось бы, могла ведь просто побыть очень красивой женщиной, отдохнуть, ну, иногда давать уроки. А Татьяна не выходит

вроде дедушкиных рассказов о войне или дефиците на мыло.

Помнится, в прошлом году накануне спектакля "Коппелия" в постановке Степановой зашел разговор о том, что, мол, чего уж так убиваться — все равно подобного в других школах Торонто не увидишь. Татьяна отрезала:

— Я не сравниваю своих учеников с чьим-то уровнем. Сравниваю все, что делаю, только со своим собственным.

Она требует того же и от юных исполнителей, и от их родителей и, конечно же, от коллег. Поэтому каждый спектакль академии учит, прежде всего, тому, как превзойти себя. Ну а "Чиполлино" — балет вообще особенный. В нем столько неповторимых характеров, что работа постановщика, хореографа и репетитора усложняется во сто крат.

Зато и талантов в своих учениках Татьяна Степанова открыла множество. Поэтому и создала для них новые хореографические композиции, ввела не существовавшие раньше персонажи, внимательно подбирала роли, примеряясь к внешности, темпераменту и уровню учеников, "переводя" сатирический язык либретто в доступную и детям, и взрослым символику. Уж если и выкатывался на сцену горошек, так от зубов отскакивал, а коль в ряд выходили шестилетние морковочки, то такой постановке сплн любой хореографический огород мог позавидовать. За ними — шелк да шелк каблучками — рассыпались перчинки: смотрите, а не то в глаза попадем! Пока пионы наивно кивали розовыми головками, Дон Лимон задумывал новые интриги.

А в зале ловили себя на мысли о том, что "Чиполлино" — вовсе не сказка, в которой все понарошку, а сама жизнь. В ней добро, как и заведено, победило зло. Отважный и благородный Луковка и революционерка Редисочка отпраздновали победу в битвах с бюрократическим коварством. Не теряя времени и растопырив от усердия оранжевые пачечки, тыковки восстанавливали недвижимость, конфискованную было Синьором Помидором. Сам посрамленный Помидор в до боли знакомой кепке диктатора оказался повержен.

Когда зал вспыхнул аплодисментами, стало ясно: театр состоялся. Т-сс-... О вешалке — ни слова. Овации — педагогу и хореографу Татьяне Степановой. И корзины цветов, и слезы счастья учеников, и восторг публики — тоже ей. Еще один выход — и полбденная от волнения и бессонницы последних дней Татьяна склоняется в по-вагановски царственном, широком, от души поклоне...

Сегодня жаркое онтарийское лето манит рыбалкой и дачным покоем. Но в классах академии идет работа:

— И раз, и два, и три! Та-та-ти-та-ти-та-та! Так, так, молодцы, выше, выше голову, тянуться за рукой!

Голос Мастера не знает усталости. Творчество не хочет покоя. А мечты — для того и мечты, чтоб становиться явью.

Торонто — Одесса.

МАША ЮЗЕФПОЛЬСКАЯ. РАЗГОВОРЫ ОБ ИСКУССТВЕ

"Нет такого мирского обряда, от которого бы не хотелось уклониться".

Кенко Хоси, один из "четырёх небесных владык японской поэзии" периода Муромати (XIV в.)

Я не могу уклониться от желания рассказать об одной выставке, которая прошла недавно в галерее Союза художников, хотя писание рецензий на выставки — тоже своего рода обряд, тягостный и скучный.

Для простого смертного, привыкшего видеть в галерее картинку в рамках и скульптурки на подставках, эта выставка — эпатаж и провокация. Для любознательных она может послужить стимулом к постановке вопросов или поводом к разговору на интеллектуальную тему.

Автор выставки Маша Юзефпольская вопросов не приемлет:

— Искусство не объясняют, — говорит она и отсылает вас к каталогу, где все подробно объяснено и даже вычислено.

Что поделаешь, творческие люди полны противоречий. Даже наш Творец не отличается особой последовательностью...

М. Ю., молодая художница, пост-модернистка, концептуалистка, синкретистка, ready-made'истка и пр., и пр. В эклектике нашего времени без стиля и вкуса, которую оправдывают нелепым словом "плюрализм", Маша — помимо всех "измов" — профессиональный художник, который в отличие от многих "инсталляторов", владеет и классической техникой изобразительного искусства — рисунком и живописью.

Вместе с тем Маша не выставляет традиционной живописи — она выставляет идею, настроение, обряд.

Прежде чем мы погрузимся в анализ идеи, мне все же придется рассказать о том, что же, собственно, выставлено в галерее, хотя рассказывать об изобразительном искусстве так же нелепо, как танцевать телефонную книгу.

Итак, в душный хамсинный день Тель-Авива мы поднимаемся на второй этаж галереи, который полностью занят работой Маши. Зал разделен на две неравные части виниловой завесой. На нее спроектирован видеопортрет Маши, пытающейся оживить давно задохнувшуюся семгу с хищно открытым ртом. Рыба — многозначный символ. Рыбы обитают в глубинах вод, поэтому они традиционно ассоциируются с тайной и благоговейным страхом.

Для евреев они означают благословение, Божественную защиту, искупление, плодородие, удачу. Мудрецы считали, что подобно тому, как рыбы защищены от дурного глаза водами моря, защищены и еврейский народ, ибо Яков сравнил потомство сыновей Йосефа с рыбами (Брахот, 20а).

В православной церкви подчеркивается евхаристическое значение этого символа.

У Маши этот символизм объясняется, прежде всего, необходимостью выразить средствами искусства истины, которые не подлежат прямому изображению. Она говорит: "На родном иностранном языке ты отвергаешь коллаборацию, рушишь границы и порою помечаешь недоступные явления".

Возможно, это намек на экологическую катастрофу — драгоценные породы рыб хищнически уничтожаются. Рыбы-самубийцы; многие гибнут после нереста, особенно самцы. Тут же на полу наклеена большая фотография лежащей на боку Маши, и на ней стоит множество пластиковых стаканчиков, наполненных белесой жидкостью. Что это? Банк, генофонд для погибающих рыб или погибшего народа?

Не спрашивайте Машу, она не станет объяснять — думайте сами. Все зависит от эрудиции и фантазии зрителя, которому дана наряду со свободой слова еще и свобода восприятия, фантазии и мысли.

Но где же этот свободно мыслящий зритель? Зал тих и пуст, как

кладбище. Его посещают только друзья и родственники. Все остальные — на футболе.

"Ни один век не был так враждебен искусству, как наш. Это сегодня абсолютно верно для взрослого человека, который может жить без искусства", — это писал Георг Гросс в 1925 году. Это абсолютно верно и для нашего века, и для наших краев.

Но раздвинем виниловую завесу и войдем в большой и темный зал. От ваших ног к противоположной стене тянутся два черных настла, на которых наклеены 400 рыбьих хвостов. Все подсчитано точно. Это можно ассоциировать с Трюффо (400 ударов), можно вспомнить гинматрию: 400 — это последняя буква еврейского алфавита — *тав* — конец. Оказывается, дорога в ад устлана рыбьими хвостами. Даже две дороги! — чтобы не толпились.

Но дорога пока еще ведет не в ад, а только к двум экранам, на которых по замкнутому кругу прокручивается один и тот же видеоклип с небольшим сдвигом по времени, как в музыкальном каноне. Здесь очень хочется вспомнить Хофstadтера

с его прекрасным анализом канона, но надо рассказывать о выставке и объяснять необъяснимое.

Клип — это неточный термин. Клип — этот вульгарный пасынок кино — обычно служит навязчивой рекламе грохочущих песенок. У Маши ничего вульгарного и кричащего. На экране героиня, одетая в черное, как грузинская вдова, в тишине правит свой мистический обряд. На ногах черные японские таби — как варежка для ноги с отделенным большим пальцем. Обычно женщины в Японии носят белые таби с дзори. Черные таби носят мастера восточных единоборств — айкидо.

Айкидо — это искусство разрешения конфликтов и поиска гармонии... Маша в черных таби творит свое Айкидо.

— При чем здесь айкидо, когда видеоклип снят в Германии? — спросите вы резонно.

Да просто при том, что в постмодернизме все можно, любая смесь, реминисценция и заимствования. Он несет на себе печать плюрализма и терпимости, в художественном проявлении вылившись в эклектизм. Но последний термин не слишком привлекателен, поэтому скажем *синкретизм*. Умное слово, заимствованное из философии, которое тоже означает смесь разных направлений, идей и стилей.

Кроме изобразительного ряда в экспозиции присутствует ряд звуковой и ряд литературно-поэтический. В зале слышны вздохи, стоны и строки стихов, хаотически вырванные из контекста цитаты на разных языках.

Что ищет Маша в немецком лесу? Кого заклинает, верша таинственный танец на месте бывшей Берлинской стены, бывшего железного занавеса?

Не ищите политических деклараций, хотя в каталоге проскальзывает недовольство империализмом и американизацией — и ни звука про тоталитаризм и фундаментализм. Но... это другая тема, давно

навязшая в зубах и малоинтересная.

Напомню лишь, что Марсель Дюшамп, из писсуара которого выросло все концептуальное и постмодернистское искусство, американцем не был.

Кому молится Маша, воздев руки на бетонном мосту? Она творит свой ритуал женской ворожбы, танцует, кружится на булыжной мостовой, сводит с ума бедного лягушонка, перекидывая его из руки в руку. Впадает в транс. Лягушка — символ скрытой красоты и женской плодovitости, стремления женщины иметь детей.

Красота безусловно присутствует — Маша на экране красива монументальной красотой кентавра или весталки. Она видит себя дочерью рыцаря, клоунессой, паломницей, ковыляющей в одноразовых башмаках. Эти башмаки напоминают раздвоенное копыто чистых животных, годных для заклания: "Мы жрем, и нас пожирают", — напоминает Маша экзистенциальную истину. Чтобы выжить, чтобы существовать, недостаточно мыслить, необходимо еще и пожирать себе подобных... и бесподобных тоже.

Впрочем, чтобы существовать, совсем не обязательно мыслить, но совершенно необходимо жрать.

Нам напоминает об этом один из друзей, поэт, говорящий стихами и цитатами из деструктивных философов, и мы все направляемся в порт, в рыбный (!) ресторан творить обряд чревоугодия.

В отличие от пустых залов галереи, ресторан переполнен колдунами и шаманами, идолопоклонниками обжорства, весталками крепких возлияний и гедонизма. Вот и наш поэт прекратил цитировать пророков словоблудия и вытащил простую бутылку зверобоя, чем несказанно удивил единственного коренного израильтянина в нашей компании.

При чем здесь искусство? Зачем искусство?

Чтобы задуматься об абсурдности жизни...

"В сущности, искусство — зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь", — говорит Оскар Уайльд.

"Умножая знания, умножаешь печали", — учит нас Экклезиаст.

Инна ЯРОШЕВИЧ, Иерусалим.

Вероника КОВАЛЬ

ЗАЭКРАННЫЙ МИР РЕЖИССЕРА

В доме Михаила Степановича Заяца всегда полно гостей — один другого интересней. И сам хозяин фигура колоритная: четверть века работал как главный художник на картинке Одесской киностудии, потом бросил производство и ушел в свободное плавание, что по тем временам было из ряда вон выходящим и рискованным поступком. Он своими руками отгрохал в Санжейке, что под Ильичевском, в двух шагах от моря, домину, развел виноград и цветники. Летом на огонек гостеприимных хозяев Михаила и Оксаны слетаются художники и прочий творческий народ со всей Украины и не только. Здесь-то я и познакомилась с Надеждой Степановной Тасиной.

Фамилия эта была мне знакома. Не раз упоминал ее директор создающегося одесского музея кино режиссер Вадим Васильевич Костромченко. В статьях, посвященных созданию Одесской киностудии в 20-годах прошлого века, он писал, что одним из ее организаторов, а затем и режиссером был Георгий Николаевич Тасин. В научной библиотеке я обнаружила тонкую книжечку издания 1929 года: "Георгий Тасин (критико-биографический очерк)". В ней скупо рассказано о его первых работах. Краткие сведения о нем содержатся в монографиях и энциклопедиях по истории украинского кино.

Жизнь режиссера началась еще в XIX веке (он 1895 года рождения). Естественно, в веке XXI я воспринимала ее как факт далекого прошло-

го. И вдруг — невестка! Надежда Степановна Тасина. Киевлянка. Обаятельная общительная дама. Мы провели с ней в разговорах целый долгий день под навесом среди виноградных лоз, которые еще только наливались янтарным соком; море дышало нам в лицо первозданной свежестью и что-то тайное нашептывало; белый санжейский маяк на холме казался оранжевым при нещадно палившем солнце.

Я узнала историю неординарной семьи, главой которой был кинорежиссер Тасин, и где с кино связана, так или иначе, жизнь его родственников. По возвращении в Киев Надежда Степановна переслала мне материалы об отце своего мужа. Рассказы Надежды Степановны позволили мне создать представление о Георгии Тасине — не только как о профессионале, но и как о крупной личности, о человеческих его качествах, пристрастиях, увлечениях. Например, ни в одном документе не говорится, почему Георгий Розов взял псевдоним "Тасин". А невестка рассказала, что так своеобразно он увековечил память о любимой рано умершей дочери Таисии. Мне открылись через него и некоторые важные факты из истории Одесской киностудии.

Георгий Николаевич родился в местечке Шумячи Могилевской области. У него рано проявились гуманитарные наклонности, любовь к литературе. Подростком он и сам писал стихи, правда, никому не показывал. Мало что известно о его юношеских годах. Был репортером,

в гражданскую стал политработником. Когда к нему пришло увлечение "великим немцем", как попал в кино — сведений не дошло. Скорее всего, политпросветчика направили создавать новое революционное кино, и он откликнулся со всем пылом молодости, иначе не остался бы в нем на всю жизнь.

Предположение это вполне вероятно. Время было такое — вчерашние бойцы Красной Армии становились директорами банков, заводов, государственных людьми. Типична в этом смысле судьба Павла Нечеса, балтийского матроса, назначенного быть организатором сначала Ялтинской, затем Одесской кинофабрик. Он блестяще справился с заданием, стал выдающимся организатором кинопроизводства, и уже в 1929 году был назначен директором Киевской кинофабрики, затем занимал различные должности в системе Госкино.

Тасин тоже сразу заявил о себе. В 1918 году он уже возглавил в Киеве первую фотокинокомиссию. Он не только организовывал кинопроцесс, доставал пленку, но и сам писал сценарии агитфильмов. Художественной ценности они не имели, но были полны революционного пафоса. За ними стояла новая эпоха! Вскоре Георгия послали в Ялту создавать кинофабрику на базе ателье Ермольева и Ханжонкова. Заместителем первого ее директора, Георгия Тасина, был назначен Павел Нечес. После успешного "дебюта" их перебрали восстанавливать кинопроизводство в Одессе. Город

уже имел в этом деле богатые традиции. Ведь именно одессит Иосиф Тимченко изобрел лентопротяжный механизм, более совершенный, чем французский аналог. В Одессе существовали киноателье Гроссмана, Борисова, Серебрякова. Действовала первая профессиональная школа киноактеров во главе с популярнейшим в те годы режиссером Петром Чардыниным, у которого снималась сама Вера Холодная.

Как только установилась советская власть, решением городского совета все то, что осталось от частных студий, было национализировано, собрано воедино и прикреплено на довольствие к 41 дивизии Красной Армии. Киносекция политотдела этой дивизии практически стала первой государственной студией. Руководить ею назначили актера русского театра Петра Инсарова — популярного актера немого кино. Территорию бывшей фабрики Харитоновой, которая в то время уже превратилась в свалку, расчистили, соорудили большой павильон — и началась работа.

Недолго Тасин был на административных должностях. Взяла верх художественная натура. Он не получил специального образования, но талант и великая любовь к кино позволили ему быстро вырасти творчески. Георгий не только писал сценарии и снимал. В голове его рождались новые и новые, как сейчас говорят, проекты. В 1922-23 годах Тасин участвовал в создании ленты "Призрак" по новелле Эдгара По и "Поединок" по мотивам произве-

дений Александра Грина. Одновременно занимался редакторской работой. Выдвинул идею экранного журнала "Маховик". Одесская киностудия начала выпуск этих сборников короткометражек. В первый вошло пять лент. Две из них снял молодой режиссер Лесь Курбас, который, как и Александр Довженко, кинокарьеру начинал у нас. Одну картину снял режиссер Георгий Тасин. Возможно, это был агитфильм "Октябрь", который считается его режиссерским дебютом, поскольку ранее он писал только сценарии. Неплохо писал, судя по тому, что снятый по сценарию Георгия режиссером И. Лозиевым культурфильм "Аскания-Нова" получил в 1925 году премию на выставке в Париже.

Тасин, однако, в то время был уже одержим идеей создания полноценного художественного фильма. Таковым стал "Джимми Хиггинс" по роману Эптона Синклера. Сценарий картины о бунтаре-матросе написал не кто иной, как Исаак Бабель. Роль главного героя колоритно исполнил актер, уже к тому времени прославившийся, — Амвросий Бучма. Фильм получился яркий, масштабный. В 1926 году вышла следующая картина режиссера Тасина — "Ордер на арест" по сценарию С. Лазурина. Как отмечает кинокритика, он был переходным от "планетарного", пафосного, прямолинейно агитационного кинематографа к более психологичному. В нем на первое место выдвигался человек как личность, а не как капля революционного океана. Но все-таки режиссер тяготел к масштабному кино, героике.

Новым шагом на его пути стал фильм "Ночной извозчик" (1928 год). Главного героя, Гордея Ярошу, играл опять-таки Амвросий Бучма, что говорит о признании знаме-

Виля ТАЙХ СРЕТЕНИЕ

ЭПИЗОД

15 января 1930 года (дата уточняется). Место действия: Москва, Страстная площадь. Напротив, на другой стороне Тверской за сквериком купола Страстного монастыря. За памятником Пушкину горластые торговцы с лотками на шеях мешают проходу в один из последних частных магазинчиков, оставшихся от нэпа.

(Нет давно монастыря (на его месте кинотеатр), памятник переехал на другую сторону, на месте того самого магазинчика некое заведение "Тик-так".)

Под памятником знаменитый в Москве поэт в модном с иголки пальто, светлой шляпе постукивает концом трости по носку необычного добротного ботинка, смотрит на бронзового кумира, кланяется одной головой. Его приятель в теплом клетчатом пальто, называемом в Замоскворечье шубой, в ушанке из обезьяньего меха, взял его под руку, повел в сторону магазина.

— Надо спешить, Володя. Нора обещала прибыть ко мне в восемь, мы должны быть на месте, ты один знаешь ее вина, ее десерты.

— Сретение, зима с летом встречается, водкой, заломом отмечається.

— Не волнуйся, Валюн, возьмем мотор.

— А колбаски, кому свежие колбаски? Лето зиму по щеке ударяет: полно тебе, зиме, зимовать, пора мне, лету, летовать.

Перезвон колоколов, большое оживление на Тверской. Двое в красных колпаках, в скоромощей манере растопырив руки, шутя загородили им вход в лавку:

— На Сретение кафтан с шубой встретились, а цыган шубу продает. Поэт тростью отодвигает загородивших двери.

Входят. В лавке широкий прилавок буквой "Г", короткая его часть начинается от самого входа, идет в глубину зала, на углу дверь во внут-

ренние помещения, прилавок же продолжается влево до стены. За прилавками высокие витрины красного дерева, на них вина, копчености, сласти, красивые фрукты.

Сцена, имевшая место за десять минут до описанной. В ту же лавку с дамой, не будем томить читателя — со своей женой — вошел другой поэт, не столь знакомый москвичам, но впоследствии включенный в "большую четверку" поэтов России. Одета пара была более чем скромно, да и странно. На поэте было тяжелое кожаное пальто с меховой подкладкой, затруднявшее движения его далеко не богатерской фигуры. Он взмок, нервно ходил по пустому залу, говорил раздраженно.

— Барышня, нам три бутылки Абрау, дюжину груш и...

— Вам большую или малую корзиночку? Мягкую, из цветной рогожки, из соломки, лубяную? — корзинки эти были фирменной упаковкой элитной лавки, ими потом пользовались москвичи по несколько лет.

— Нам вообще-то...

(Продавица уже уложила три бутылки в папиросной бумаге внутрь корзинки, начала заворачивать груши.)

— Ося, возьми две бутылки, твои деньги еще понадобятся, сам знаешь. И не надо корзинки, она стоит, как бутылка вина.

— Какие две? Саша, Женя, да и Аня в Москве, может нагрятый вдруг. Ты же, как всегда, сетку не взяла? Растяпа! Бутылки в карманы, а груши куда? Барышня... Что ты хочешь, Надя?

— Я хочу хотя бы кружочек краковской. У тебя хватит денег?

— Как денег, каких денег? Все деньги у тебя. Позавчера ты забрала к себе все наши деньги, разве не так? У тебя один рубль? Какой позор! Через час магазины закрываются, идти занимать некуда! Какой позор! Куда ты дела деньги?

Я не пойду домой, я буду ночевать на чердаке!

Звякнул колокольчик, вошла пара, описанная ранее. Продавица расцвела, вышел бородатый с улыбкой во все лицо хозяин. Восторженные приветствия, междометия, риторические вопросы — "Как дела, как жена, дети? Над чем сейчас работаете, Владимир Владимирович?". Девушка перешептывалась с огромным поэтом, хихикала, наполняя корзинки, его спутник мялся у двери.

— Попробуй у Катаева, — зашлепала Надежда Яковлевна, — он пока один.

— При нем не могу.

— Тогда нам конец, называли людей...

— Что делает он?

— Шепчется с девкой, пишет что-то, может, автограф.

— Хорошо, — Мандельштам подошел к Валентину Петровичу, через мгновение вернулся.

— Нет!

— День моего позора.

Барышня прошмыгнула за спину Маяковского и грубо рывком забрала корзину, собранную ранее для Осипа Эмильевича. Нервы его не выдержали, он вскочил, задев локтем Маяковского, из его груди непроизвольно вырвалась высокая, как визг, нота. Маяковский повернулся, доброжелательно глядя чуть вниз на Мандельштама, тот же в крайнем раздражении, запрокинув голову, в гордой позе верблюда впился глазами в глаза мнимого обидчика. Это комическое противостояние в течение долгих пяти-шести минут запомнилось присутствующим. Валентин Петрович Катаев, свидетель этой сцены, любил показывать ее в лицах.

При этом магазинная дива не переставая тараторила:

— Владимир Владимирович, дорогой, прочтите что-нибудь. По вашему выбору, ну хоть коротенькое, ну пожалуйста! Очень просим!

— Хотите самое лучшее? — спросил Маяковский, не отрывая взгляда от застывшего в столбняке Мандельштама.

— Самое лучшее, самое лучшее, — девушка в восторге захлопала ладошками.

Маяковский читал, читал великолепно, прямо глядя в глаза Мандельштама. Надежда Яковлевна

пришла в себя, очнулась только в начале третьего четверостишия:

Шумели в первый раз
германские дубы,
Европа плакала в тенетах.
Квадриги черные
вставали на дыбы
На триумфальных поворотах.

Верная Надежда Яковлевна растерялась, по свидетельству воспоминателей, шипела, как кобра, фальцетом: "Ося, Ося, он же плагиатор!" — пыталась влезть в щель между их животами, оказавшимися как из железа, хваталась за голову.

Еще волнуются живые голоса
О сладкой вольности гражданства!
Но жертвы не хотят
слепые небеса:
Вернее труд и постоянство.
Все перепуталось,
и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось,
и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.

Последние слова Маяковский произнес уже стоя на высоком пороге, как на трибуне, изящно взмахнув кистью левой руки над головой. Вышел.

Надежда Яковлевна не могла прийти в себя, она, как в шоке, сжимая голову, бормотала: "Да что же это, что происходит, как он посмел, о времена!" — пока Осип Эмильевич не гаркнул: "Надя, прекрати! Немедленно!". Она взглянула на него, как будто в первый раз в жизни: "Но он же читал твоего декабриста!"

— И как читал!

В ее глазах появилось какое-то осмысленное выражение, она кивала головой, даже улыбнулась.

— Граждане, магазин закрыт, прошу вас...

На пороге ненавидная им девушка сунула в руку Осипа Эмильевича большую и довольно тяжелую корзину.

— Это от Владимира Владимировича, к празднику, — и захлопнула за ними дверь.

В корзине, как рассказали, было семь бутылок лучшего Абрау, колбасы, булки, фрукты, восточные сласти. А еще и записка в конверте, тот самый "автограф", и деньги.

Вышедшие замерли у порога. Поэт стукнул кулаком в запертую дверь: "Послушайте, барышня!". Тишина. "Эй, мадам!"

Они стояли, "главы понунив".

— Ты что, это можешь взять? От него?

— Давай подумаем. Если он друг, то почему не взять? А если супостат, то тем более! Тогда это военный трофей! Наши репарации! — и он улыбнулся своей редкой, "мандельштамовской" улыбкой, которую так любила она и все друзья их, улыбкой, делающей его молодым, каким его помнили не многие.

— К черту трамвай, пойдем пешком. Наша ноша тяжела, мы ведь богачи.

— Дай мне конверт, я положу в сумочку.

— Э-э, Наденька, на этот раз деньги будут у меня... Сегодня совсем не холодно. Давно хотел не спеша пройти по Тверскому бульвару. Это вороны или галки?... Уверен, только дурак считает, что можно купить нищего Мандельштама. Все наоборот. Володина выходка... впрочем, он нашел самый тактичный способ всучить нам... да что я говорю, помочь в трудную минуту. Ты видела, он не выказывал жалости, сочувствия, смешанного с кладбищенской печалью. Друг не спрашивает с постным лицом: "Ты ничего не ел? Дать тебе на обед?" — он шутиливо тычет тебе кулак в плечо или в живот: "Что-то я проголодался, старик, пойдем, чего-нибудь перехватим?"... Несмотря на эту его сегодняшнюю акцию (приподнял корзину), как не подходи, а есть в этом элемент унижения, я люблю этого человека и высоко ценю его поэзию. Его высоко оценивают и Аня, и Борис, а Марина просто обожает. Согласен, многим кажется, что он пишет не то. Но как!

— А кто кричал на весь зал с трибуны: "Маяковский — пробный оселок нашей поэзии?"

— Да-да, помню, мне показалось, что о нем высказались непочтительно... Ну, вот мы и дома...

Записка эта, по рассказам, фигурировала в деле Мандельштама, в досье Маяковского она не попала, оно почему-то хранилось в личном сейфе председателя КГБ.

"Осип Эмильевич, дорогой, мы ведь любим друг друга!

В. Маяковский".

нитым актером режиссуры Тасина. Действие картины происходит в Одессе в годы гражданской войны. Показано пробуждение затурканного жизнью "маленького человека": он приходит к осознанию необходимости участвовать в борьбе за новую жизнь. Фильм "Ночной извозчик" считается достижением кинематографа той эпохи и, пожалуй, лучшим в творчестве Тасина.

Картина "Алим" снята примерно в то же время. Тасин экранизировал легенды об атамане крымских татар, которые боролись с богатырями. Как и предыдущий, этот фильм пользовался большой популярностью не только в стране, но и за рубежом. Обе ленты имели широкий отклик в прессе как произведения, знакомящие западного зрителя с советским кинематографом. "Алим" наряду с другими фильмами был послан в Париж и Берлин. Его приобрело правительство Австрии.

Режиссер внес немало нового в художественный язык кино. Он увлекался техническим изобретательством, и это помогало ему находить новые решения при съемках. Например, приемы деформации, использования кривых зеркал, удвоенной съемки. В "Джимми Хиггинсе" есть такой запоминающийся кадр: пустой перрон, рельсы, частично видны на носилках ноги умершего товарища Джимми. Сам герой проходит тенью, за кадром, но лаконичность усиливает впечатление трагизма. Тасин любил символику, умел наполнить ею даже бытовые сцены. Как отменяла критика, сцену пожара он сумел сделать метафорой "мирового пожара". Борьба двух стихий, огня и воды, воспринималась современниками как символ борьбы рабочих с капиталистами.

Имя Тасина называли в тридцатые годы в ряду громко заявивших

о себе режиссеров Одесской студии — таких, как Иван Кавалеридзе, Александр Маслоух. Их фильмы успешно шли на экранах страны. Пользовались популярностью ленты Тасина "Назар Стодоля" (1937 год) и первый его звуковой фильм "Кармелюк". Эти картины по праву сделали режиссера одним из тех, кто закладывал традиции украинского кинематографа.

Незадолго до Великой Отечественной войны Георгий Тасин был приглашен на Киевскую студию. В качестве режиссера документального кино он участвовал в создании боевых киносборников. Одна из его новелл, "Повар Галкин и я, Мочалкин", запечатлела выступление Тарпуны и Штепселя (Юрия Тимошенко и Ефима Березина), которые впоследствии стали большими друзьями семьи Тасиных. В 1944 году он снял документальный фильм "Киев". В 1945 году — "Украина возрождается". Созданный в 1947 году фильм "Советская Украина" был удостоен Сталинской премии. Звание лауреата Сталинской премии получил и режиссер Георгий Тасин.

Боевые киносборники составлялись так: фронтовые операторы присылали материалы, их смотрели директор и художественный руководитель студии, затем режиссеры выстраивали фильм и передавали монтажникам. Одна из них, девушка по имени Надежда, особенно тщательно и в то же время творчески относилась к работе. Держалась она скромно, но была общительной, недаром ее избрали комсоргом студии. Георгий Николаевич узнал, что Надя — десятый ребенок в семье. Мать убило молнией, когда сестричкам-близнецам было по три года. Отец, несмотря на все трудности, дал старшим образование. Чобы

выучить младших, собрал он нехитрые пожитки, продал дом на хуторе Шевченко, который сам назвал в честь поэта, и отправился с детьми в Киев. Война застала их в вагоне поезда. Уже купленный в Киеве дом разбомбили. Пришлось Наде пройти долгий путь с эвакуогоспиталем, где она выполняла любую работу. На одной из стоянок госпиталя она увидела картину "Серенада солнечной долины". Там она впервые увидела и услышала рояль. Музыка унесла ее куда-то ввысь. Она еще не знала, что это перст судьбы...

По возвращении в Киев Надежда устроилась на студию документальных фильмов, выучилась на монтажницу. С Георгием Николаевичем быстро нашла общий язык. Он поведал девушке, что они с женой сейчас одни. Дочь умерла, сын служит в морских войсках. Режиссер искренне привязался к Наде, хотел удочерить, но отец ее не согласился. В конце войны сын Тасина Владимир вернулся. Его взяли на студию звукооператором. Он был веселый, любознательный, вникал в тонкости производства фильмов. Когда Надя узнала, что Владимир пианист, у нее сердце дрогнуло. А уж когда услышала его игру, была сражена окончательно. Он тоже как-то сразу к ней прикипел. Свадьбу сыграли на ноябрьские праздники в 1946 году. С тех пор были неразлучны. На радость Георгию Николаевичу родили сына и дочь, дружно прожили до самой смерти Владимира в 1993 году.

Супруг часто рассказывал Наде о жизни родительской семьи в довоенной Одессе. Жена режиссера Елена Яковлевна — дочь дирижера Гордона — окончила консерваторию по классу скрипки. Георгий Николаевич играл на виолончели, хорошо пел. В доме Тасиных на Приморском

бульваре собирались музыканты, артисты. Хозяин был душой общества. Он любил сочинять шуточные песни, пародии на известных артистов. К слову, написал песни к своему фильму "Дочь моряка". Много читал, собрал прекрасную библиотеку.

Владимир Георгиевич еще подростком завоевал первую премию на конкурсе юных пианистов им. Лысенко. В одесской консерватории его педагогом была Берта Михайловна Рейнвальд — известный и очень уважаемый в городе педагог. После войны Владимир окончил консерваторию, уже московскую, класс Генриха Нейгауза. Параллельно он работал на киностудиях как пианист, любил звукооператорское дело, хорошо знал его. От Госконцерта Тасин-младший гастролировал по городам Союза. С ним Надежда окунулась в новую жизнь, в атмосферу творчества, которая всегда царил в доме Тасиных. Ездил с мужем на гастроли, повидела страну. А с Георгием Николаевичем она проработала как монтажер более десяти лет.

На дачу Тасиных в Ворзеле, под Киевом, наезжали шумные компании киношников, музыкантов, художников. Гостили там Алексей Каплер, Константин Симонов, Клара Лучко, режиссер Михаил Слущкий. Часто бывала сестра Надежды, Лариса Румынская. Она и ее муж кинооператор Федор Каминский работали на одной студии с Георгием Николаевичем.

Деньги, полученные за Сталинскую премию, Георгий Николаевич пустил на приобретение автомобиля. "Рулить" приходилось Надежде, поскольку все Тасины были не в ладах с техникой. Георгий Николаевич часто просил невестку покатай его по Киеву, который хорошел год от года. Может быть, режиссер искал натуру для своего будущего фильма

"Цветущая Украина"? Лента увидела свет в 1955 году. Первого мая 1956 года во время автомобильной прогулки по набережной Днепра Георгий Николаевич попробовал вести машину, но ему вдруг стало плохо. "Скорая" констатировала инфаркт. Тасин умер дома, на руках у родных.

Некоторое время назад Надежда Степановна пригласила меня в Киев. Там я познакомилась с младшим поколением рода Тасиных. Почти все они имеют музыкальные способности. Внучка режиссера Ирина окончила консерваторию по классу фортепиано. Ее дети — тоже выпускники консерватории. Мы вспоминали Санжейку, где познакомились. Владимир и Надежда впервые приехали туда почти тридцать лет назад и так полюбили ее, что каждое лето наезжали туда к старинному приятелю, художнику Заяцу. В его доме, похожем на парусник, тогда царствовал рояль. Вечерами устраивали импровизированные концерты. Владимир унаследовал от отца стихотворный дар, писал песни, естественно, на свою музыку. Все вместе они сочинили "Гимн Санжейки", который пели хором на каждом вечере. Сейчас сюда привозят правнучку режиссера Джуману, а родилась она в Сирии.

В 1995 году Союз кинематографистов Украины отметил столетие со дня рождения режиссера Георгия Тасина, более тридцати лет отдавшего искусству экрана. В киевском Доме кино выступали помпировщики его коллеги. Демонстрировались фрагменты его фильмов. "Он доказал, и ярко доказал свое право быть в рядах наших лучших режиссеров", — написал еще в 1929 году биограф Тасина. И всем последующим творчеством он оправдал такую высокую оценку.

МАША ЮЗЕФПОЛЬСКАЯ. РАЗГОВОРЫ ОБ ИСКУССТВЕ

"Нет такого мирского обряда, от которого бы не хотелось уклониться".

Кенко Хоси, один из "четырёх небесных владык японской поэзии" периода Муромати (XIV в.)

Я не могу уклониться от желания рассказать об одной выставке, которая прошла недавно в галерее Союза художников, хотя писание рецензий на выставки — тоже своего рода обряд, тягостный и скучный.

Для простого смертного, привыкшего видеть в галерее картинку в рамках и скульптурки на подставках, эта выставка — эпатаж и провокация. Для любознательных она может послужить стимулом к постановке вопросов или поводом к разговору на интеллектуальную тему.

Автор выставки Маша Юзефпольская вопросов не приемлет:

— Искусство не объясняют, — говорит она и отсылает вас к каталогу, где все подробно объяснено и даже вычислено.

Что поделаешь, творческие люди полны противоречий. Даже наш Творец не отличается особой последовательностью...

М. Ю., молодая художница, пост-модернистка, концептуалистка, синкретистка, ready-made'истка и пр., и пр. В эклектике нашего времени без стиля и вкуса, которую оправдывают нелепым словом "плюрализм", Маша — помимо всех "измов" — профессиональный художник, который в отличие от многих "инсталляторов", владеет и классической техникой изобразительного искусства — рисунком и живописью.

Вместе с тем Маша не выставляет традиционной живописи — она выставляет идею, настроение, обряд.

Прежде чем мы погрузимся в анализ идеи, мне все же придется рассказать о том, что же, собственно, выставлено в галерее, хотя рассказывать об изобразительном искусстве так же нелепо, как танцевать телефонную книгу.

Итак, в душный хамсинный день Тель-Авива мы поднимаемся на второй этаж галереи, который полностью занят работой Маши. Зал разделен на две неравные части виниловой завесой. На нее спроектирован видеопортрет Маши, пытающейся оживить давно задохнувшуюся семгу с хищно открытым ртом. Рыба — многозначный символ. Рыбы обитают в глубинах вод, поэтому они традиционно ассоциируются с тайной и благоговейным страхом.

Для евреев они означают благословение, Божественную защиту, искупление, плодородие, удачу. Мудрецы считали, что подобно тому, как рыбы защищены от дурного глаза водами моря, защищены и еврейский народ, ибо Яков сравнил потомство сыновей Йосефа с рыбами (Брахот, 20а).

В православной церкви подчеркивается евхаристическое значение этого символа.

У Маши этот символизм объясняется, прежде всего, необходимостью выразить средствами искусства истины, которые не подлежат прямому изображению. Она говорит: "На родном иностранном языке ты отвергаешь коллаборацию, рушишь границы и порою помечаешь недоступные явления".

Возможно, это намек на экологическую катастрофу — драгоценные породы рыб хищнически уничтожаются. Рыбы-самубийцы; многие гибнут после нереста, особенно самцы. Тут же на полу наклеена большая фотография лежащей на боку Маши, и на ней стоит множество пластиковых стаканчиков, наполненных белесой жидкостью. Что это? Банк, генофонд для погибающих рыб или погибшего народа?

Не спрашивайте Машу, она не станет объяснять — думайте сами. Все зависит от эрудиции и фантазии зрителя, которому дана наряду со свободой слова еще и свобода восприятия, фантазии и мысли.

Но где же этот свободно мыслящий зритель? Зал тих и пуст, как

кладбище. Его посещают только друзья и родственники. Все остальные — на футболе.

"Ни один век не был так враждебен искусству, как наш. Это сегодня абсолютно верно для взрослого человека, который может жить без искусства", — это писал Георг Гросс в 1925 году. Это абсолютно верно и для нашего века, и для наших краев.

Но раздвинем виниловую завесу и войдем в большой и темный зал. От ваших ног к противоположной стене тянутся два черных настла, на которых наклеены 400 рыбьих хвостов. Все подсчитано точно. Это можно ассоциировать с Трюффо (400 ударов), можно вспомнить гинматрию: 400 — это последняя буква еврейского алфавита — *тав* — конец. Оказывается, дорога в ад устлана рыбьими хвостами. Даже две дороги! — чтобы не толпились.

Но дорога пока еще ведет не в ад, а только к двум экранам, на которых по замкнутому кругу прокручивается один и тот же видеоклип с небольшим сдвигом по времени, как в музыкальном каноне. Здесь очень хочется вспомнить Хофstadтера

с его прекрасным анализом канона, но надо рассказывать о выставке и объяснять необъяснимое.

Клип — это неточный термин. Клип — этот вульгарный пасынок кино — обычно служит навязчивой рекламе грохочущих песенок. У Маши ничего вульгарного и кричащего. На экране героиня, одетая в черное, как грузинская вдова, в тишине правит свой мистический обряд. На ногах черные японские таби — как варежка для ноги с отделенным большим пальцем. Обычно женщины в Японии носят белые таби с дзори. Черные таби носят мастера восточных единоборств — айкидо.

Айкидо — это искусство разрешения конфликтов и поиска гармонии... Маша в черных таби творит свое Айкидо.

— При чем здесь айкидо, когда видеоклип снят в Германии? — спросите вы резонно.

Да просто при том, что в постмодернизме все можно, любая смесь, реминисценция и заимствования. Он несет на себе печать плюрализма и терпимости, в художественном проявлении вылившись в эклектизм. Но последний термин не слишком привлекателен, поэтому скажем *синкретизм*. Умное слово, заимствованное из философии, которое тоже означает смесь разных направлений, идей и стилей.

Кроме изобразительного ряда в экспозиции присутствует ряд звуковой и ряд литературно-поэтический. В зале слышны вздохи, стоны и строки стихов, хаотически вырванные из контекста цитаты на разных языках.

Что ищет Маша в немецком лесу? Кого заклинает, верша таинственный танец на месте бывшей Берлинской стены, бывшего железного занавеса?

Не ищите политических деклараций, хотя в каталоге проскальзывает недовольство империализмом и американизацией — и ни звука про тоталитаризм и фундаментализм. Но... это другая тема, давно

навязшая в зубах и малоинтересная.

Напомню лишь, что Марсель Дюшамп, из писсуара которого выросло все концептуальное и постмодернистское искусство, американцем не был.

Кому молится Маша, воздев руки на бетонном мосту? Она творит свой ритуал женской ворожбы, танцует, кружится на булыжной мостовой, сводит с ума бедного лягушонка, перекидывая его из руки в руку. Впадает в транс. Лягушка — символ скрытой красоты и женской плодovitости, стремления женщины иметь детей.

Красота безусловно присутствует — Маша на экране красива монументальной красотой кентавра или весталки. Она видит себя дочерью рыцаря, клоунессой, паломницей, ковыляющей в одноразовых башмаках. Эти башмаки напоминают раздвоенное копыто чистых животных, годных для заклания: "Мы жрем, и нас пожирают", — напоминает Маша экзистенциальную истину. Чтобы выжить, чтобы существовать, недостаточно мыслить, необходимо еще и пожирать себе подобных... и бесподобных тоже.

Впрочем, чтобы существовать, совсем не обязательно мыслить, но совершенно необходимо жрать.

Нам напоминает об этом один из друзей, поэт, говорящий стихами и цитатами из деструктивных философов, и мы все направляемся в порт, в рыбный (!) ресторан творить обряд чревоугодия.

В отличие от пустых залов галереи, ресторан переполнен колдунами и шаманами, идолопоклонниками обжорства, весталками крепких возлияний и гедонизма. Вот и наш поэт прекратил цитировать пророков словоблудия и вытащил простую бутылку зверобоя, чем несказанно удивил единственного коренного израильтянина в нашей компании.

При чем здесь искусство? Зачем искусство?

Чтобы задуматься об абсурдности жизни...

"В сущности, искусство — зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь", — говорит Оскар Уайльд.

"Умножая знания, умножаешь печали", — учит нас Экклезиаст.

Инна ЯРОШЕВИЧ, Иерусалим.

Вероника КОВАЛЬ

ЗАЭКРАННЫЙ МИР РЕЖИССЕРА

В доме Михаила Степановича Заяца всегда полно гостей — один другого интересней. И сам хозяин фигура колоритная: четверть века работал как главный художник на картинке Одесской киностудии, потом бросил производство и ушел в свободное плавание, что по тем временам было из ряда вон выходящим и рискованным поступком. Он своими руками отгрохал в Санжейке, что под Ильичевском, в двух шагах от моря, домину, развел виноград и цветники. Летом на огонек гостеприимных хозяев Михаила и Оксаны слетаются художники и прочий творческий народ со всей Украины и не только. Здесь-то я и познакомилась с Надеждой Степановной Тасиной.

Фамилия эта была мне знакома. Не раз упоминал ее директор создающегося одесского музея кино режиссер Вадим Васильевич Костроменко. В статьях, посвященных созданию Одесской киностудии в 20-годах прошлого века, он писал, что одним из ее организаторов, а затем и режиссером был Георгий Николаевич Тасин. В научной библиотеке я обнаружила тонкую книжечку издания 1929 года: "Георгий Тасин (критико-биографический очерк)". В ней скупо рассказано о его первых работах. Краткие сведения о нем содержатся в монографиях и энциклопедиях по истории украинского кино.

Жизнь режиссера началась еще в XIX веке (он 1895 года рождения). Естественно, в веке XXI я воспринимала ее как факт далекого прошло-

го. И вдруг — невестка! Надежда Степановна Тасина. Киевлянка. Обаятельная общительная дама. Мы провели с ней в разговорах целый долгий день под навесом среди виноградных лоз, которые еще только наливались янтарным соком; море дышало нам в лицо первозданной свежестью и что-то тайное нашептывало; белый санжейский маяк на холме казался оранжевым при нещадно палившем солнце.

Я узнала историю неординарной семьи, главой которой был кинорежиссер Тасин, и где с кино связана, так или иначе, жизнь его родственников. По возвращении в Киев Надежда Степановна переслала мне материалы об отце своего мужа. Рассказы Надежды Степановны позволили мне создать представление о Георгии Тасине — не только как о профессионале, но и как о крупной личности, о человеческих его качествах, пристрастиях, увлечениях. Например, ни в одном документе не говорится, почему Георгий Розов взял псевдоним "Тасин". А невестка рассказала, что так своеобразно он увековечил память о любимой рано умершей дочери Таисии. Мне открылись через него и некоторые важные факты из истории Одесской киностудии.

Георгий Николаевич родился в местечке Шумячи Могилевской области. У него рано проявились гуманитарные наклонности, любовь к литературе. Подростком он и сам писал стихи, правда, никому не показывал. Мало что известно о его юношеских годах. Был репортером,

в гражданскую стал политработником. Когда к нему пришло увлечение "великим немцем", как попал в кино — сведений не дошло. Скорее всего, политпросветчика направили создавать новое революционное кино, и он откликнулся со всем пылом молодости, иначе не остался бы в нем на всю жизнь.

Предположение это вполне вероятно. Время было такое — вчерашние бойцы Красной Армии становились директорами банков, заводов, государственных людьми. Типична в этом смысле судьба Павла Нечеса, балтийского матроса, назначенного быть организатором сначала Ялтинской, затем Одесской кинофабрик. Он блестяще справился с заданием, стал выдающимся организатором кинопроизводства, и уже в 1929 году был назначен директором Киевской кинофабрики, затем занимал различные должности в системе Госкино.

Тасин тоже сразу заявил о себе. В 1918 году он уже возглавил в Киевскую первую фотокинокомиссию. Он не только организовывал кинопроцесс, доставал пленку, но и сам писал сценарии агитфильмов. Художественной ценности они не имели, но были полны революционного пафоса. За ними стояла новая эпоха! Вскоре Георгия послали в Ялту создавать кинофабрику на базе ателье Ермольева и Ханжонкова. Заместителем первого ее директора, Георгия Тасина, был назначен Павел Нечес. После успешного "дебюта" их перебрали в восстанавливаемое кинопроизводство в Одессе. Город

уже имел в этом деле богатые традиции. Ведь именно одессит Иосиф Тимченко изобрел лентопротяжный механизм, более совершенный, чем французский аналог. В Одессе существовали киноателье Гроссмана, Борисова, Серебрякова. Действовала первая профессиональная школа киноактеров во главе с популярнейшим в те годы режиссером Петром Чардыниным, у которого снималась сама Вера Холодная.

Как только установилась советская власть, решением городского совета все то, что осталось от частных студий, было национализировано, собрано воедино и прикреплено на довольствие к 41 дивизии Красной Армии. Киносекция политотдела этой дивизии практически стала первой государственной студией. Руководить ею назначили актера русского театра Петра Инсарова — популярного актера немого кино. Территорию бывшей фабрики Харитоновой, которая в то время уже превратилась в свалку, расчистили, соорудили большой павильон — и началась работа.

Недолго Тасин был на административных должностях. Взяла верх художественная натура. Он не получил специального образования, но талант и великая любовь к кино позволили ему быстро вырасти творчески. Георгий не только писал сценарии и снимал. В голове его рождались новые и новые, как сейчас говорят, проекты. В 1922-23 годах Тасин участвовал в создании ленты "Призрак" по новелле Эдгара По и "Поединок" по мотивам произве-

дений Александра Грина. Одновременно занимался редакторской работой. Выдвинул идею экранного журнала "Маховик". Одесская киностудия начала выпуск этих сборников короткометражек. В первый вошло пять лент. Две из них снял молодой режиссер Лесь Курбас, который, как и Александр Довженко, кинокарьеру начинал у нас. Одну картину снял режиссер Георгий Тасин. Возможно, это был агитфильм "Октябрь", который считается его режиссерским дебютом, поскольку ранее он писал только сценарии. Неплохо писал, судя по тому, что снятый по сценарию Георгия режиссером И. Лозиевым культурфильм "Аскания-Нова" получил в 1925 году премию на выставке в Париже.

Тасин, однако, в то время был уже одержим идеей создания полноценного художественного фильма. Таковым стал "Джимми Хиггинс" по роману Эптона Синклера. Сценарий картины о бунтаре-матросе написал не кто иной, как Исаак Бабель. Роль главного героя колоритно исполнил актер, уже к тому времени прославившийся, — Амвросий Бучма. Фильм получился яркий, масштабный. В 1926 году вышла следующая картина режиссера Тасина — "Ордер на арест" по сценарию С. Лазурина. Как отмечает кинокритика, он был переходным от "планетарного", пафосного, прямолинейно агитационного кинематографа к более психологичному. В нем на первое место выдвигался человек как личность, а не как капля революционного океана. Но все-таки режиссер тяготел к масштабному кино, героике.

Новым шагом на его пути стал фильм "Ночной извозчик" (1928 год). Главного героя, Гордея Ярошу, играл опять-таки Амвросий Бучма, что говорит о признании знаме-

Виля ТАЙХ СРЕТЕНИЕ

ЭПИЗОД

15 января 1930 года (дата уточняется). Место действия: Москва, Страстная площадь. Напротив, на другой стороне Тверской за сквериком купола Страстного монастыря. За памятником Пушкину горластые торговцы с лотками на шеях мешают проходу в один из последних частных магазинчиков, оставшихся от нэпа.

(Нет давно монастыря (на его месте кинотеатр), памятник переехал на другую сторону, на месте того самого магазинчика некое заведение "Тик-так".)

Под памятником знаменитый в Москве поэт в модном с иголки пальто, светлой шляпе постукивает концом трости по носку необычного добротного ботинка, смотрит на бронзового кумира, кланяется одной головой. Его приятель в теплом клетчатом пальто, называемом в Замоскворечье шубой, в ушанке из обезьяньего меха, взял его под руку, повел в сторону магазина.

— Надо спешить, Володя. Нора обещала прибыть ко мне в восемь, мы должны быть на месте, ты один знаешь ее вина, ее десерты.

— Сретение, зима с летом встречается, водкой, заломом отмечається.

— Не волнуйся, Валюн, возьмем мотор.

— А колбаски, кому свежие колбаски? Лето зиму по щеке ударяет: полно тебе, зиме, зимовать, пора мне, лету, летовать.

Перезвон колоколов, большое оживление на Тверской. Двое в красных колпаках, в скоромощей манере растопырив руки, шутя загородили им вход в лавку:

— На Сретение кафтан с шубой встретились, а цыган шубу продает.

Поэт тростью отодвигает загородивших двери.

Входят. В лавке широкий прилавок буквой "Г", короткая его часть начинается от самого входа, идет в глубину зала, на углу дверь во внут-

ренние помещения, прилавок же продолжается влево до стены. За прилавками высокие витрины красного дерева, на них вина, копчености, сласти, красивые фрукты.

Сцена, имевшая место за десять минут до описанной. В ту же лавку с дамой, не будем томить читателя — со своей женой — вошел другой поэт, не столь знакомый москвичам, но впоследствии включенный в "большую четверку" поэтов России. Одета пара была более чем скромно, да и странно. На поэте было тяжелое кожаное пальто с меховой подкладкой, затруднявшее движения его далеко не богатерской фигуры. Он взмок, нервно ходил по пустому залу, говорил раздраженно.

— Барышня, нам три бутылки Абрау, дюжину груш и...

— Вам большую или малую корзиночку? Мягкую, из цветной рогожки, из соломки, лубяную? — корзинки эти были фирменной упаковкой элитной лавки, ими потом пользовались москвичи по несколько лет.

— Нам вообще-то...

(Продавщица уже уложила три бутылки в папиросной бумаге внутрь корзинки, начала заворачивать груши.)

— Ося, возьми две бутылки, твои деньги еще понадобятся, сам знаешь. И не надо корзинки, она стоит, как бутылка вина.

— Какие две? Саша, Женя, да и Аня в Москве, может нагрятый вдруг. Ты же, как всегда, сетку не взяла? Растяпа! Бутылки в карманы, а груши куда? Барышня... Что ты хочешь, Надя?

— Я хочу хотя бы кружочек краковской. У тебя хватит денег?

— Как денег, каких денег? Все деньги у тебя. Позавчера ты забрала к себе все наши деньги, разве не так? У тебя один рубль? Какой позор! Через час магазины закрываются, идти занимать некуда! Какой позор! Куда ты дела деньги?

Я не пойду домой, я буду ночевать на чердаке!

Звякнул колокольчик, вошла пара, описанная ранее. Продавщица расцвела, вышел бородатый с улыбкой во все лицо хозяин. Восторженные приветствия, междометия, риторические вопросы — "Как дела, как жена, дети? Над чем сейчас работаете, Владимир Владимирович?". Девушка перешептывалась с огромным поэтом, хихикала, наполняя корзинки, его спутник мялся у двери.

— Попробуй у Катаева, — зашлепала Надежда Яковлевна, — он пока один.

— При нем не могу.

— Тогда нам конец, называли людей...

— Что делает он?

— Шепчется с девкой, пишет что-то, может, автограф.

— Хорошо, — Мандельштам подошел к Валентину Петровичу, через мгновение вернулся.

— Нет!

— День моего позора.

Барышня прошмыгнула за спину Маяковского и грубо рывком забрала корзинку, собранную ранее для Осипа Эмильевича. Нервы его не выдержали, он вскочил, задев локтем Маяковского, из его груди непроизвольно вырвалась высокая, как визг, нота. Маяковский повернулся, доброжелательно глядя чуть вниз на Мандельштама, тот же в крайнем раздражении, запрокинув голову, в гордой позе верблюда впился глазами в глаза мнимого обидчика. Это комическое противостояние в течение долгих пяти-шести минут запомнилось присутствующим. Валентин Петрович Катаев, свидетель этой сцены, любил показывать ее в лицах.

При этом магазинная дива не переставая тараторила:

— Владимир Владимирович, дорогой, прочтите что-нибудь. По вашему выбору, ну хоть коротенькое, ну пожалуйста! Очень просим!

— Хотите самое лучшее? — спросил Маяковский, не отрывая взгляда от застывшего в столбняке Мандельштама.

— Самое лучшее, самое лучшее, — девушка в восторге захлопала ладошками.

Маяковский читал, читал великолепно, прямо глядя в глаза Мандельштама. Надежда Яковлевна

пришла в себя, очнулась только в начале третьего четверостишия:

Шумели в первый раз
германские дубы,
Европа плакала в тенетах.
Квадриги черные
вставали на дыбы
На триумфальных поворотах.

Верная Надежда Яковлевна растерялась, по свидетельству воспоминателей, шипела, как кобра, фальцетом: "Ося, Ося, он же плагиатор!" — пыталась влезть в щель между их животами, оказавшимися как из железа, хваталась за голову.

Еще волнуются живые голоса
О сладкой вольности гражданства!
Но жертвы не хотят
слепые небеса:
Вернее труд и постоянство.
Все перепуталось,
и некому сказать,
Что, постепенно холодея,
Все перепуталось,
и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелея.

Последние слова Маяковский произнес уже стоя на высоком пороге, как на трибуне, изящно взмахнув кистью левой руки над головой. Вышел.

Надежда Яковлевна не могла прийти в себя, она, как в шоке, сжимая голову, бормотала: "Да что же это, что происходит, как он посмел, о времена!" — пока Осип Эмильевич не гаркнул: "Надя, прекрати! Немедленно!". Она взглянула на него, как будто в первый раз в жизни: "Но он же читал твоего декабриста!".

— И как читал!

В ее глазах появилось какое-то осмысленное выражение, она кивала головой, даже улыбнулась.

— Граждане, магазин закрыт, прошу вас...

На пороге ненавистная им девушка сунула в руку Осипа Эмильевича большую и довольно тяжелую корзинку.

— Это от Владимира Владимировича, к празднику, — и захлопнула за ними дверь.

В корзине, как рассказали, было семь бутылок лучшего Абрау, колбасы, булки, фрукты, восточные сласти. А еще и записка в конверте, тот самый "автограф", и деньги.

Вышедшие замерли у порога. Поэт стукнул кулаком в запертую дверь: "Послушайте, барышня!". Тишина. "Эй, мадам!"

Они стояли, "главы понунив".

— Ты что, это можешь взять? От него?

— Давай подумаем. Если он друг, то почему не взять? А если супостат, то тем более! Тогда это военный трофей! Наши репарации! — и он улыбнулся своей редкой, "мандельштамовской" улыбкой, которую так любила она и все друзья их, улыбкой, делающей его молодым, каким его помнили не многие.

— К черту трамвай, пойдем пешком. Наша ноша тяжела, мы ведь богачи.

— Дай мне конверт, я положу в сумочку.

— Э-э, Наденька, на этот раз деньги будут у меня... Сегодня совсем не холодно. Давно хотел не спеша пройти по Тверскому бульвару. Это вороны или галки?... Уверен, только дурак считает, что можно купить нищего Мандельштама. Все наоборот. Володина выходка... впрочем, он нашел самый тактичный способ всучить нам... да что я говорю, помочь в трудную минуту. Ты видела, он не выказывал жалости, сочувствия, смешанного с кладбищенской печалью. Друг не спрашивает с постным лицом: "Ты ничего не ел? Дать тебе на обед?" — он шутиливо тычет тебе кулак в плечо или в живот: "Что-то я проголодался, старик, пойдем, чего-нибудь перехватим?"... Несмотря на эту его сегодняшнюю акцию (приподнял корзинку), как не подходи, а есть в этом элемент унижения, я люблю этого человека и высоко ценю его поэзию. Его высоко оценивают и Аня, и Борис, а Марина просто обожает. Согласен, многим кажется, что он пишет не то. Но как!

— А кто кричал на весь зал с трибуны: "Маяковский — пробный осколок нашей поэзии?"!

— Да-да, помню, мне показалось, что о нем высказались непочтительно... Ну, вот мы и дома...

Записка эта, по рассказам, фигурировала в деле Мандельштама, в досье Маяковского она не попала, оно почему-то хранилось в личном сейфе председателя КГБ.

"Осип Эмильевич, дорогой, мы ведь любим друг друга!

В. Маяковский".

нитым актером режиссуры Тасина. Действие картины происходит в Одессе в годы гражданской войны. Показано пробуждение затурканного жизнью "маленького человека": он приходит к осознанию необходимости участвовать в борьбе за новую жизнь. Фильм "Ночной извозчик" считается достижением кинематографа той эпохи и, пожалуй, лучшим в творчестве Тасина.

Картина "Алим" снята примерно в то же время. Тасин экранизировал легенды об атамане крымских татар, которые боролись с богатырями. Как и предыдущий, этот фильм пользовался большой популярностью не только в стране, но и за рубежом. Обе ленты имели широкий отклик в прессе как произведения, знакомящие западного зрителя с советским кинематографом. "Алим" наряду с другими фильмами был послан в Париж и Берлин. Его приобрело правительство Австрии.

Режиссер внес немало нового в художественный язык кино. Он увлекался техническим изобретательством, и это помогало ему находить новые решения при съемках. Например, приемы деформации, использования кривых зеркал, удвоенной съемки. В "Джимми Хиггинсе" есть такой запоминающийся кадр: пустой перрон, рельсы, частично видны на носилках ноги умершего товарища Джимми. Сам герой проходит тенью, за кадром, но лаконичность усиливает впечатление трагизма. Тасин любил символику, умел наполнить ею даже бытовые сцены. Как отменяла критика, сцену пожара он сумел сделать метафорой "мирового пожара". Борьба двух стихий, огня и воды, воспринималась современниками как символ борьбы рабочих с капиталистами.

Имя Тасина называли в тридцатые годы в ряду громко заявивших

о себе режиссеров Одесской студии — таких, как Иван Кавалеридзе, Александр Маслоух. Их фильмы успешно шли на экранах страны. Пользовались популярностью ленты Тасина "Назар Стодоля" (1937 год) и первый его звуковой фильм "Кармелюк". Эти картины по праву сделали режиссера одним из тех, кто закладывал традиции украинского кинематографа.

Незадолго до Великой Отечественной войны Георгий Тасин был приглашен на Киевскую студию. В качестве режиссера документального кино он участвовал в создании боевых киносборников. Одна из его новелл, "Повар Галкин и я, Мочалкин", запечатлела выступление Тарпуны и Штепселя (Юрия Тимошенко и Ефима Березина), которые впоследствии стали большими друзьями семьи Тасиных. В 1944 году он снял документальный фильм "Киев". В 1945 году — "Украина возрождается". Созданный в 1947 году фильм "Советская Украина" был удостоен Сталинской премии. Звание лауреата Сталинской премии получил и режиссер Георгий Тасин.

Боевые киносборники составлялись так: фронтовые операторы присылали материалы, их смотрели директор и художественный руководитель студии, затем режиссеры выстраивали фильм и передавали монтажникам. Одна из них, девушка по имени Надежда, особенно тщательно и в то же время творчески относилась к работе. Держалась она скромно, но была общительной, недаром ее избрали комсоргом студии. Георгий Николаевич узнал, что Надя — десятый ребенок в семье. Мать убило молнией, когда сестричкам-близнецам было по три года. Отец, несмотря на все трудности, дал старшим образование. Чобы

выучить младших, собрал он нехитрые пожитки, продал дом на хуторе Шевченко, который сам назвал в честь поэта, и отправился с детьми в Киев. Война застала их в вагоне поезда. Уже купленный в Киеве дом разбомбили. Пришлось Наде пройти долгий путь с эвакуогоспиталем, где она выполняла любую работу. На одной из стоек госпитала она увидела картину "Серенада солнечной долины". Там она впервые увидела и услышала роля. Музыка унесла ее куда-то ввысь. Она еще не знала, что это перст судьбы...

По возвращении в Киев Надежда устроилась на студию документальных фильмов, выучилась на монтажницу. С Георгием Николаевичем быстро нашла общий язык. Он поведал девушке, что они с женой сейчас одни. Дочь умерла, сын служит в морских войсках. Режиссер искренне привязался к Наде, хотел удочерить, но отец ее не согласился. В конце войны сын Тасина Владимир вернулся. Его взяли на студию звукооператором. Он был веселый, любознательный, вникал в тонкости производства фильмов. Когда Надя узнала, что Владимир пианист, у нее сердце дрогнуло. А уж когда услышала его игру, была сражена окончательно. Он тоже как-то сразу к ней прикипел. Свадьбу сыграли на ноябрьские праздники в 1946 году. С тех пор были неразлучны. На радость Георгию Николаевичу родили сына и дочь, дружно прожили до самой смерти Владимира в 1993 году.

Супруг часто рассказывал Наде о жизни родительской семьи в довоенной Одессе. Жена режиссера Елена Яковлевна — дочь дирижера Гордона — окончила консерваторию по классу скрипки. Георгий Николаевич играл на виолончели, хорошо пел. В доме Тасиных на Приморском

бульваре собирались музыканты, артисты. Хозяин был душой общества. Он любил сочинять шуточные песни, пародии на известных артистов. К слову, написал песни к своему фильму "Дочь моряка". Много читал, собрал прекрасную библиотеку.

Владимир Георгиевич еще подростком завоевал первую премию на конкурсе юных пианистов им. Лысенко. В одесской консерватории его педагогом была Берта Михайловна Рейнвальд — известный и очень уважаемый в городе педагог. После войны Владимир окончил консерваторию, уже московскую, класс Генриха Нейгауза. Параллельно он работал на киностудиях как пианист, любил звукооператорское дело, хорошо знал его. От Госконцерта Тасин-младший гастролировал по городам Союза. С ним Надежда окунулась в новую жизнь, в атмосферу творчества, которая всегда царил в доме Тасиных. Ездил с мужем на гастроли, повидела страну. А с Георгием Николаевичем она проработала как монтажер более десяти лет.

На дачу Тасиных в Ворзеле, под Киевом, наезжали шумные компании киношников, музыкантов, художников. Гостили там Алексей Каплер, Константин Симонов, Клара Лучко, режиссер Михаил Слущкий. Часто бывала сестра Надежды, Лариса Румынская. Она и ее муж кинооператор Федор Каминский работали на одной студии с Георгием Николаевичем.

Деньги, полученные за Сталинскую премию, Георгий Николаевич пустил на приобретение автомобиля. "Рулить" приходилось Надежде, поскольку все Тасины были не в ладах с техникой. Георгий Николаевич часто просил невестку покатай его по Киеву, который хорошел год от года. Может быть, режиссер искал натуру для своего будущего фильма

"Цветущая Украина"? Лента увидела свет в 1955 году. Первого мая 1956 года во время автомобильной прогулки по набережной Днепра Георгий Николаевич попробовал вести машину, но ему вдруг стало плохо. "Скорая" констатировала инфаркт. Тасин умер дома, на руках у родных.

Некоторое время назад Надежда Степановна пригласила меня в Киев. Там я познакомилась с младшим поколением рода Тасиных. Почти все они имеют музыкальные способности. Внучка режиссера Ирина окончила консерваторию по классу фортепиано. Ее дети — тоже выпускники консерватории. Мы вспоминали Санжейку, где познакомились. Владимир и Надежда впервые приехали туда почти тридцать лет назад и так полюбили ее, что каждое лето наезжали туда к старинному приятелю, художнику Заяцу. В его доме, похожем на парусник, тогда царствовал роля. Вечерами устраивали импровизированные концерты. Владимир унаследовал от отца стихотворный дар, писал песни, естественно, на свою музыку. Все вместе они сочинили "Гимн Санжейки", который пели хором на каждом вечере. Сейчас сюда привозят правнучку режиссера Джуману, а родилась она в Сирии.

В 1995 году Союз кинематографистов Украины отметил столетие со дня рождения режиссера Георгия Тасина, более тридцати лет отдавшего искусству экрана. В киевском Доме кино выступали помнившие его коллеги. Демонстрировались фрагменты его фильмов. "Он доказал, и ярко доказал свое право быть в рядах наших лучших режиссеров", — написал еще в 1929 году биограф Тасина. И всем последующим творчеством он оправдал такую высокую оценку.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ С ФОТОАППАРАТОМ!

Олег Владимировский (на фото слева)

"Всемирные одесские новости" поздравляют своего постоянного автора — все 16 лет газеты он с нами — с юбилеем!

Тридцать лет назад он взял в руки фотоаппарат, еще не думая, что ни история, ни педагогика, ни киноактерство не станут делом его жизни. Можно сказать, что не он выбирал профессию, а профессия выбрала его. С первого кадра — с портрета дочери Кати. А теперь о правильности выбора свидетельствуют тысячи фотомгновений, запечатленных фотохудожником.

А недавно он стал писать не только сопроводительные тексты к своим фоторепортажам, но и художественные рассказы. С первым из них мы знакомим вас в этом номере.

Олег ВЛАДИМИРСКИЙ МЫ ОБА БЫЛИ ПОЧТИ ДЕВСТВЕННИКАМИ...

То, что мысли и ощущения, бродившие во мне подспудно, я ощутил в полную силу только после более-менее серьезного ДТП, случившегося со мной поздним декабрьским вечером, вполне объяснимо. И хотя телесные повреждения миновали и меня, и молодую парочку, в темно-синюю "тойоту" которых я, углубленный в печальные раздумья, влетел по касательной... эмоционального шока оказалось достаточно, чтобы "крыша" поехала.

Впрочем, а почему "поехала"? Просто скрытые чувства выплеснулись наружу! Их выпустил легкий, рвущий сердце владельцев машин характерный хлопок от резко соприкоснувшихся упругих металлов, зеркальных стекол фар и бамперов.

От этого совсем мгновенного соприкосновения "тойоту" развернуло на 180 градусов, и она завершила свое кружение мощным ударом колеса о разорвавший покрышку бордюр.

Быющая мысль: "Это случилось!!!" Законнослушное торможение... (хоть такая естественная мысль, как "Тикай без глядки!", конечно, посетила). И ты на плохо гнущихся ногах выходишь смотреть...

Вид чужих повреждений ужасает мыслью о том, во сколько мне это обойдется. А вот своих...

Тогда-то и вынырнуло это Чувство. Чувство с большой буквы!

Острое, и от этого мгновенно приобретшее откровенно сексуальный оттенок... Глубочайшая жалость к искореженной мордочке моей "Таврюшечки", чей цвет носит удивительное название "паннокот", убого трактуемый в техпаспорте как "серый", ударила, как хлыст!

Мгновенно промелькнула картинка нашей первой встречи во дворе СТО в жаркий от солнца и моего волнения майский день, где взмахом руки равнодушный механик указал туда, где серебрилась с легким кофейным оттенком не-

большая ладненская машинка с округлыми и одновременно четко очерченными формами.

Я сразу ощутил в ней параллели с привлекающим меня типом женщин, в которых утонченно-округлая нежность сочетается с общей заостренностью форм, также обычно убого трактуемых как "худосочные"!

Конечно, хочется верить, что и душа моей "Таврюшечки" (которой, согласно ученому-иезуиту Теяру де Шардену, наделена любая мельчайшая частичка мира) также радостно затрепетала, когда, сев в нее, я сладострастно (а было именно это чувство!) всунул ключик и повернул его, оттолкнувшись, как о спинку кровати, о педали газа и сцепления обеими ногами!

Что знала она до меня? Тридцать семь километров на спидометре свидетельствовали о недолгих упражнениях с отупевшим от верчения по кругу заводским обкатчиком. Но и они вполне могли быть просто напросто накручены электродрелью, что давало бесспорную выгоду в виде экономленного и уворованного бензина...

Был ли изначально ее карбюратор, напоминающий своими таинственными и влажными отверстиями нечто женское, приготовлен и отлажен к моим судорожным попыткам ввести в гармонию поворот ключа с одновременным нажатием педалей сцепления и газа?

Ну, а что она могла ждать от меня? Что реально я умел после 10-12-ти 2-часовых поездок на учебных "Жигулях", чьи внутренние органы, отлаженные под любые ноги и руки, вполне можно было бы сравнить с органами опытной "жрицы любви", которая не только дарит оргазм любому, но и умудряется сама его получать от каждого!

Господи, как же мы оба хотели... и как у нас ничего не получалось!

О, эта первая забываемая поездка! Ведь тогда я не только

впервые сел за руль моей "Таврюшечки", но и вообще впервые сел за руль самостоятельно!

Любая остановка с последующим троганием в 90 случаях из 100 приводила к тому, что мотор глох, и я под бибиканье нетерпеливых попутчиков с вжатой для перестраховки до полика педалью газа судорожно крутил ключом вправо... С танковым рыком прыгал вперед, теряя педаль сцепления... И тут же глох снова!

И все-таки... Все-таки я доехал!

Что-то у нас сразу в какие-то моменты стало получаться, и тогда меня охватывала нежность к старающейся мне угодить "Таврюшечке", и я в кайфе скользил по дороге, чувствуя ее нежную вибрацию под собой.

Все эти чувства были странными и неожиданными! Я заводил себе простое и, как не раз я декларировал, "транспортное средство без понтов и наворотов", и ни о каких чувствах, ну кроме как элементарного чувства собственника своей вещи, и помыслить не мог. А тут вдруг столько эмоций!

Прошло не так уже много времени, и все у нас наладилось. Карбюратор стал отзывчив, как лоно любящей женщины. Движения моих рук и ног вошли в гармонию, и теперь только тихое урчание и легкое постанывание на поворотах сопровождает наши поездки... Я кормлю ее только 95-м бензином и стараюсь это делать только на одной заправке. Протираю ее округло-заостренные формы специально заведенными тряпочками и вожделем с нетерпением, когда, расплатившись с долгами, сладострастно займусь "тюнингом" моей "Таврюшечки".

Может быть, есть другие, лучшие машины, но я хочу быть только с ней, с "паннокотовой"!

Я люблю ее! Теперь я могу смело признаться в этом чувстве!

Или все-таки "крыша" у меня поехала?

Илья ПИКОВСКИЙ

«ДОДИК БЕРЛЯНЧИК — СОВЕТНИК ПРЕЗИДЕНТА»

Этот роман написан в Одессе, вышел в Одессе, читался и зачитывался в Одессе. Его публиковала главами "Вечерняя Одесса", над похождениями героя смеялся Б.Ф. Деревянко, а затем десятки тысяч читателей. Затем он вышел отдельной книгой и "могучим ураганом", как писали Ильф и Петров, был сметен с книжных полок.

Сейчас Илья Пиковский задумал второй роман — могли же Ильф и Петров оживить Остапа Бендера. И все же Илья Пиковский, будучи человеком осторожным, решил посоветоваться с читателем: оживить или не оживить героя.

И предлагает всем нам перечитать одну главу из старого романа, а потом прислать письма автору во Всемирный клуб одесситов, на Маразлиевскую, 7.

Нераспечатанными они будут переданы господину Пиковскому, чтобы он сам уже решал судьбу своего героя.

ПЕРВЫЕ РЫНОЧНЫЕ ГРЕЗЫ ДОДИКА БЕРЛЯНЧИКА

Великий пафос перестройки, всколыхнувший восторженные души передовой и демократической части страны, ярче всех выразил сосед Додика Берляничка по лестничной клетке, городской бандит и вышибала Костя Кацап.

— Если рынок, — говорил он, загадочно шурясь и сверля воздух узловатым пальцем, — то, значит, у людей появятся деньги, и значит, будет что у них отбирать. Додик, я правильно рассуждаю или нет?

— Конечно, Костя! — согласился Додик и подумал о том, что бедный вышибала, охваченный надеждами на светлое семейное будущее, стал невольным выразителем дум целой исторической эпохи.

В ту пору лучшие умы страны, осознавшие необходимость перемен, мучились от явности средств их осуществления. С тонкими вольтеровскими усмешками они роняли свои мысли в останкинский эфир, из темноты которого эти истины возвращались национальной междоусобицей, смертью, нищетой и разгулом бандитизма. Душа человеческая, измученная любовью к ближнему и стремлением к светлым идеалам, захотела крови, секса и денег. Услышав: "Рынок! Права человека! Свобода! Демократия!" — строитель великого коммунистического завтра с радостью забросил это скучное занятие. Он тут же сменил газету "Правда" на "СПИД-инфо", а кодекс трудовой морали на оружие. По прошествии нескольких

лет умные и насмешливые лики наших пророков стали исчезать с голубых экранов, оставив страну в диком и смрадном переходе к изобилию.

Именно в эти годы хмельных рыночных надежд Додик Берляничка сблизился с семьей Газецких. Вечерами у Газецких собирался шумный деловой люд. Тут можно было увидеть родственников из Австралии, оружейных дилеров из Москвы, перекупщиков меди из Прибалтики, смуглых обувщиков из Еревана и наших местных горластых воротил. Тала, жена Газецкого, занималась кофе и гостями далеко за полночь, а затем спала до часу дня, оставив без завтрака дочь и мужа, который влетал ураганом на обед, гневно тряс огромным и пустым чревом и требовал развода.

— Сколько можно спать?! — кричал он, сверкая глазами. — Я не понимаю... Чтобы человек, молодая женщина, не имела в жизни другого интереса — только спать!

— Не кричи, ты знаешь, что у меня низкое давление.

— Когда ты видишь итальянское платье в "Зурбагане", оно сразу прыгает вверх!

— Если ты не веришь, посмотри мою историю болезни.

— Когда — сейчас? Вместо обеда? Спасибо... Не забывай, что я с шести утра голодный на ногах!

— У меня есть ленивые вареники, разогреть тебе?

— Тала, я мужчина... Ты это пони-

маешь?! Живой мужчина... Если бы я, как твой отец, преподавал марксистскую эстетику в школе парикмахеров, я бы ел ленивые вареники, а я работаю, как вол!

— Хорошо, — покорно соглашалась Тала, стараясь отыскать дорогу к компромиссу. — Скажи, а ты будешь есть куриные пупочки за мясное?

— Нет! — кричал Газецкий, рассекая воздух кулаком, и требовал развода.

По его условиям заспанная Талочка в ночном пеньюаре получала две трети всего достояния семьи — на себя и на ребенка. Услышав, что две трети кровати в спальне тоже остаются за ней, Талочка сразу теряла интерес ко всему остальному и шла спокойно досыпать. А вечер дом Газецких опять встречал гостями. Снова приходили темноволосые армяне, друзья пили кофе с арахисом, Петя Димович тряс Талину дочку на коленях и кричал, что к нему прибыл контейнер с косметикой, а в полдень следующего дня Газецкий тащил из кровати сонную жену и требовал развода или свиных биточков на обед.

Это было время, когда органы надзирающие за гражданами, смежили веки, давая юному бизнесу удержаться на ногах. Однако граждане, пережившие разгром нэпа и расстрелы хрущевских и косыгинских реформ, недоверчиво ежились и косо усмехались. Умудренные расстрельным опытом, они торопливо и молча набивали карманы, не

сомневаясь, что терпение Горбачева вот-вот тоже лопнет, и свое шалопинское "Ну-с, голубчики!" грозно пробасят карательные органы. Но они молчали. Горбачев терпел.

Мало-помалу на пляжах двенадцатой станции стали меняться темы разговоров и герои этих тем. Ими уже становились не те, кто промолчал в камере предварительного заключения или имел прямой выход на прокурора, а директора и президенты совместных предприятий. О дивидендах и прибылях тоже говорили в полный голос прямо под окнами милиции. Газецкого и его друзей обуюло радостное предвкушение того, что Одесса скоро превратится в счастливый уголок Западного Рая, который рисовался им в виде все той же старой социалистической Одессы, но без ОБХСС и прокуратуры. Теперь им было стыдно за годы недоверия к властям, потому что они сами убедились, что светлое будущее, обещанное им большевиками, осуществилось наяву. Однако счастье, которое свалилось на их недоверчивые головы, было так неожиданно и огромно, что нервы многих не выдерживали его.

— Нет, я не верю им! — упрямо твердил Гарик Довидер, мотая рыжей головой. — Вот я "ломщик", например... Целый божий день стоишь и караулишь лоха, чтобы "сломать" свою несчастную копеечку, и скажи, зачем?! Ведь кончатся эти вшивые реформы, вернутся коммунаки, и все, что ты честно нажил, заберут.

Однако Додик имел свое мнение на этот счет. У него была теория, по которой он предсказал время великих потрясений, и поэтому в некоторой степени считал себя идейным отцом эры Горбачева.

Он считал, что в результате боины первой мировой войны произошел общественный взрыв, подобный термоядерному, с эпицентром в России. Он радикализировал сознание людей. Даже в быту расхожей фразой стало: "Я бы расстрелял его!" — и это по любому пустяку. Вся Европа покрылась сетью кровавых диктатур. Затем гриб стал постепенно оседать, возвращая умы и страны в человеческое состояние. Берляничка понимал, что в Союзе — эпицентре взрыва — тоже неизбежны перемены. Этот вывод он сделал для себя за двадцать лет до начала перестройки.

Результатом его исторических анализов явились легализация подпольной швейки на Воровского и возникновение кооператива "Бум", учредителями которого были Додик Берляничка, Гарик Довидер, Миша Газецкий, Петя Димович и две его беременных жены. Тут встал вопрос о коммерческой стратегии "Бума", и мнения сразу разделились.

Газецкий делал упор на сотрудничество с армянами в деле производства и продажи обуви. Берляничка настаивал на более широком плане действий, требуя обратить внимание на сельскохозяйственные районы. По опыту прошлых лет он знал, что самые милые, интеллигентные отношения с властями деньги обеспечивают здесь. Тут вмешался Петя Димович и сказал, что он "поет" с главой администрации Великопетровского района, с которым он сидел в одной зоне.

Димович действительно сидел. В свое время он работал в театральном училище замом по хозяйству и соблазнял хороших абитуриентов, обещая им проходной бал на вступительных экзаменах. Однажды они с товарищем привезли абитуриентку на дачу, надрались коньяку, раздели ее догола, обмарили вареньем и стали слизывать его с девичьих прелестей языком. На Петину беду девица провалилась на экзаменах и рассказала все мамаше, которая тут же написала заявление в милицию.

Состоялся суд. На суде жена Димовича заявила, что ничего подобного с ее мужем не могло произойти, и предъявила справку, что он импотент. Берляничка по этому поводу шутил:

— Лучше бы она принесла справку, что Петя диабетчик.

Газецкий знал широту возможностей Димовича, и Петин довод сокрушил его.

Поскольку супруга Миши обычно спала до двух часов дня, он предло-

той мы и решили основать благотворительный фонд в память о сыне и в целях помощи украинским детям с больным сердцем. В Одессе меня поддержал с этой инициативой мой однокашник и друг бизнесмен Валерий Гончарко, который в эти же годы трагически потерял дочь.

ОДНАЖДЫ В НЬЮ-ЙОРКЕ НА 5-Й АВЕНЮ...

прошел благотворительный вечер по сбору средств для Одесской детской клинической больницы

Этому событию предшествовала большая подготовительная работа со стороны ротарианцев Александра Бута и Валерия Гончарко. Усилиями "Ротари Интернешнл", "Ротари клубов" "Локуст-Валлей", "Одесса" и "Манхеттен" акция состоялась. Помощь в проведении этой акции оказали международные фонды "Gift of Life International" и "Locust Valley Rotary Club", Генконсульство Украины в Нью-Йорке, представительство авиакомпании "Aerosvit" в США, американская православная церковь, местные активисты-ротарианцы, одесские кардиохирурги и кардиологи Роман Лекан, Борис Голобородько и члены одесского клуба "Ротари" Светлана Мелконян и Вера Чуб, прибывшие в Нью-Йорк для согласования дальнейших планов развития сотрудничества с благотворительными организациями США.

СИЛА ДОБРЫХ ДЕЛ

МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ЛЮБУЮ СТРАНУ БЛАГОПОЛУЧНОЙ И ПРОЦВЕТАЮЩЕЙ ДЕРЖАВОЙ

ПРИМЕР США ЭТО ДОКАЗЫВАЕТ

Первый "Ротари-клуб" возник в Чикаго более 100 лет назад. За прошедшие годы это благотворительное движение получило всемирную поддержку: сейчас на всех континентах действуют более 30 тысяч клубов с общей численностью 1 млн. 300 тысяч ротарианцев. В Одессе клуб "Ротари" существует чуть более 10 лет. Несмотря на свою короткую историю и малочисленность, одесские ротарианцы уже сделали немало добрых дел. Хорошо известна их помощь детским больницам города, исчисляемая десятками тысяч долларов, организацией поставок в Одессу медицинского оборудования и медикаментов уже на сотни тысяч долларов. Среди известных ротарианских акций этого года — совместное с фондом "Gift of Life" участие в благотворительном вечере в Украинском доме в Нью-Йорке, на котором было собрано 84 тысячи долларов для операций на больных детских сердцах, а также организация концерта в Одесской филармонии Молодежного оркестра США из Лонг-Айленда, средства от которого пойдут в Фонд борьбы со СПИДом и туберкулезом в Одесской области, а также в Одесское отделение фонда "Gift of Life".

Инициатором и одним из главных организаторов последних событий в благотворительной жизни Одессы стал ротарианец, основатель международного фонда "Подари жизнь" в Украине, одессит, ныне работающий в США, Александр Бут.

ФОНД ПАМЯТИ СЫНА И ДОЧЕРИ

В 70-е годы мне повезло: я учился с Сашей в одной группе на экономическом факультете Водного института. Эта удача объясняется тем, что среди друзей и товарищей он был активным инициатором постоянных студенческих мероприятий, не связанных с учебным процессом. Яркий лидер с отличным чувством юмора, надежный друг и добрый товарищ, он и учебу порой превращал в интересную игру, вовлекая в нее даже преподавателей. Отличных оценок Саша на этом поприще не снискал, но за счет энергии, юмора и оригинальных ответов на зачетах и экзаменах пользовался авторитетом даже у самых строгих преподавателей.

Как оказалось, эти качества характера и развитое чувство ответст-

венности стали самыми надежными спутниками в его карьере специалиста мирового морского флота. Инженер в Ильичевском порту и ЧМП, руководитель Моргенства и пассажирского управления ЧМП, представитель ММФ СССР в Нью-Йорке, а затем, после распада этой страны, основатель морской фирмы в Нью-Йорке, он, несмотря на высокие должности и регалии, всегда оставался открытым для дружеского общения, хорошего анекдота и веселого застолья. А о его помощи и поддержке однокашников и товарищей по совместной работе на пространстве СНГ, а теперь и в США, ходят легенды. Многие обязаны ему удачным трудоустройством и карьерой, счастливой семейной жизнью.

Но настал самый черный день в жизни его семьи, когда помощь и поддержка потребовались самому Александру Анатольевичу и его семье. Трагически ушел из жизни его 27-летний сын Саша. Выпускник престижного швейцарского университета, он был гордостью семьи и надеждой известной на мировом рынке туристической компании, где он успешно работал руководителем одного из направлений.

Годы прошли после той трагедии. Но как-то во время одной из наших встреч Александр Бут признался: "Я уже никогда не смогу так радоваться жизни и смеяться, как раньше".

Но надо знать Бута, чтобы понять его дальнейшую жизнь. Он так и остался трудоголиком, начиная свой рабочий день в 6 утра и заканчивая поздней ночью. Но память о пережитой трагедии подвигла его на то, чтобы трагедий, подобных той, что случилась в его жизни, было как можно меньше среди родных и близких, в его родном городе и родной стране. Это движение души и стало основой для создания благотворительного фонда "Gift of Life" в Одессе, призванного помогать детям с больным сердцем.

— Членом местного "Ротари-клуба" в селении Локуст-Валлей я стал задолго до гибели сына, — рассказывал мне при нашей недавней встрече в Нью-Йорке Александр Бут. — Но в дни трагедии я особенно остро почувствовал, насколько искренней и душевной была для меня помощь местных ротарианцев. Они также собрали для нашей семьи значительную сумму денег, на которые я в тот момент совершенно не рассчитывал. Вот тогда вместе с женой Све-

жил выехать вечером в Тирасполь, провести ночь в гостинице, а утром, спокойно позавтракав, направиться в Великопетровку. К этому времени Петя Димович должен был связаться со своим товарищем по зоне. Петя в целом поддержал этот план, однако с небольшим добавлением: он настоял на том, чтобы в поездку взяли двух его знакомых "телок". Берлянич, который незадолго до этого перенес сердечный приступ, был не против "телок", но сказал, что в машине его укачивает, и поэтому предложил отправиться в Великопетровский исполком на шикарном яхте "Папирус", арендуемой им на паях с Гариком Довидером.

— А почему не на подводной лодке? — с иронией спросил Газецкий, протирая очки. — Вы хоть знаете, где Великопетровка, Додик? В ста пятидесяти километрах от ближайшей дождевой лужи.

— Конечно, знаю. Я держал там цех. — Как же вы собираетесь попасть туда на яхте?

— Через Каролино-Бугаз, а оттуда на машине.

— Но это огромный крюк — зачем нам его делать?

— Ах, Миша, Миша... Разве дело в расстоянии? Успех будет зависеть оттого, с каким настроением мы прибудем в исполком. Уверю тебя! Это старый наш маршрут... В свое время мы плыли на яхте в Каролино-Бугаз, затем гудели в Кишиневе, а потом подкатывали к исполкому на "Волге", из которой неслись музыка и девичий хохот. Я предлагаю использовать именно этот протокол официального визита.

— Я против. Не забывайте, что мы едем к руководству целого района!

— Именно это я имел в виду — он любит честных простодушных людей, которые не скрывают, для чего им нужны деньги. Я буду прав, увидишь!

— Боюсь, что председатель попреит нас из кабинета.

— Никогда! Да, он захочет это сделать, но поступит как раз наоборот: сердито сопнет, задаст пару едких вопросов, но потом разозлится на самого себя и будет делать все, что мы захотим. Нет, Гриша, когда ты заходишь в кабинет, и от тебя исходит нежная любви, запах моря, грохот музыки и загадка полумночной звезды, тебя встречают совсем иначе, чем обычного домогателя местных коммунальных услуг.

— Нет, мы плывем в исполком, — уныло отозвался Берлянич, выбираясь по узкой стремянке из каюты на палубу. Его бледное лицо, иска-

женное гримасой сердечника, было перепачкано губной помадой, а на голове красовалась пляжная бейсболка с надписью "Оклахома". Следом за ним появилась Любаша в купальном костюме со спущенными бретельками и счастливым покоем в больших коровьих глазах.

Итальянцы обменялись удивленными взглядами. Как объяснила переводчица, их несколько смутила та легкомысленная атмосфера, которая сопровождала визит в муниципалитет.

— Скажите им, — возразил Берлянич, — что им, европейцам, не мешало бы усвоить некоторые особенности нашей официальной жизни. Если вы, например, скажете в исполкоме, что спешите на похороны, вам ответят: "Это ваши проблемы!". Но если вы заявите, что опаздываете на яхту, где вас ждут веселые девочки, вас немедленно пригласят в кабинет.

Был прекрасный июльский день. Яхта миновала маяк и вышла в море. Берег терял свои привычные очертания, превращаясь в густую зеленую чащу. Берлянич лежал на палубе, покрытой тенью косящего паруса. Морской ветер то ласковым котенком касался его потинфарктных мошей, таких хрупких и беззащитных под сияющей полусферой небес, то обдавал их солеными брызгами и пробирал до костей. Глядя в расклеванное небо, он думал о странных превращениях судьбы. Еще только вчера он лежал в реанимации, глядя на капельницу скучными глазами кандидата в небожители, и подводил итог своему земному пути.

В целом он не мог пенять на форсуну. Он прожил жизнь "безоблачного дельца". Так говорили о тех, кто уцелел в огненном смерче судебных репрессий. Он вел опасную жизнь матадора, опьяненного риском и деньгами, которые позволяли ему такие милые шалости, как завтракать с друзьями в ресторане "Красный", обедать в московском "Метрополе", а ночью кутить на Лазурном берегу. Однако он не мог назвать это счастьем. Оно касалось только той части его существа, что находилась ниже его поясного ремня, в то время как душа и способность томилась своей бесполезностью и люто ненавидели первую.

Теперь перед ним открывались иные горизонты. Немая вечность отступила от него. Он снова чувствовал себя гулякой и нахалом, весело кружащим на земном балу. Между тем Газецкий, живший постоянной пролетарской мечтой о сытом желудке, накрыл откидной

стол и пригласил всех отобедать. Итальянцы заняли места рядом с остальными и в два голоса стали звать переводчицу, которая сидела на носу яхты, обхватив колени руками, но та вежливо отказалась. Вероника окинула задаваку уничтожающим взглядом. Она вскинула голову на манер топ-модели, оправила фигурный листок, именующий купальником и, опустившись на сидущую рядом с синьором Марчелло, коснулась итальянца бедром. Узкое в складку лицо синьора Марчелло потемнело. Он беспомощно поскреб седые бак и подумал о том, что, очевидно, продешевил со своим строгим контрактом в Ильичевске.

— Господа! — сказал Берлянич, поднимая рюмку, и когда умолкли все звуки, кроме крика чаек и плеска волн за бортом, он произнес тост во здравие городов-побратимов Одессы и Палермо.

После этого Додик чокнулся персонально с каждым из сидящих за столом и передал свою рюмку Виталию Тимофеевичу, который тут же осушил ее вместо Берлянички. Итальянцы с изумлением переглянулись.

— Это наш русский обычай, — пояснил Виталий Тимофеевич, нюхая огурец. — Пить за себя и за друга-еврея!

Далее он, как обычно, стал развивать чужую мысль, сказав, что Палермо прекрасный город, потому что где мафия, там порядок: дешевая водка, бескорыстные депутаты, а в Дом литератора ходят только бандиты. Затем тосты пошли по кругу и, наконец, синьор Марчелло заявил, что не прочь искупаться. Тотчас же спустился парус, и яхту "Папирус" поставили на якорь.

Газецкий спустился в каюту и переоделся. Деньги, которые он взял с собой, Миша переложил из потайного карманчика на внутренней стороне звездно-полосатых шорт в такой же потайной карманчик огромных плавок. Когда он поднялся на палубу, девочки встретили его веселым визгом и, подхватив под руки, потащили к леерам с явным намерением столкнуть Мишу с деньгами за борт. Газецкий шутиливо тарачил глаза и хохотал вместе со всеми, но руки от ягодиц не убирал, опасаясь за судьбу своих обережений. Между тем Виталий Тимофеевич, обхватив синьора Кармелло за щипцы плеча, толковывал итальянцу свои взгляды на жизнь. Он пытался объяснить синьору Кармелло, что никогда не умничал на партсобраниях, как другие, а мол-

чал и пил водку с кем надо, и поэтому рос в должностях. Когда все, кроме Газецкого, вволю накупались, яхта "Папирус" снялась с якоря. Берлянич был счастлив. Глядя на необъятные небеса, он чувствовал себя в центре мироздания, его властином. Рядом сидела Любаша, не спускавшая с него заботливых коровьих глаз. Всякий раз, когда на лице Берлянички появлялись признаки сердечной слабости, она тут же уводила его в каюту, осторожно помогая спуститься по стремянке вниз. Назад Берлянич взлетал, как юнга по боцманскому свистку, растягивался на палубе и, сияя от полноты чувств, начинал беззастенчиво хвастать синьору Марчелло. Он уверял итальянца, что если его дела в районах выйдут на расчетные величины, он купит все побережье Каролино-Бугаза, застроит его отелями, ресторанами и игорными домами и таким образом положит начало всемирно известному Дому Давида Берлянички.

Жизнь казалась прекрасной. За бортом плескались уютные семейные волны, отливавшие пенистой бирюзой. Слева блаженствовал Миша Газецкий, лысую голову которого Вероника пристроила на своих коленях. Ее внимание к нему сразу подскочило в цене с того момента, как к ней проявил интерес итальянец. Под белыми грудями Газецкого залегли нарядные солнечные тени.

— Миша, — говорил Берлянич, — посмотри на побережье. Скажи правду: ты можешь представить себя его хозяином? Нет. А знаешь, как мы его назовем? Каролино-Вегас, Миша.

Лицо молодого бизнесмена вспорола детская серповидная улыбка. Он посмотрел на Берляничку влюбленными глазами.

— Додик, вы личность! У вас фантастический размах. Я сразу это понял, и если возражал, то исключительно из общих интересов. Ведь кто-то должен возражать... Но в душе я был в восторге!

Сидя на корме, Виталий Тимофеевич и синьор Кармелло, обожавший русские народные песни, орали пьяными голосами: "Ах, лимончики, вы мои лимончики, Вы растете в Палермо на балкончике!"

С другой стороны, на носу, сидела переводчица, обхватив колени руками и уставившись на морскую даль. Контур ее строгого лица, казалось, дрожали и плавились в солнечном мираже. Яхта "Папирус" держала путь к неведомым и сказочным исполкомовским берегам.

Справа Александр Бут

Можно сказать, что самыми активными участниками вечера стали маленькие пациенты одесских врачей. Именно их послеоперационные фотографии наглядно демонстрировали результаты помощи благотворительной организации "Gift of Life International" как одного из направлений деятельности "Rotary International" и двух одесских семей, которые обеспечили финансовую поддержку проведения операций. Следует отметить, что благодаря фонду и на его средства в течение предыдущего года в Одессе уже были проведены операции 41 маленькому пациенту, каждая из которых требует значительных денежных средств. Достаточно сказать, что только одноразовый оксигенатор, применяемый в операциях на

открытом сердце, стоит около 600 долларов, а стоимость самой простой из них без оплаты труда бригады хирургов превышает одну тысячу. Особенно впечатлили американцев фото детей, которые сейчас находятся в больнице и стоят в очереди на проведение операции.

Именно о них в первую очередь говорили на открытии вечера Александр Бут, Том Моэн ("Locust Valley RC"), директор "Gift of Life International" Робби Донно, шведский кардиохирург Могенс Бугге, специально прибывший из Гетеборга, чтобы поблагодарить нью-йоркских и одесских ротарианцев, поддержать усилия "Locust Valley RC", А. Бута и В. Гончарко, одесских врачей по сбору средств для проведения операций украинским детям. Поэтому закономерно, что уже во время вечера сумма пожертвований со стороны фирм, компаний и простых американцев превысила 84 тысячи долларов.

"Вечер прошел на высоком организационном уровне и показал развивающееся сотрудничество молодых ротарианцев Украины и международных благотворительных фондов, — подвел его итоги Генеральный консул Украины в Нью-Йорке Николай Кириченко. — На собранные средства будут сделаны операции, которые, без всякого преувеличения, дадут вторую жизнь сотням юных украинцев. Будут также приобретены газоанализатор крови, специальный хирургический инструментарий, приборы и мониторы для анализа жизненно важных функций". Кроме этого, ротарианцы США Т. Моэн,

Р. Донно, В. Коваленко и А. Бут вместе со шведским кардиохирургом приняли решение об оплате перевозки из США партии медицинского оборудования для одесской детской больницы за счет средств "Locust Valley RC" и "Gift of Life". Стоимость оборудования превышает 700000 долларов и передается в дар Одесской областной детской больнице.

ДВИЖЕНИЕ ДУШИ

— В этом благотворительном вечере, или, как его называют здесь, бале, принимали участие более 300 человек, — рассказывал потом членом одесской делегации Александр Бут. — Кто-то выписывал чек на сто долларов, кто-то — на несколько тысяч. Такая форма благотворительной деятельности довольно популярна в Соединенных Штатах. Следует учесть, что практически в каждой деревне, малом или большом городе есть свои "Ротари-клубы", члены которых держат в поле зрения самые острые проблемы общественной жизни своего региона. Сбор средств для помощи нуждающимся проходит по-разному, но объединяет все эти акции большая работа по пропаганде движения "Ротари".

К примеру, в каждом населенном пункте Лонг-Айленда ежегодно проходят традиционные праздники местных "Ротари-клубов", на которые приглашаются все жители поселка и гости. В празднике каждого поселка есть своя изюминка. В нашей деревне — это блюда из морепродуктов,

в соседней славится молоко, кисломолочные продукты, сыр, в другой — пекут удивительные торты и пирожки. Приглашаются известные шоу-артисты, вокальные группы, повара и т. д. Но основную роль в подготовке и проведении праздника берут на себя сами ротарианцы. Можете себе представить, как порой удивляются жители поселка, когда на торжественном обеде им прислуживает в качестве официанта председатель правления мощного банка или президент промышленной корпорации, а мойщиком посуды работает вице-мэр... Сам же я вместе с женой в этот день надеваем фартуки и на фоне флага Украины и герба Одессы стоим целый день у плиты и жарим украинские драники и русские блины. Этот праздник всегда приносит значительную сумму средств, которые все — до последнего цента — идут на реализацию заявленной программы. Но я бы еще сказал, что такие неформальные мероприятия в огромной степени сплачивают всю Америку в монолитное общество, где все люди чувствуют плечо друг друга и при необходимости могут на него опереться. Когда на выручку одному американцу, захваченному в плен террористами, идет весь американский флот, то я уверен, что первый урок единения со своей страной и помощи ближнему командиры США получают именно во взаимодействии с ротарианским движением.

Во время прошедшей командировки в США я убедился в том, что мощь этой страны создают не армия, авиация и флот, банки и корпорации, заводы и фермы, а патри-

тизм и любовь к своей стране, где благотворительное движение является нормой жизни. Ротарианское движение в значительной степени характеризует общественную жизнь Америки и ее нравственные устои. В число членов "Ротари-клубов" входят президенты и министры, хозяева корпораций и банков, известные ученые и общественные деятели.

На первый взгляд может показаться, что клуб "Ротари" предназначен для избранных, желающих получить дополнительные возможности для повышения своего социального статуса. Действительно, в клубы "Ротари" входит элита американского общества, которая в значительной степени определяет экономическую, политическую и социальную жизнь своей деревни, города, штата и даже всей страны. Но цель их деятельности, прежде всего, обусловлена искренним желанием помочь ближним своим. Эти люди, достигшие профессиональных высот в своей деятельности и материально обеспеченные, как никто другой понимают, что их личностный прогресс в дальнейшем зависит от благополучия всего общества. В первую очередь, людей, страдающих от недостатка лекарств и пищи, жилья и родительской заботы, не имеющих финансовой возможности для консультации с врачом или операции, пострадавших в стихийном бедствии.

Александр ФЕДОРОВ,
член Международной
федерации журналистов.
Нью-Йорк — Одесса.

Светлана ХМЕЛЬКОВСКАЯ

ОСТРОВА МЕЧТЫ

ПУТЕШЕСТВИЕ

Мальдивские острова... Что вы представляете себе, когда произносите это словосочетание? Шатры пальм, нежность песка, сладкую негу ничегонеделания? Да, все это здесь будет. И еще так много всего!

Реклама шоколада "Баунти". Помните? Синь моря и неба, золото песка и разбивающийся кокос. Райское наслаждение. Реклама жизни. Берем? Дома перед телевизором казалось, что все это откуда-то из другой жизни. Экзотика. Находящаяся.

Оказывается, действительно бывает таким искренне синим небо над нашей планетой. Бывает там, далеко, возле индийского континента, прямо у экватора. Краски островов поразят вас, их сочетания еще долго будут помниться и сниться.

Здесь по-другому ощущается время. Вернее, вы начинаете чувствовать, как оно течет сквозь вас. Дома мы бросаем нервные взгляды на циферблат, по которому бешено вращается стрелка, отсчитывая секунду дня. Оказывается, бывает по-другому. Побалуйте себя... покоем. Здесь все необычно. Согласитесь, что не так часто бывает, что 99

процентов территории государства состоит из воды. Здесь царит вечное лето, годовая температура — от 25°C до 32°C, вода — 27-30°C. Настоящее спасение от жарких дневных часов — ветры, дующие с моря, приносящие желаемую прохладу и обеспечивающие быстроту загара.

Всего насчитывается 1190 островов, из них 200 обитаемых и 992

необитаемых. Часть обитаемых островов обустроена для принятия туристов. Пляжу каждого острова принадлежит лагуна с кристально чистой водой, окаймляют острова коралловые рифы. Самый большой остров пять километров в длину и три в ширину, многие гораздо меньше, и их за несколько минут можно обойти пешком.

Каждый остров имеет особый характер, визитную карточку и специфическую публику. Здесь вы найдете отдых на любой вкус: полное уединение или активную анимацию. "Звездность" островов определяется четкими критериями: прежде всего, это вид и оборудование вашей комнаты или виллы и возможности, предлагаемые на острове: атмосфера, сервис, еда, спорт и другие развлечения.

Некоторые острова предлагают отдых в индивидуальных бунгало, расположенных прямо на воде. Они великолепны, и это уже отдых высокой категории. Я была в таком "домике на воде" только на экскурсию. Водные бунгало имеют свои террасы, где вы можете наслаждаться солнцем, а ступеньки спускаются прямо в воду. Наверное, потрясаю-

ще засыпать под шепот волн за окошком...

Вы можете снять для себя и своей компании небольшое "судно-сафари", которое отправится в недельный круиз вдоль многих островов и будет останавливаться по вашему желанию. Но я бы порекомендовала выбрать красивый остров с достойным отелем и отправиться по желанию (а оно обязательно возникнет) на другие острова.

Хочется отметить, что несмотря на предлагаемые развлечения, это все-таки не цивилизация, это острова уединения, покоя и релаксации, романтики, тишины и первозданности. Поэтому задумайтесь о выборе спутников для такого вида отдыха. Может быть, они будут вам вообще не нужны, а может быть, вы именно здесь почувствуете и поймете человека, который рядом, совсем по-новому. Здесь будет достаточно времени, чтобы оценить и переосмыслить, чего, согласитесь, нам не всегда хватает в суете повседневной жизни.

Конечно, острова просто рай и находка для влюбленных, молодоженов и людей, которые еще не перестали любить и удивлять друг друга. Тогда замечательный остров — уединение в океане именно для вас.

На острове Баньян-Три можно даже сыграть свадьбу под водой. Вам все это устроят, известите только администрацию отеля о своих намерениях заранее. И ваше "Да!", сказанное под водой, прозвучит особенно громко и четко. Кстати, вы можете сказать его друг другу и на берегу под пальмами, да и целоваться будет удобнее. Вам организуют и брачную церемонию в национальных костюмах с музыкой, танцами, едой и всем остальным. Остров располагает красивой выходящей в море террасой, на которой вам, по желанию, накроют ужин на двоих со всеми атрибутами романтики в виде свечей и цветов. В романтику особенно хорошо вписываются королевские креветки в паре с лобстером, эти "приятные детали" вы обсу-

дите заранее с шеф-поваром. И любой каприз будет исполнен.

В нашем распоряжении были две недели, чтобы успеть насладиться Мальдивами. Первую мы провели на острове Туру. Он небольшой, всего 40 вилл, так что, не считая персонала, на острове находится максимум 80 человек. Есть острова еще меньше и изысканнее, и даже те, на которых располагается только одна, ваша, вилла. Цены соответствующие.

В то же время, когда я находилась на Мальдивах, туда в свадебное путешествие отправился Том Круз. Конечно, мы с ним не встречались, думаю, что он как раз и был в одном из тех островов, который принадлежал только ему. Общим у нас с Томом Крузом, наверное, было нахождение, которое создают острова, и желание вернуться туда еще.

Большинство вилл острова имеют свой пляж, террасу с потрясающим видом, некоторые располагают джакузи в небольшом саду. Мне очень понравилась открытая ванная комната. Принимать душ под звездным небом, слушать пение птиц, любоваться кронами деревьев и чувствовать единение с природой.

Все виллы построены из экологически чистых материалов, острова подвергаются строгому контролю на "натуральность" и качество. Под ногами у вас всегда будет чистый песок или деревянный пол, здесь все ходят босиком. Моя попытка прийти вечером в ресторан на каблуках увязла в песке первозданности, и я отложила атрибуты цивилизации в сторону.

Вторую неделю мы провели на соседнем острове Баньян-Три, он не намного больше по размерам и относится к самым красивым и комфортабельным островам. Каждая вилла имеет свой небольшой пирс, который начинается с террасы со столиком и заканчивается тем, что я назвала тропом для двоих. Спустившись с трона, вы попадаете на личный отрезок пляжа. В тени деревьев висит гамак, в котором так хорошо мечтается в часы послеполуденного зноя!

Остров — настоящий рай для ныряльщиков. Здесь есть специальная школа, где вас обучат необходимым знаниям. Но даже взяв обычную маску с трубкой, на небольшой глубине у берега вы окунетесь в мир разноцветных рыб и причудливо изогнутых кораллов. Вы можете фотографировать, кормить рыб, трогать их руками, они вас

Феликс КОХРИХТ

«МЕЩАНИН ВО ДВОРЯНСТВЕ»: ОДЕССКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В 1670 году увидела свет рампы одна из самых известных пьес Жана-Батиста Мольера. К тому времени он, потомок состоятельного рода парижских обойщиков, вполне состоялся — как актер, режиссер, драматург, руководитель процветающей труппы. Он был принят при дворе, его собеседниками и партнерами были знатные вельможи и лучшие умы Франции.

Мольер (урожденный Поклен) относился к так называемому третьему сословию, игравшему во Франции важную роль, давшему стране и миру выдающихся государственных деятелей, банкиров, промышленников, ученых.

Знаменательно, что в Российской империи в 17 веке и сословия такого не было. Лишь в 1775 году, спустя столетие (!), в нашем отечестве в него записали ремесленников, мелких торговцев и домовладельцев. Они, независимо от капитала, гражданских прав не имели и в случае провинности рисковали быть выпоротыми. И продолжалось это до 1863 года...

Разумеется, и само определение мещанства, и отношение к нему общества, и осознание себя членами этого податного сословия в России и во Франции были и остаются различными, впрочем, равно как и ин-

теллигенции. Об этом написаны целые библиотеки, к которым мы вас и отсылаем.

А сейчас — к спектаклю по пьесе "Мещанин во дворянстве", недавно поставленному в Одесском академическом украинском музыкально-драматическом театре имени В. Василько. Режиссер-постановщик киевлянин Евгений Курман дал этой работе иное имя: "Королевский эксперимент". Но это далеко не единственная новация, свидетелями и участниками которых стала не только одесская труппа, но и зрители. Особенно те, для кого эта встреча с драматургией Мольера — далеко не первая, и кто помнит, что среди действующих лиц этой комедии нет короля Франции Людовика XIV.

Вернувшись с премьеры, я перелистал трехтомный пьес великого драматурга и нашел в нем одноактную комедию, написанную тремя годами ранее, чем "Мещанин...", и содержащую, на мой взгляд, ключ к решению сверхзадачи, поставленной Курманом перед собой и творческой группой, работавшей над спектаклем. Комедия эта называется "Версальский эксперимент", и сегодня ее бы поставили на малой сцене в жанре "Театр в театре", что, кстати можно осуществить в Одессе.

Она вот о чем. За несколько часов

до премьеры в Версальском дворце Мольер (он — под своим именем) и его актеры понимают, что новый спектакль еще совсем сырой. Они нервничают, особенно режиссер: ожидается присутствие в зале монарха. Но когда один из персонажей советует Мольеру извиниться перед венценосным зрителем и попросить у него время для завершения работы, тот горько восклицает: "Короли требуют беспрекословного повиновения и знать не хотят никаких препятствий..."

Такой, не знающий препятствий, милостивый и всемогущий король вполне способен преодолеть просторство и время и, повинувшись фантазии Евгения Курмана, оказаться в ложе над сценой, где начнется спектакль по новой пьесе его любимого Мольера — "Мещанин во дворянстве". Тем более что главную роль в ложе над сценой, где начнется спектакль сам драматург, который уже заметил Людовика и немало этим обескуражен, как и все персонажи, украдкой бросающие взгляды на королевскую ложу...

Теперь понятно, откуда "Королевский эксперимент". Все могут короли! Но и режиссеры на многое способны!

Постановщик привнес в пьесу несколько диверсифицированных, в ходе которых актеры вольны импровизиро-

вать. Курман рассказал мне, что и он, и исполнители ролей знают лишь то, чем начинается и чем должен закончиться каждый такой вставной эпизод, а вот его наполнение зависит и от вдохновения, и от настроения, и от взаимодействия партнеров.

Итак, Король поудобнее откинулся на спинку кресла, пригубил бокал вина и милостиво кивнул. Комедия началась. Следует ли напоминать вам ее сюжет? Он — вечен. И во Франции 16-го века, и в Украине 21-го не переводятся нувориши, стремящиеся в три приема перепрыгнуть пропасть, отделяющую их от того мира, где обитают представители "высшего света". Во времена Мольера — дворянская знать, в наши годы и в нашем отечестве — завсегдатаи различных тусовок...

Забавно следить за ухищрениями Журдена, берущего уроки у шарлатанов-учителей, уморительны вельможи-прошляги, обирающие простака-мещанина. За всем эти Король наблюдает снисходительно и лениво. Он оживает лишь в двух случаях: когда сумасброд Журден препятствует любви дочери Люси и Клеонта — порядочного молодого буржуа, и когда на сцене появляется оборотливый служанка Николь. Тут Людовик XIV не выдерживает, по-

кидает ложу и появляется на сцене, внося коррективы в происходящее. Благодаря тцаниям этого предствительного, полного величия, но и благодушия Незнакомца, скрывающегося под карнавальной маской, все устраивается как нельзя лучше.

Журден становится турецким саванником — Мамамуши. Практически все основные персонажи обретают личное счастье. Венчаются добродетельные Люси и Клеон, проданные Граф и Маркиза. Если у Мольера красота Николь достается Толмачу (преводчику с "турецкого"), то у Курмана — Королю. И это — ко всеобщему удовольствию. И режиссера, и зрителей, и исполнителей этих ролей — Якова Кучревского и Ольги Петровской, которые, как известно, и в жизни — муж и жена.

В финале все пляшут — не зря же Мольер включил в пьесу балетные номера (хореограф Павел Ивлюшкин), а Евгений Курман вставил в нее вышеупомянутые диверсифицированные. В оркестровой яме в пудреном парике сам маэстро Люли (дирижер Игорь Чернецкий), над подиумом поднимается венценосная голова (художник-постановщик Андрей Романченко) — не зря же Людовика XIV подданные нарекли "Король-Солнце". И все это — под музыку Игоря Щербакова.

В новой работе нашего театра — немало ярких актерских работ, он интересен еще и тем, что каждый вечер на каждом спектакле изюминкой Действа может стать спонтанная импровизация Актера, которому хитроумный Режиссер доверил разделить с ним и успех и неудачу.

Королевский-Версальский эксперимент... Одесский эксперимент...

совсем не бояться. Каждый день в 5 часов на острове происходило кормление огромных скотов, которые, очевидно, знали, что им нужно быть в это время в этом месте. Зрелище потрясающее. Были на острове и огромные клетки с акулами под водой, я не решалась слишком уж близко нырять возле них.

Конечно, большинство развлечений островов связано с водой. Кроме погружений с аквалангом вам предложат серфинг, морские прогулки на каноэ и катамаране, водные лыжи и скутер. Любители рыбалки тоже будут впечатлены. Вы можете выйти в море ранним утром или ближе к вечеру на их традиционной лодке "джони". Пойманную рыбу возьмите с собой в ресторан отеля, и вам ее замечательно приготовят.

Еда на островах порадует своим вкусом, разнообразием и полезностью. Основу мальдивской кухни составляют свежая рыба и морепродукты. Ваше право — выбирать полный и неполный пансион. Завтраки и обеды — шведский стол, ужин — по меню, при мерцании свечей и босиком, очень экзотично. Раз в неделю — тематические вечера азиатской кухни в сопровождении музыки.

Экзотические фрукты нарежут и сервируют при вас, вам стоит показать, какие. Имеется также бар с вкуснейшими соками-фреш, разнообразными коктейлями и алкогольными напитками хорошего европейского качества. В обед вам предложат блюда, приготовленные на мангале: всевозможная рыба, курица, морепродукты. Отдельно можно заказать лобстера. Свинины, конечно, в мусульманской стране вам не подадут, но вы найдете ей достойную замену. В качестве гарнира сервируется сваренный в кокосовом молоке рис. Их фирменным блюдом считается также сладкий картофель и приготовленные на гриле овощи. Мальдивское карри гораздо мягче индийского, не бойтесь его попробовать. Поразили меня и десерты, к которым я неравнодушна во всех странах мира: кокосовый торт, суфле из лиги, банановый крем. А сорта мороженого! Кокосовое, манговое, фисташковое, ореховое, медовое с шафраном.

Выбор алкогольных напитков богат, но цены довольно высокие. Привозить алкоголь с собой бесполезно: очень строгий контроль на таможне — ввоз спиртных напитков в мусульманскую страну запрещен. Выводы делайте сами.

И еще: и завтраком, и обедом, и ужином при закате солнца вы можете насладиться на троне своей виллы или на пирсе в море (попробуйте! и сделайте прекрасные снимки). Закаты на Мальдивах... Это незабываемое и, наверное, одно из самых сильных впечатлений от пребывания там. Окунитесь в море, в лучи закатного солнца. Фотографии при освещении в это время суток порадуют вас и ваших друзей, которым вы обязательно захотите рассказать об этом благодатном крае.

Есть на острове еще одно искушение — спа-центр. Он полностью выдерживает сравнение с Таиландом и Бали, но, конечно, не превосходит их. Вам предложат массажи ведущих мировых школ: тайский, балинезийский, индонезийский и шведский. Возьмите полную программу по уходу за телом, и мальдивские девушки окружат вас заботой и вниманием, на пару часов вы забудете о существовании мира за пределами спа. Жизнь как спа. Позвольте себе почувствовать это. Теплая ванночка для ног с цветами, скраб для тела на натуральной основе. Массаж желаемой интенсивности всего тела с местными маслами. Процедур для лица: массаж по меду, маска из папайи и огурцов. Ванна для всего тела с лепестками цветов. Маникюр. Педикюр. Релакс. Все это под звуки ненавязчивой расслабляющей музыки и с применением ароматерапии: палочки с бергамотом, лавандой, сандалом. Священнодействие, разворачивающееся вокруг вас. Вы захотите это повторить, вы захотите сюда вернуться.

Все это, конечно, приятно, но где-то ко второй неделе пребывания хочется какой-то культурной программы, информации о стране, ее истории и людях. И мы отправились в Мале — столицу Мальдивов.

Здесь здорово побродить по припорошенным песком улочкам, когда спадает жара, и полюбоваться белыми фасадами домов за забором, во внутреннем дворике. В тени деревьев качаются дети в традиционных гамаках. В этом дворе проходит большая часть их жизни, здесь собирается вся семья, в тени отдыхают от зноя, здесь и работают. Каждая пальма, каждый клочок земли принадлежит государству, частной собственности не существует. Большинство семей зарабатывает на жизнь

продажей кокосовых орехов, государство распределяет между семьями кокосовые деревья. Образование за границей и вытекающие отсюда возможности могут обеспечить своим детям далеко не все родители. Получается, что большинство жителей оказывается, в конце концов, задействованы в туризме.

Мы были поражены контрасту между комфортом и роскошью островов для туристов и условиями жизни местных жителей, ведь Мальдивы входят в число 25 самых бедных стран мира. А 26 декабря 2004 года острова сильно пострадала во время цунами. 12000 мальдивцев остались без крова, многим из них до сих пор негде жить, а государство не спешит решить эту про-

блему. Зато туристический бизнес налачился очень быстро.

Страной правит избранный на пятый срок президент. Официальной религией государства является ислам, до его принятия на территории Мальдивов был распространен буддизм, а возникновение мусульманской религии связано с легендой: прекрасная молодая девушка, жительница островов, должна была быть принесена в жертву морскому дьяволу, но ее спас странствующий марокканец, проповедующий ислам и толкующий Коран. Тогдашний король был так впечатлен поступком и проповедями этого человека, что объявил ислам официальной религией и стал Султаном Мухаммедом ибн Абдулла. После него в течение 800 лет страной правили многочисленные султаны — до 1953 года, когда была организована Первая Мальдивская республика.

Подробнее об истории островов можно узнать в национальном музее в Мале, он находится на территории Парка султана. Напротив возвышается современное здание мечети, а неподалеку находится древняя мечеть с не менее древним кладбищем. Что еще можно увидеть в столице? Знаменитый рыбный базар, вы найдете его по запаху. К 4 часам дня лодки причаливают к берегу, и рыбаки несут сюда свой улов. Очень колоритный фруктовый и овощной базарчики. Торговцы пытаются перекричать друг друга, наваливая свой товар: кокосовые орехи, ананасы, крошечные и побольше бананы и многое другое. Здесь приятно торговаться, многие говорят по-английски, или для вас сразу находится переводчик из толпы собравшихся зевак, который потом будет пытаться затащить вас в свою сувенирную лавку — их здесь великое множество. Большинство товаров — примитивный китч, но встречаются интересные фигурки из черного дерева, которые украсят интерьер вашей квартиры и будут напоминать о далеких островах. Я выбрала себе очень изящную кошку и символ Мальдивов — черепаху.

10-часовой перелет перенес нас назад в холодную предрождественскую Европу. Солнце островов придало коже красивый золотистый оттенок, а отдых в покое и уединении — силы и энергию для повседневной жизни, где об островах будут напоминать только яркие красочные фотографии да кошка с грациозно изогнутой спинкой на моем рабочем столе.

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ РЫЖИЙ

Ребенок родился внезапно. Никто не понимал — как, откуда? Вера не была беременна! Даже чуть-чуть. Она носила плоский живот, упакованный в джинсы. Правда... с некоторых пор — все рубашки поверх, и свитера бесформенные. Но вечная худоба... И неозабоченность лица. И особенно глаза — ровным счетом ничего не выражающие. Ничего специфического, особенного. Живот, живот...

Откуда взялся-то ребенок? Мальчик оказался рыжим. Как Оська. Но Оська был в Хайфе. Уже больше десяти месяцев. Никто ничего не понимал.

С утра лил синий дождь. И солнце было синим. И домашний халат Миши. Все было синим с утра. Миша пил кофе и готовил передачу для Веры и рыжего — фрукты нужны, думал Миша, и наверное, одеяльце, и что там еще для выписки ребенка требуется? Кроватка, памперсы, мелочи каждодневные, всякие там клизмы-вазелины. Заботы эти были Мише не в тягость, но и радости не приносили. Было безмерное удивление — зачем Вере понадобилось? А — Оське?

— Странно, — сказала Вера, — я ведь знаю, откуда берутся дети. Но это вообще. А конкретно? Этот рыжий откуда?

Миша наблюдал уже вторую неделю за неподдельным недоумением Веры. Кормила ли она рыжего, молча ли смотрела на скуластенькую мордочку — недоумение не покидало ее, и она хмурилась. Покусывая губу, листала альбом с их студенческими фотографиями, где Оськи было много.

— Он уехал больше десяти месяцев назад, — сказала Вера то, что Мишка сам давно сосчитал. — Я ведь не слон, а?

— Не слон, — подтвердил Миша.

— Тогда как же? — уныло говорила Вера.

Не в первый раз говорила. — Как же тогда? Записали рыжего Федором Михайловичем. Позже, через три месяца, и сами распались. А когда Федор уже бегал, раздался звонок от Оськи. Он сообщал радостно, что командировка, что будет недалеко и заедет, обязательно ждите, черти, и, может быть, на свадьбе погулять доведется?

— На чьей? — спросил Миша.

— На чьей-нибудь, — в обычной манере фыркнул Оська, — на моей, к примеру. Или на твоей. Но уж на Вериней — это точно!

— Значит, не знает, — сказал Вере Миша. — Не сообщил никто.

Встретились через два дня. Федор выкатился из комнаты им под ноги, когда Оська плащ снимал. Мишка едва успел рыжего подхватить. Оська усталился на рыжего.

— Это кто такой?

— Какой? — Вера сказала зловещным баском.

— Рыжий! Это кто же такой рыжий?

— Федор Михайлович, — ответил Миша. — Это Федор Михайлович.

— Странно. Поздравляю, — сказал с одинаковой интонацией Оська. — Разберемся, быть не может. У вас.

— Почему? — удивилась Вера. — Почему не может — у нас?

— Потому что рыжий.

— Мало рыжих? — сказал Миша.

— Я рыжий.

— Ты рыжий, — сказал Миша. — Ты тут ни при чем.

— А ты? — Оська насмешливо смотрел на Мишу. — При чем?

— Я муж.

— Ну да, — поперхнулся Оська. — Давно?

— А рыжий родился спустя десять месяцев и неделю после твоего отъезда. Так что ты в пролете. А я нет.

— А ты нет, — Оська вертел пуговицу пиджака. — А он рыжий. А я в Хайфе. А ты муж. Вера! Скажи же, Вера!

— Выпьем, — сказала Вера, — выпьем за рыжего, пусть будет.

Выпили. Рыжий заорал, его утешили. Накормили. Уложили спать.

...Тихо-тихо шелестели вишни, с них слетали голубые лепестки цвета и запутывались в пружинистой Оськиной шевелюре. Вера запускала пальцы в Оськину шерсть, носом об нос терлась, глаза ее были прикрыты, Оська целовал эти глаза и говорил: "Эскимосочка моя", — и думал, что хорошо бы жениться на Вере и видеть, как она глаза прикрывает каждый раз, каждый, а не единожды. Но тут же и понимал, что не время жениться, время уезжать, и тормознуть отъезд он уже не может. Но потом, позже, он вызовет Веру к себе и никуда не отпустит, и будет она прикрывать глаза всегда, когда ему захочется.

Когда Вера с Мишкой провожали его, он обещал прислать вызов обоим.

— Да, обоим, — повторила за ним Вера. И еще раз ровным голосом: — Обещал.

Вызова Оська не прислал.

— Я решил сам приехать, — агрессивно сказал Оська. — Я решил и приехал. А вы — не дождалась!

Он запрокинул голову и улетел далеко, где не было ни Веры, ни Мишки, ни спящего за стеной Федора Михайловича. В нем набухало сосущее тревожное чувство ви-

ны, сознание сопротивлялось этому чувству. Оська головой потряс, сморщился, страшно неприятное и непонимающее улыбнулся — обоим.

— Не прошло и два года... Приехал, думал, увижусь.

Вера! — думал, — глаза прикроешь. Увезу, наконец-то. Еще думал — с тобой выпью, Миша. Свидетелем будешь. Я женюсь на Вере, и все как прежде. Все как прежде.

Только ты останешься в Киеве, а мы с Верой в Хайфу отправимся. Мишка, мы с Верой в Хайфу отправимся, и рыжий с нами.

Синевой наливались хорошо выбритые щеки Мишки, синева залегла вокруг Вериних глаз, синие сумерки вкрадывались и зависали по углам. И теребля тяжелую портюру худенькая рука Веры.

Мишка молчал, смотрел внимательно. Спросил:

— Не допускал мысли, что иначе получится? А то, что получилось, вызвало недоумение? Раздражило... Хочешь просто сделать, как было задумано, — выпьем, увезешь. Но теперь что? Как? Спроси, откуда этот Федор Михайлович.

Вера с Мишей смотрели на Оську с каким выражением. Потом Вера показала им десять пальцев. Озвучила жест. Сказала:

— Да. Мальчики, был вишневый сад! И бывают всякие медицинские фокусы. Ну, две, три от силы недели скрытых тайственных чудесных превращений. Но не месяц и неделя! А живот, которого не было? И Мишки не было. В саду. Но теперь он есть, Ося! А что Федор Михайлович рыжий — так мало ли их, рыжих.

— Рыжий — я, — упрямо сказала Оська. — Рыжих мало. Нас может быть двое, и вы тут оба, кажется, ни при чем. Если правильно считать.

— А не надо было уезжать, — глухо сказала Вера. — То есть, приезжать.

...Все было так, как было: посидели, допили... дальше оставалось жить.

Светлана ХМЕЛЬКОВСКАЯ

ОСТРОВА МЕЧТЫ

ПУТЕШЕСТВИЕ

Мальдивские острова... Что вы представляете себе, когда произносите это словосочетание? Шатры пальм, нежность песка, сладкую негу ничегонеделания? Да, все это здесь будет. И еще так много всего!

Реклама шоколада "Баунти". Помните? Синь моря и неба, золото песка и разбивающийся кокос. Райское наслаждение. Реклама жизни. Берем? Дома перед телевизором казалось, что все это откуда-то из другой жизни. Экзотика. Находящаяся.

Оказывается, действительно бывает таким искренне синим небо над нашей планетой. Бывает там, далеко, возле индийского континента, прямо у экватора. Краски островов поразят вас, их сочетания еще долго будут помниться и сниться.

Здесь по-другому ощущается время. Вернее, вы начинаете чувствовать, как оно течет сквозь вас. Дома мы бросаем нервные взгляды на циферблат, по которому бешено вращается стрелка, отсчитывая секунду дня. Оказывается, бывает по-другому. Побалуйте себя... покоем. Здесь все необычно. Согласитесь, что не так часто бывает, что 99

процентов территории государства состоит из воды. Здесь царит вечное лето, годовая температура — от 25°C до 32°C, вода — 27-30°C. Настоящее спасение от жарких дневных часов — ветры, дующие с моря, приносящие желаемую прохладу и обеспечивающие быстроту загара.

Всего насчитывается 1190 островов, из них 200 обитаемых и 992

необитаемых. Часть обитаемых островов обустроена для принятия туристов. Пляжу каждого острова принадлежит лагуна с кристально чистой водой, окаймляют острова коралловые рифы. Самый большой остров пять километров в длину и три в ширину, многие гораздо меньше, и их за несколько минут можно обойти пешком.

Каждый остров имеет особый характер, визитную карточку и специфическую публику. Здесь вы найдете отдых на любой вкус: полное уединение или активную анимацию. "Звездность" островов определяется четкими критериями: прежде всего, это вид и оборудование вашей комнаты или виллы и возможности, предлагаемые на острове: атмосфера, сервис, еда, спорт и другие развлечения.

Некоторые острова предлагают отдых в индивидуальных бунгало, расположенных прямо на воде. Они великолепны, и это уже отдых высокой категории. Я была в таком "домике на воде" только на экскурсию. Водные бунгало имеют свои террасы, где вы можете наслаждаться солнцем, а ступеньки спускаются прямо в воду. Наверное, потрясаю-

ще засыпать под шепот волн за окошком...

Вы можете снять для себя и своей компании небольшое "судно-сафари", которое отправится в недельный круиз вдоль многих островов и будет останавливаться по вашему желанию. Но я бы порекомендовала выбрать красивый остров с достойным отелем и отправиться по желанию (а оно обязательно возникнет) на другие острова.

Хочется отметить, что несмотря на предлагаемые развлечения, это все-таки не цивилизация, это острова уединения, покоя и релаксации, романтики, тишины и первозданности. Поэтому задумайтесь о выборе спутников для такого вида отдыха. Может быть, они будут вам вообще не нужны, а может быть, вы именно здесь почувствуете и поймете человека, который рядом, совсем по-новому. Здесь будет достаточно времени, чтобы оценить и переосмыслить, чего, согласитесь, нам не всегда хватает в суете повседневной жизни.

Конечно, острова просто рай и находка для влюбленных, молодоженов и людей, которые еще не перестали любить и удивлять друг друга. Тогда замечательный остров — уединение в океане именно для вас.

На острове Баньян-Три можно даже сыграть свадьбу под водой. Вам все это устроят, известите только администрацию отеля о своих намерениях заранее. И ваше "Да!", сказанное под водой, прозвучит особенно громко и четко. Кстати, вы можете сказать его друг другу и на берегу под пальмами, да и целоваться будет удобнее. Вам организуют и брачную церемонию в национальных костюмах с музыкой, танцами, едой и всем остальным. Остров располагает красивой выходящей в море террасой, на которой вам, по желанию, накроют ужин на двоих со всеми атрибутами романтики в виде свечей и цветов. В романтику особенно хорошо вписываются королевские креветки в паре с лобстером, эти "приятные детали" вы обсу-

дите заранее с шеф-поваром. И любой каприз будет исполнен.

В нашем распоряжении были две недели, чтобы успеть насладиться Мальдивами. Первую мы провели на острове Туру. Он небольшой, всего 40 вилл, так что, не считая персонала, на острове находится максимум 80 человек. Есть острова еще меньше и изысканнее, и даже те, на которых располагается только одна, ваша, вилла. Цены соответствующие.

В то же время, когда я находилась на Мальдивах, туда в свадебное путешествие отправился Том Круз. Конечно, мы с ним не встречались, думаю, что он как раз и был на одном из тех островов, который принадлежал только ему. Общим у нас с Томом Крузом, наверное, было нахождение, которое создают острова, и желание вернуться туда еще.

Большинство вилл острова имеют свой пляж, террасу с потрясающим видом, некоторые располагают джакузи в небольшом саду. Мне очень понравилась открытая ванная комната. Принимать душ под звездным небом, слушать пение птиц, любоваться кронами деревьев и чувствовать единение с природой.

Все виллы построены из экологически чистых материалов, острова подвергаются строгому контролю на "натуральность" и качество. Под ногами у вас всегда будет чистый песок или деревянный пол, здесь все ходят босиком. Моя попытка прийти вечером в ресторан на каблуках увязла в песке первозданности, и я отложила атрибуты цивилизации в сторону.

Вторую неделю мы провели на соседнем острове Баньян-Три, он не намного больше по размерам и относится к самым красивым и комфортабельным островам. Каждая вилла имеет свой небольшой пирс, который начинается с террасы со столиком и заканчивается тем, что я назвала тропом для двоих. Спустившись с трона, вы попадаете на личный отрезок пляжа. В тени деревьев висит гамак, в котором так хорошо мечтается в часы послеполуденного зноя!

Остров — настоящий рай для ныряльщиков. Здесь есть специальная школа, где вас обучат необходимым знаниям. Но даже взяв обычную маску с трубкой, на небольшой глубине у берега вы окунетесь в мир разноцветных рыб и причудливо изогнутых кораллов. Вы можете фотографировать, кормить рыб, трогать их руками, они вас

Феликс КОХРИХТ

«МЕЩАНИН ВО ДВОРЯНСТВЕ»: ОДЕССКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В 1670 году увидела свет рампы одна из самых известных пьес Жана-Батиста Мольера. К тому времени он, потомок состоятельного рода парижских обойщиков, вполне состоялся — как актер, режиссер, драматург, руководитель процветающей труппы. Он был принят при дворе, его собеседниками и партнерами были знатные вельможи и лучшие умы Франции.

Мольер (урожденный Поклен) относился к так называемому третьему сословию, игравшему во Франции важную роль, давшему стране и миру выдающихся государственных деятелей, банкиров, промышленников, ученых.

Знаменательно, что в Российской империи в 17 веке и сословия такого не было. Лишь в 1775 году, спустя столетие (!), в нашем отечестве в него записали ремесленников, мелких торговцев и домовладельцев. Они, независимо от капитала, гражданских прав не имели и в случае провинности рисковали быть выпоротыми. И продолжалось это до 1863 года...

Разумеется, и само определение мещанства, и отношение к нему общества, и осознание себя членами этого податного сословия в России и во Франции были и остаются различными, впрочем, равно как и ин-

теллигенции. Об этом написаны целые библиотеки, к которым мы вас и отсылаем.

А сейчас — к спектаклю по пьесе "Мещанин во дворянстве", недавно поставленному в Одесском академическом украинском музыкально-драматическом театре имени В. Василько. Режиссер-постановщик киевлянин Евгений Курман дал этой работе иное имя: "Королевский эксперимент". Но это далеко не единственная новация, свидетелями и участниками которых стала не только одесская труппа, но и зрители. Особенно те, для кого эта встреча с драматургией Мольера — далеко не первая, и кто помнит, что среди действующих лиц этой комедии нет короля Франции Людовика XIV.

Вернувшись с премьеры, я перелистал трехтомный пьес великого драматурга и нашел в нем одноактную комедию, написанную тремя годами ранее, чем "Мещанин...", и содержащую, на мой взгляд, ключ к решению сверхзадачи, поставленной Курманом перед собой и творческой группой, работавшей над спектаклем. Комедия эта называется "Версальский эксперимент", и сегодня ее бы поставили на малой сцене в жанре "Театр в театре", что, кстати можно осуществить в Одессе.

Она вот о чем. За несколько часов

до премьеры в Версальском дворце Мольер (он — под своим именем) и его актеры понимают, что новый спектакль еще совсем сырой. Они нервничают, особенно режиссер: ожидается присутствие в зале монарха. Но когда один из персонажей советует Мольеру извиниться перед венценосным зрителем и попросить у него время для завершения работы, тот горько восклицает: "Короли требуют беспрекословного повиновения и знать не хотят никаких препятствий..."

Такой, не знающий препятствий, милостивый и всемогущий король вполне способен преодолеть просторство и время и, повинувшись фантазии Евгения Курмана, оказаться в ложе над сценой, где начался спектакль по новой пьесе его любимого Мольера — "Мещанин во дворянстве". Тем более что главную роль в ложе над сценой, где начался спектакль сам драматург, который уже заметил Людовика и немало этим обескуражен, как и все персонажи, украдкой бросающие взгляды на королевскую ложу...

Теперь понятно, откуда "Королевский эксперимент". Все могут короли! Но и режиссеры на многое способны!

Постановщик привнес в пьесу несколько диверсифицированных, в ходе которых актеры вольны импровизиро-

вать. Курман рассказал мне, что и он, и исполнители ролей знают лишь то, чем начинается и чем должен закончиться каждый такой вставной эпизод, а вот его наполнение зависит и от вдохновения, и от настроения, и от взаимодействия партнеров.

Итак, Король поудобнее откинулся на спинку кресла, пригубил бокал вина и милостиво кивнул. Комедия началась. Следует ли напоминать вам ее сюжет? Он — вечен. И во Франции 16-го века, и в Украине 21-го не переводятся нувориши, стремящиеся в три приема перепрыгнуть пропасть, отделяющую их от того мира, где обитают представители "высшего света". Во времена Мольера — дворянская знать, в наши годы и в нашем отечестве — завсегдатаи различных тусовок...

Забавно следить за ухищрениями Журдена, берущего уроки у шарлатанов-учителей, уморительны вельможи-прошляги, обирающие простака-мещанина. За всем эти Король наблюдает снисходительно и лениво. Он оживает лишь в двух случаях: когда сумасброд Журден препятствует любви дочери Люси и Клеонта — порядочного молодого буржуа, и когда на сцене появляется оборотливый служака Николь. Тут Людовик XIV не выдерживает, по-

кидает ложу и появляется на сцене, внося коррективы в происходящее. Благодаря тцаниям этого предствительного, полного величия, но и благодушия Незнакомца, скрывающегося под карнавальной маской, все устраивается как нельзя лучше.

Журден становится турецким саванником — Мамамуши. Практически все основные персонажи обретают личное счастье. Венчаются добродетельные Люси и Клеон, проданные Граф и Маркиза. Если у Мольера красота Николь достается Толмачу (преводчику с "турецкого"), то у Курмана — Королю. И это — ко всеобщему удовольствию. И режиссера, и зрителей, и исполнителей этих ролей — Якова Кучревского и Ольги Петровской, которые, как известно, и в жизни — муж и жена.

В финале все пляшут — не зря же Мольер включил в пьесу балетные номера (хореограф Павел Ивлюшкин), а Евгений Курман вставил в нее вышеупомянутые диверсифицированные. В оркестровой яме в пудреном парике сам маэстро Люли (дирижер Игорь Чернецкий), над подиумом поднимается венценосная голова (художник-постановщик Андрей Романченко) — не зря же Людовика XIV подданные нарекли "Король-Солнце". И все это — под музыку Игоря Щербаква.

В новой работе нашего театра — немало ярких актерских работ, он интересен еще и тем, что каждый вечер на каждом спектакле изюминкой Действа может стать спонтанная импровизация Актера, которому хитроумный Режиссер доверил разделить с ним и успех и неудачу.

Королевский-Версальский эксперимент... Одесский эксперимент...

совсем не бояться. Каждый день в 5 часов на острове происходило кормление огромных скотов, которые, очевидно, знали, что им нужно быть в это время в этом месте. Зрелище потрясающее. Были на острове и огромные клетки с акулами под водой, я не решалась слишком уж близко нырять возле них.

Конечно, большинство развлечений островов связано с водой. Кроме погружений с аквалангом вам предложат серфинг, морские прогулки на каноэ и катамаране, водные лыжи и скутер. Любители рыбалки тоже будут впечатлены. Вы можете выйти в море ранним утром или ближе к вечеру на их традиционной лодке "джони". Пойманную рыбу возьмите с собой в ресторан отеля, и вам ее замечательно приготовят.

Еда на островах порадует своим вкусом, разнообразием и полезностью. Основу мальдивской кухни составляют свежая рыба и морепродукты. Ваше право — выбирать полный и неполный пансион. Завтраки и обеды — шведский стол, ужин — по меню, при мерцании свечей и босиком, очень экзотично. Раз в неделю — тематические вечера азиатской кухни в сопровождении музыки.

Экзотические фрукты нарежут и сервируют при вас, вам стоит показать, какие. Имеется также бар с вкуснейшими соками-фреш, разнообразными коктейлями и алкогольными напитками хорошего европейского качества. В обед вам предложат блюда, приготовленные на мангале: всевозможная рыба, курица, морепродукты. Отдельно можно заказать лобстера. Свинины, конечно, в мусульманской стране вам не подадут, но вы найдете ей достойную замену. В качестве гарнира сервируется сваренный в кокосовом молоке рис. Их фирменным блюдом считается также сладкий картофель и приготовленные на гриле овощи. Мальдивское карри гораздо мягче индийского, не бойтесь его попробовать. Поразили меня и десерты, к которым я неравнодушна во всех странах мира: кокосовый торт, суфле из лиги, банановый крем. А сорта мороженого! Кокосовое, манговое, фисташковое, ореховое, медовое с шафраном.

Выбор алкогольных напитков богат, но цены довольно высокие. Привозить алкоголь с собой бесполезно: очень строгий контроль на таможне — ввоз спиртных напитков в мусульманскую страну запрещен. Выводы делайте сами.

И еще: и завтраком, и обедом, и ужином при закате солнца вы можете насладиться на троне своей виллы или на пирсе в море (попробуйте! и сделайте прекрасные снимки). Закаты на Мальдивах... Это незабываемое и, наверное, одно из самых сильных впечатлений от пребывания там. Окунитесь в море, в лучи закатного солнца. Фотографии при освещении в это время суток порадуют вас и ваших друзей, которым вы обязательно захотите рассказать об этом благодатном крае.

Есть на острове еще одно искушение — спа-центр. Он полностью выдерживает сравнение с Таиландом и Бали, но, конечно, не превосходит их. Вам предложат массажи ведущих мировых школ: тайский, балинезийский, индонезийский и шведский. Возьмите полную программу по уходу за телом, и мальдивские девушки окружат вас заботой и вниманием, на пару часов вы забудете о существовании мира за пределами спа. Жизнь как спа. Позвольте себе почувствовать это. Теплая ванночка для ног с цветами, скраб для тела на натуральной основе. Массаж желаемой интенсивности всего тела с местными маслами. Процедур для лица: массаж по меду, маска из папайи и огурцов. Ванна для всего тела с лепестками цветов. Маникюр. Педикюр. Релакс. Все это под звуки ненавязчивой расслабляющей музыки и с применением ароматерапии: палочки с бергамотом, лавандой, сандалом. Священнодействие, разворачивающееся вокруг вас. Вы захотите это повторить, вы захотите сюда вернуться.

Все это, конечно, приятно, но где-то ко второй неделе пребывания хочется какой-то культурной программы, информации о стране, ее истории и людях. И мы отправились в Мале — столицу Мальдивов.

Здесь здорово побродить по припорошенным песком улочкам, когда спадает жара, и полюбоваться белыми фасадами домов за забором, во внутреннем дворике. В тени деревьев качаются дети в традиционных гамаках. В этом дворе проходит большая часть их жизни, здесь собирается вся семья, в тени отдыхают от зноя, здесь и работают. Каждая пальма, каждый клочок земли принадлежит государству, частной собственности не существует. Большинство семей зарабатывает на жизнь

продажей кокосовых орехов, государство распределяет между семьями кокосовые деревья. Образование за границей и вытекающие отсюда возможности могут обеспечить своим детям далеко не все родители. Получается, что большинство жителей оказывается, в конце концов, задействованы в туризме.

Мы были поражены контрасту между комфортом и роскошью островов для туристов и условиями жизни местных жителей, ведь Мальдивы входят в число 25 самых бедных стран мира. А 26 декабря 2004 года острова сильно пострадала во время цунами. 12000 мальдивцев остались без крова, многим из них до сих пор негде жить, а государство не спешит решить эту про-

блему. Зато туристический бизнес налаживался очень быстро.

Страной правит избранный на пятый срок президент. Официальной религией государства является ислам, до его принятия на территории Мальдивов был распространен буддизм, а возникновение мусульманской религии связано с легендой: прекрасная молодая девушка, жительница островов, должна была быть принесена в жертву морскому дьяволу, но ее спас странствующий марокканец, проповедующий ислам и толкующий Коран. Тогдашний король был так впечатлен поступком и проповедями этого человека, что объявил ислам официальной религией и стал Султаном Мухаммедом ибн Абдулла. После него в течение 800 лет страной правили многочисленные султаны — до 1953 года, когда была организована Первая Мальдивская республика.

Подробнее об истории островов можно узнать в национальном музее в Мале, он находится на территории Парка султана. Напротив возвышается современное здание мечети, а неподалеку находится древняя мечеть с не менее древним кладбищем. Что еще можно увидеть в столице? Знаменитый рыбный базар, вы найдете его по запаху. К 4 часам дня лодки причаливают к берегу, и рыбаки несут сюда свой улов. Очень колоритный фруктовый и овощной базарчики. Торговцы пытаются перекричать друг друга, наваливая свой товар: кокосовые орехи, ананасы, крошечные и побольше бананы и многое другое. Здесь приятно торговаться, многие говорят по-английски, или для вас сразу находится переводчик из толпы собравшихся зевак, который потом будет пытаться затащить вас в свою сувенирную лавку — их здесь великое множество. Большинство товаров — примитивный китч, но встречаются интересные фигурки из черного дерева, которые украсят интерьер вашей квартиры и будут напоминать о далеких островах. Я выбрала себе очень изящную кошку и символ Мальдивов — черепаху.

10-часовой перелет перенес нас назад в холодную предрождественскую Европу. Солнце островов придало коже красивый золотистый оттенок, а отдых в покое и уединении — силы и энергию для повседневной жизни, где об островах будут напоминать только яркие красочные фотографии да кошка с грациозно изогнутой спинкой на моем рабочем столе.

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ РЫЖИЙ

Ребенок родился внезапно. Никто не понимал — как, откуда? Вера не была беременна! Даже чуть-чуть. Она носила плоский живот, упакованный в джинсы. Правда... с некоторых пор — все рубашки поверх, и свитера бесформенные. Но вечная худоба... И неозабоченность лица. И особенно глаза — ровным счетом ничего не выражающие. Ничего специфического, особенного. Живот, живот...

Откуда взялся-то ребенок?

Мальчик оказался рыжим. Как Оська. Но Оська был в Хайфе. Уже больше десяти месяцев. Никто ничего не понимал.

С утра лил синий дождь. И солнце было синим. И домашний халат Миши. Все было синим с утра. Миша пил кофе и готовил передачу для Веры и рыжего — фрукты нужны, думал Миша, и наверное, одеяльце, и что там еще для выписки ребенка требуется? Кроватка, памперсы, мелочи каждодневные, всякие там клизмы-вазелины. Заботы эти были Мише не в тягость, но и радости не приносили. Было безмерное удивление — зачем Вере понадобилось? А — Оське?

— Странно, — сказала Вера, — я ведь знаю, откуда берутся дети. Но это вообще. А конкретно? Этот рыжий откуда?

Миша наблюдал уже вторую неделю за неподдельным недоумением Веры. Кормила ли она рыжего, молча ли смотрела на скуластенькую мордочку — недоумение не покидало ее, и она хмурилась. Покусывая губу, листала альбом с их студенческими фотографиями, где Оськи было много.

— Он уехал больше десяти месяцев назад, — сказала Вера то, что Мишка сам давно сосчитал. — Я ведь не слон, а?

— Не слон, — подтвердил Миша.

— Тогда как же? — уныло говорила Вера.

Не в первый раз говорила. — Как же тогда? Записали рыжего Федором Михайловичем. Позже, через три месяца, и сами распались. А когда Федор уже бегал, раздался звонок от Оськи. Он сообщал радостно, что командировка, что будет недалеко и заедет, обязательно ждите, черти, и, может быть, на свадьбе погулять доведется?

— На чьей? — спросил Миша.

— На чьей-нибудь, — в обычной манере фыркнул Оська, — на моей, к примеру. Или на твоей. Но уж на Вериней — это точно!

— Значит, не знает, — сказал Вере Миша. — Не сообщил никто.

Встретились через два дня. Федор выкатился из комнаты им под ноги, когда Оська плащ снимал. Мишка едва успел рыжего подхватить. Оська усталился на рыжего.

— Это кто такой?

— Какой? — Вера сказала зловещным баском.

— Рыжий! Это кто же такой рыжий?

— Федор Михайлович, — ответил Миша. — Это Федор Михайлович.

— Странно. Поздравляю, — сказал с одинаковой интонацией Оська. — Разберемся, быть не может. У вас.

— Почему? — удивилась Вера. — Почему не может — у нас?

— Потому что рыжий.

— Мало рыжих? — сказал Миша.

— Я рыжий.

— Ты рыжий, — сказал Миша. — Ты тут ни при чем.

— А ты? — Оська насмешливо смотрел на Мишу. — При чем?

— Я муж.

— Ну да, — поперхнулся Оська. — Давно?

— А рыжий родился спустя десять месяцев и неделю после твоего отъезда. Так что ты в пролете. А я нет.

— А ты нет, — Оська вертел пуговицу пиджака. — А он рыжий. А я в Хайфе. А ты муж. Вера! Скажи же, Вера!

— Выпьем, — сказала Вера, — выпьем за рыжего, пусть будет.

Выпили. Рыжий заорал, его утешили. Накормили. Уложили спать.

...Тихо-тихо шелестели вишни, с них слетали голубые лепестки цвета и запутывались в пружинистой Оськиной шевелюре. Вера запускала пальцы в Оськину шерсть, носом об нос терлась, глаза ее были прикрыты, Оська целовал эти глаза и говорил: "Эскимосочка моя", — и думал, что хорошо бы жениться на Вере и видеть, как она глаза прикрывает каждый раз, каждый, а не единожды. Но тут же и понимал, что не время жениться, время уезжать, и тормознуть отъезд он уже не может. Но потом, позже, он вызовет Веру к себе и никуда не отпустит, и будет она прикрывать глаза всегда, когда ему захочется.

Когда Вера с Мишкой провожали его, он обещал прислать вызов обоим.

— Да, обоим, — повторила за ним Вера. И еще раз ровным голосом: — Обещал.

Вызова Оська не прислал.

— Я решил сам приехать, — агрессивно сказал Оська. — Я решил и приехал. А вы — не дождалась!

Он запрокинул голову и улетел далеко, где не было ни Веры, ни Мишки, ни спящего за стеной Федора Михайловича. В нем набухало сосущее тревожное чувство ви-

ны, сознание сопротивлялось этому чувству. Оська головой потряс, сморщился, страшно неприятное и непонимающее улыбнулся — обоим.

— Не прошло и два года... Приехал, думал, увижусь.

Вера! — думал, — глаза прикроешь. Увезу, наконец-то. Еще думал — с тобой выпью, Миша. Свидетелем будешь. Я женюсь на Вере, и все как прежде. Все как прежде.

Только ты останешься в Киеве, а мы с Верой в Хайфу отправимся. Мишка, мы с Верой в Хайфу отправимся, и рыжий с нами.

Синевой наливались хорошо выбритые щеки Мишки, синева залегла вокруг Вериних глаз, синие сумерки вкрадывались и зависали по углам. И теребля тяжелую портюру худенькая рука Веры.

Мишка молчал, смотрел внимательно. Спросил:

— Не допускал мысли, что иначе получится? А то, что получилось, вызвало недоумение? Раздражило... Хочешь просто сделать, как было задумано, — выпьем, увезешь. Но теперь что? Как? Спроси, откуда этот Федор Михайлович.

Вера с Мишей смотрели на Оську с каким выражением. Потом Вера показала им десять пальцев. Озвучила жест. Сказала:

— Да. Мальчики, был вишневый сад! И бывают всякие медицинские фокусы. Ну, две, три от силы недели скрытых таинственных чудесных превращений. Но не месяц и неделя! А живот, которого не было? И Мишки не было. В саду. Но теперь он есть, Ося! А что Федор Михайлович рыжий — так мало ли их, рыжих.

— Рыжий — я, — упрямо сказала Оська. — Рыжих мало. Нас может быть двое, и вы тут оба, кажется, ни при чем. Если правильно считать.

— А не надо было уезжать, — глухо сказала Вера. — То есть, приезжать.

...Все было так, как было: посидели, допили... дальше оставалось жить.

Сергей МЕЛЬНИК

А СВЕЧКА ВСЕ ЕЩЕ ГОРЕЛА...

Обыкновенные будни. Красного числа в календаре нет, а вечер выдался на редкость радостным. На душе светло, на лице — улыбка. Таким я прогуливался в тот вечер по густому парку, который полностью погрузился в тепло-сладкий аромат белой акации и сирени. Романтика и вечер. Чувственность и желание. Вот что занимало мои мысли и заставляло меня петлять в парке по узким и кривым аллеям, как по лабиринтам кносского дворца. То, чего мне не хватало для полного счастья, искали мои глаза, которые прыгали и бегали повсюду, лишь на мгновение останавливаясь на длинных ногах какой-нибудь художавой нимфы, от вида фигуры которой я моментально вспыхивал и так же моментально потухал, как только всматривался в черты ее лица. Я не знаю, как долго длился бы мой долгий и безрезультатный поиск в тот вечер мимолетных соблазнов и легких обманов, пока я не решил передохнуть на скамейке...

Я присел. Но мои глаза все по-прежнему бегали из края в край длинной и широкой, как река, аллеи. Еще чуть-чуть, и от их бега у меня закружится голова, и я перестану понимать, кто я и где я нахожусь. Но вот из дальнего угла парка показалась красота, высокая и стройная, ровно и плавно направляющаяся в мою сторону. Она приблизилась. Последнее напряжение глаз. Она еще ближе. Глазам уже не нужно большого усилия, чтобы видеть отчетливо и хорошо. Ноги. Изящные. А выше еще пленительнее... До умопомрачения волнующе. Талия. Обтянута черной мини-юбкой. Плоский животик. Оголен. Из него выглядывает маленький пупочек. Над ним изящный узел, в который перевязаны два края белой блузки, скрывающей аппетитные персики, в меру большие и безмерно вожделенные. Шея. Длинная. На ней позолоченный кулончик, который, будто дождевая капелька, скатывается в персиковую ложбинку... Лицо овальное. Красивое. Бутон ярко-сиреневых губ. Предвкушает сладость питья долгого поцелуя. Чуть вздернутый вверх носик. Подзадоривает все больше и больше нарастающее во мне желание. Глаза. Пока что еще непонятного для меня цвета. Но томление в них настолько велико, что гляди и — утонешь. И вот я уже потонул. Потому что ее глаза устремились к моим. Они неуклонны. Пронзительны до откровенности...

Она села рядом со мной. Придерживая левой рукой темную сумочку, правой поправила продолговатую черную заколку, придерживающую завис каштановых волос сзади. Скрестила ноги, гладкие и белые, как кипяченое молоко. Своими глазами, серыми и большими, окинула меня сверху донизу. И снова пронзительно заглянула в глаза.

Чувственность и желание. Предвкушение и сладость. Нетерпение, в конце концов, подталкивали меня изнутри к разговору, который должен будет начаться сейчас с какой-нибудь банальной фразы, чтобы потом можно было ощутить полное счастье хотя бы на миг. Но ее пронизывающий взгляд с чуть заметной усмешкой на пухлых губах будто обездвижил мой язык, приведя меня в полное замешательство. Единственное, что мне удалось, это кашлянуть и сделать долгий вздох потом.

Тут ее красивый ротик растянулся, и из него показались сероватые зубки. Томительный взгляд в одно мгновение сделался циничным и даже вызывающим. Здесь я лишь начал гадовать, но она опередила меня в том, чтобы я сделал свое умозаключение, что...

— Ну что, красавчик, позабавимся?

Она сказала, будто отрезала.

Для такой куколки, как она, ее голос прозвучал несоотносимо грубо. Но я все еще находился в состоянии сладостного предвкушения, которое лишь потом улетило окончательно, когда она добавила так же грубовато:

— Делаю сос за десять уе.

Сладость и предвкушение. Желание и чувственность. Романтика и вечер. Все вдруг резко обломилось. Пропало. Остался лишь приторный запах сирени и акации, который, как и прежде, вскруживал голову.

Стоило ли мне ей объяснять, что любовь за деньги для меня все равно, что окур, поднят с земли? Что я пусть и не великий романтик, но все же хочу хотя бы на маленькую толику взаимного и искреннего чувства, если не любви, так влюбленности, мимолетной и бесшабашной, хочу ласки, настоящей и естественной, потому теплой и нежной, как ласка матери или бабушки в детстве? Что любая потаскушка для меня заслуживает большего уважения, хотя бы потому, что она отдает себя лишь по велению своего похотливого желания, и твоё желание с ее — совпадает?... Стоило ли мне объяснять то, что еще я привык думать о себе настолько хорошо, что мысль об оплате за удовольствие, которое и я доставляю, вызывала во мне лишь злость и досаду, прикрываемые чувством оскорбленного достоинства, чтобы уж совсем не ощущать себя полным идиотом. Конечно же, нет, потому что циничный взгляд ее бездонных и ничего теперь не выражающих глаз выказывал безразличие и брезгливость к каким-либо моим объяснениям и признаниям, которые и мне были противны, как и мною испытываемые чувства к ней сейчас.

Я уже собрался вставать.

— Ну, ты чего? Я умею не только сос...

Приподнявшись, я хотел уже было ответить ей с остротой, что в услугах пылесоса и урны не нуждаюсь, да и вообще, меня воротит от помойки, так что беспочвенно излишне. Но не успел открыть рот, как она бросила:

— Дурак... Я думала, что ты мужик. А ты просто...

Что она говорила дальше, я не разобрал. Так резко изменившаяся интонация в ее голосе, который, оставаясь грубоватым, почему-то стал детским со звучанием обиды, заставила меня обернуться. Все тот же наглый взгляд. Почти ничего для меня не значащий. Пустой. Безразличие есть, но уже не чванливое. Безразличие к тому, что о ней думаю сейчас я, что думаю проходящие мимо нас люди. Я должен был бы рассердиться, за то что она назвала меня дураком и невесте еще кем, за то, что, как и любая привокзальная проститутка, вызвала у меня неуважение к ней. Я должен был бы прийти в ярость из-за того, что она тут тычет и пристает мне. Но я не рассердился. И в бешенство не пришел. Не на что было и не на кого сердиться. Одна лишь интонация изменила восприятие. Точнее, даже не восприятие. Эта интонация навевала воспоминание, далекое и горькое, от которого пошло щемящее тепло...

— Если баксов нет, то и деревяшки пойдут.

Я был в полном замешательстве.

— Могу уступить, — тут в ее бездонные глаза вернулись прежние томность и усмешка, легкая и обаятельная, совсем как у Джоконды.

— Таких миленьких, как ты, нечасто встретишь. Иногда и самой хочется удовольствия...

Голос. Голос грубоват. И в то же время детский, дерзкий и вкрадчивый. Интонация знакомая, но до сей поры позабытая и вот только сейчас ожившая вновь в памяти.

— Я и без денег бы смогла, да только не сегодня...

А глаза горят. Носик подзадоривает. И все тот же бутон ярко-сиреневых губ соблазнителен, как и соблазнительны персики, животик, пупок и ноги. Приторно сладкий запах сирени и акации пьянит. Вечер. Май. Весна. Романтика. Я вновь устремляю свой взгляд к ее серым глазам:

— Сколько?

— Не меньше пятидесяти, — и снова в уже менее грубом голосе звучит наивность, детская и искренняя.

Овал лица. Ресницы в катушках. Огромные глаза. Томление. Пухлые губки. Соблазн, пусть не мучительный и не душераздирающий, но предвещающий и сладкий...

Черт с этими деньгами! Два аппетитных персика все еще вызывают непомерное вожделение. Желание. Кулончик. Капелька. Вот так и мне скатиться бы в ту дивную долину между ними. Ноги. Губы. Овал лица...

Мы вышли из парка и пошли по бульвару, до необыкновенной таинственности тихому и до необычайной сказочности залитому сиенной темнотой майского вечера. Я был снисходителен к ней до того, что позволил взять себя под руку. В первый раз в жизни я пренебрег принципами и чувствовал себя при этом легко и непринужденно. Я слышал, как внутри меня звучала фортепианная импровизация, восторг и радость от которой не позволили мне все же полностью вырваться за пределы собственной вычурности и воспоминания, навязанного детской интонацией в голосе сегодняшней моей пассии на ночь, одного лишь воспоминания, далекого, как длинный путь, и терпкого, как старое вино...

Как только стон сладострастия исторгся из моей груди, она поднялась с колен и, полностью обнаженная, вышла в ванную, а я все еще продолжал пребывать с полукрытыми глазами в состоянии блаженства и самодовольства, сидя в своем любимом кресле. Я не думал о деньгах, заплаченных за удовольствие, которое только что получил, потому что они его...

а точнее, оно их не стоило. Я ни о чем не думал, а если и думал, то лишь о том, насколько мне сейчас хорошо, совершенно нагому и расслабленному, который для полного счастья, пусть на миг, не получил то, чего хотел в течение не только сегодняшнего вечера, хотел и в течение нескольких лет, хотел очень давно... Мне было настолько хорошо, что я решил оставить сегодняшнюю ворожею, так ловко, легко и непринужденно применившую на мне свою магию любви, у себя дома, не боясь подцепить от нее какую-нибудь гадость или быть обворованным ею. Когда она вернулась, мокрая и соблазнительная, как Венера, но не Праксителя и не Боттичелли, а та взыскательная Венера, которую можно только видеть, но нельзя описать, я протянул к ней руки, и она села мне на колени, нежно обвив рукой мою шею.

— Я хочу, чтобы ты со мной осталась до конца этой ночи.

— С удовольствием, — сказала она и чуть слышно чмокнула меня в ушко.

— А еще я хочу называть тебя по имени, но так, как никто из людей, с которыми ты...

Она тут рассмеялась, а потом вдруг стала грустной, потупив свои большие красивые глазки.

— Назови меня, как хочешь, мне без разницы...

Она замолчала, а затем заглянула мне в глаза, в которых я увидел девочку-подростка, забытую и смирившуюся со страшными обстоятельствами жизни, которая начинает ее бить, я увидел девочку, воспоминания о которой я долго хранил глубоко-глубоко в памяти, потому что с ними не легко бы-

ло жить среди людей и считать себя таким же, как они, человеком.

— У меня уже давно нет имени, — сказала она почти шепотом. — Меня зовут Люся, Маша, Даша — кому как удобно. У меня нет имени, потому что меня уже нет. Но если тебе хочется, зови...

Она снова замолчала и прижалась ко мне настолько крепко, насколько могла.

— Ты и впрямь хороший... Только я этого уже не стою, чтобы ты меня по имени, по моему имени, такому же, как и у тебя, хорошему, звал меня сейчас...

— Перестань, слышишь, — я ее тоже крепко обнял и почувствовал необыкновенную близость, которой вдруг испугался.

— Жень, — еле слышно выдавила она из себя. — Вот как меня звали раньше. А сейчас... А сейчас давай ложиться спать...

Не знаю, отчего именно я проснулся посреди глубокой ночи, но только вот Жень не спала. Она мечтательно смотрела на мамин любимый розовый ночник и молчала. Я обхватил ее за шею.

— Ну, что с тобой? — спросил я ее, а сам в это время попытался собрать ее волосы, необыкновенные, душистые. Они так красиво рассыпались, как огромная охапка цветов в моих нерасторопных руках, что мне хотелось вновь и вновь проделать с ними всю ту же самую игру — собирать и рассыпать — лишь бы снова увидеть забавный их перелив.

Она совсем как ребенок, кротко и застенчиво, все еще продолжая смотреть на ночник, тихо сказала с глубоким вздохом, прошлепавшим как дуновение осеннего ветерка в пустынном парке с опавшей листвой:

— Ты все равно не поймешь...

Я не стал ее спрашивать, что именно не пойму, не потому что мне было безразлично, а потому что посчитал излишним. Я довольствовался тем, что собирал и собирал ее волосы, упрямые и непослушные. Но то, что они не слушались меня, мне все больше и больше в них нравилось, как нравилась детскость в Жене.

Мы долго так сидели и ни о чем не говорили.

Потом Жень будто бы очнулась. Она встала и взяла из своей сумочки сигареты. Предложила мне. Я отказался. Закурила сама. Ее глаза уже оживились. Она стала более внимательно осматривать комнату, прохаживаясь по ней, скромно и чинно. А я следил за ней, следил, как она бегала глазами по стенам и потолку, будто в музее рассматривая висящие на них картины, рисунки, мои самоделки отроческой поры, причудливую лепку и люстры. Я и передать не могу, с каким удовольствием упивался я, как мне казалось тогда, детской игривостью и непосредственностью в этих серых огромных глазах. И тут неожиданно вырвалось внутри меня: моя сестренка. Да, сестренка. Ее детские глаза, детские повадки ходили на сестрины.

И тут то, чего опасался и не хотел признавать, случилось. Воспоминания, как льдинка, поплыли по реке памяти стремительно и быстро. Мое сердце защемило в груди. Вот, казалось, сидит рядом со мною чужой человек, да к тому же падший. Но к нему испытываешь теплые и нежные чувства, как к самому родному и близкому, потому и очень дорогому. И если сердце сразу поняло, почему, то разум лишь сейчас начал принимать все это, чему раньше пытался препятствовать.

— А это что такое? — Жень толкнула меня за руку, и я взглянул туда, куда смотрела она. Там висела засушенная голова щуки, пойманной мною когда-то в деревне.

— Чудо-юдо рыба-кит, — я надул щеки и выпучил глаза, чтобы развеселить ее окончательно. Жень

засмеялась искренне, и оттого, что искренне, я засмеялся с нею тоже.

— А это, наверное, твоя девчонка? — она взяла со стола небольшую фотографию в золотой рамке и показала мне, как дитя, которое нашло что-то такое интересное на прогулке и теперь показывает взрослому.

— Младшая сестра, — сказал я.

Боже! Внезапно меня накрыло волной тревоги и переживаний. Вдруг стало тяжело дышать. Беспокойство полностью овладело мной. Я не смог совладать с собой, и она это заметила.

Жень с виноватым видом поставила фотографию на место. Снова села возле меня и тихо спросила:

— Она замужем?

— Нет, — с неимоверным усилием выдохнул я, все по-прежнему силясь побороть волнение внутри себя.

— Если не здесь, то где она в таком случае живет? — все с той же непосредственностью и наивностью задала мне мучительный вопрос, сама не зная об этом.

Что есть сил я набрал воздуха и начал понемногу выпускать:

— Нигде... Более десяти лет, как ее уже нет в живых... Отравилась из-за одного подонка... который сначала ей вскружил голову, а потом бросил... А затем наглоталась таблеток и ум...

Я оборвал себя на полуслове. Потому что не мог заглушить стук сердца внутри себя. Потому что не мог продолжать дальше рассказ о том, как она забеременела, как с каждым днем менялась на глазах, приобретая замученный нездоровый вид, из-за того что скрывала от нас, от меня и матери, свою беду. Она терзалась. Как мне было бы тяжело повествовать дальше... О том, как тайна стала явью... Когда уже было заметно. Она решилась рассказать, надеясь, что ее поймет мать и осудить не будет, а я стану ее защитником. Но мать, вместо того чтобы поддержать ее, закатила скандал, а я, представив то, как парни из моего двора начнут говорить мне про сестру, какая она шалава, что нагуляла себе малое, набросился на нее...

Но это было еще не все. Ведь сердце дико стучало в груди еще потому, что самое главное, о чем я ей не стал рассказывать, потому что вряд ли бы отважился на это. Повествовать долгую историю своего тайного греха, а точнее, грешных помыслов... Грешных помыслов, которые, как тяжелый камень, висели на мне и тянули в непростетную темень мрака собственных желаний, которых я боялся и к которым устремлялся тайно ото всех. Я любил свою сестренку. Но не так, как обычно любят братья сестер и сестры братьев. Я ее любил и вожделел. Свою страсть я скрывал, прикрывая "отцовской" заботой и чрезмерным братским вниманием. Я многого хотел, но немногого позволял себе с нею, когда оказывался наедине. Все, что было в рамках дозволенного, так это прижать ее к себе, играя с ее волосами, и иногда поцеловать ее в губы, конечно же, слегка, когда она укладывалась спать, придя поздним вечером уставшей и сонной с какого-нибудь школьного огонька, окончания которого я ждал с нетерпением и мукой в холле школы, в которую я ее провожал и из которой встречал почти всегда. А то остальное, что оказывалось за пределами дозволенного, становилось огромной частью моих фантазий, осуществить которые я не мог, отчего жизнь моя порою превращалась в невыносимую действительность, где поневоле мне приходилось пребывать, действительность, которую я мог покинуть только на несколько мгновений, когда предавался сладким грезам, пробуждение от которых было горьким.

(Окончание в следующем номере.)

ГОРДОН СНИМАЕТ ГОРДОНА

В ОДЕССЕ ПРОХОДЯТ СЪЕМКИ ФИЛЬМА «ОГНИ ПРИТОНА»

В большой одесской семье Гордонов было пять сыновей и две дочери. Я знаю двоих — Измаила и Гарри. С Изей познакомился в середине 60-х годов минувшего века. Он приносил в газету "Знамя коммунизма", где я работал, стихи, и придиричивый заведующий отделом культуры Александр Андреевич Щербаков их печатал, несмотря на жесткий "лимит". Гордон был представителем рабочего класса — работал на заводе, — фронтовиком, а главное, стихи писал хорошие.

С Гарриком я встречался примерно в те же годы у нашего общего друга Валентина Хруща, паренька с Пере-сыпи, обладавшего несомненными задатками большого художника, которым и стал. Гарри Гордон рисовал, писал маслом, сочинял стихи

и был одной из заметных фигур одесского андерграунда, хотя термин этот (подпольное искусство) мало кто из нас тогда знал. Он поступил в Мухинку — художественный вуз, дававший первоклассное образование, отслужил в армии и в 1970 году уехал в Москву, куда годы спустя перебрался и Хрущ, и в последние месяцы жизни Валика одесский кореш был с ним рядом...

Гарри Гордон стал профессиональным писателем-прозаиком и поэтом. Издал несколько сборников, в которых так или иначе вспоминает родной город. Его книги приходят и в Одессу, но почитать их в магазинах или на "Книжке" трудно: это не детективы и не дамское чтение... Гордон продолжил прерванную было тради-

цию пополнения русскоязычной литературы произведениями выходцев из Южной Пальмиры, и на сайтах особо подчеркивается его одесское происхождение.

В середине 80-х на самых престижных московских каналах пошли интеллектуальные передачи, которые вел небрежно-элегантный, предпочитающий помалкивать молодой человек с модной небритостью. Я обратил внимание на то, что одна из них называлась по фамилии автора — "Гордон". Шла она за полночь, впрочем, как и все его проекты (таков и нынешний — "Закрытый киносеанс"), и привлекала особую аудиторию — любителей поломать головы над заманчивыми, но неразрешимыми вопросами бытия... И лишь недав-

но я узнал, что Александр Гордон — сын приятеля моей юности.

Мы встретились с Гарриком нынешним летом. Вспоминая ушедшие годы и друзей, выяснили, что младенчество наше с Гарриком прошло по соседству — на Софиевской. Мы жили на углу Торговой, Гордоны — Ольгиевской. Войну я встретил, посапывая на балконе, а Гарри родился чуть позже — в разгар обороны города. Наши старшие братья в свои 18 лет пошли добровольцами на фронт. Аба Кохрихт воевал на Кавказе. Изя принял первый бой под Одессой. Узнав о рождении брата, он отпросился у командира, встретил маму с самым младшим Гордоном на крыльце родилки, помог им сест в трамвай, идущий к дому, а сам

сел в другой — следовавший к линии фронта под Дальником...

Московские Гордоны приехали проводить старейшину рода — Измаила — и на выбор натуры будущего фильма "Огни притона", который сын снимает по сценарию отца. Действие происходит, разумеется, в Одессе, в 1958 году.

Александр родился в Подмосковье 1964-м, а Гарри, хотя и хорошо помнит свою юность, но попросил меня, как и других одесских старожилов, помочь ему в многотрудном, но таком важном деле, как воссоздание атмосферы тех лет, когда фронтовики были еще молоды, когда весь город встречал китобоев из антарктических рейсов, когда деревья на Приморском бульваре еще не заслоняли Воронцовский маяк... Когда в газетах печатали стихи Измаила Гордона, а его младший брат Гарри ходил в литстудию, которую вел Юра Михайлик, — не намного его старше, но уже признанный поэт...

Феликс КОХРИХТ.

ЖЕНЬКА, ЖЕНЕЧКА

ПАМЯТИ Е. МОСКАЛЬЦОВОЙ

Пришло, наверное, время отдавать долги. Да, отдавать, к сожалению, тем, кого нет рядом. Но это нужно нам, живым.

Жизнь в 46 лет. Много или мало? Каким мерилom измеряется жизнь? Смотри как прожить и сколько успеть. Но сколько бы ни успеть, все равно — мало! Говорят, Господь забирает лучших. А нам с кем оставаться?

Женецка прожила жизнь, которой кому-то хватило бы на 80-85 лет. Вырастила замечательного сына. Родилась в "нормальной" семье — дворянский прадед лежит в Кремлевской стене, дед был министром. Училась в престижной школе, жила на Крещатике, возле Бессарабского рынка. На первой свадьбе был Щербицкий, тогда первый секре-

тарь ЦК Украины. Работала во главе разных телеканалов: "Интер", "1+1", американское TV, была продюсером Парламентского телевидения (это последняя работа).

Может, я не все перечислила, но это уже не столь важно. Женецка могла общаться с самыми разными людьми, на самом разном уровне: насчет политики, прически, манеры поведения и т. д. и т. п.

А какой она была на самом деле — настоящая любимая подруга? Любила надеть джинсы, темные очки, кепочку с козырьком и пройтись с сигаретой по улицам. И наоборот, помню ее в красивом розовом костюме, макияже, на шикарной служебной машине: открывается дверца, затем показывается длинная красивая нога — и выходит Женька.

Любила Одессу, очень! Была одесситом (если можно так сказать) одесситов. Приехала с семьей в Одессу за неделю до того, как ее не стало, собрала друзей в Аркадии на шашлыки. Смеялись, говорили, было вкусно, пьяно, весело, беззаботно. Но я видела, как ей было тяжело подниматься вгору, дала на прощание две таблетки "ношпы" — и всё...

Нужны ли памятники? Мраморные, гранитные, богатые, бедные? Наверное, нужны, но важнее память! Мелочи, события, которые остаются в памяти близких, друзей. И которые вспоминаешь с доброй грустью, улыбкой.

На моей памяти у Жени было несколько людей, которых она любила. Но в их присутствии вела себя тактично или, наоборот, избавля-

лась от них одной фразой, ограждая себя от негативных эмоций.

Помню, приехала в Киев на какой-то праздник, пошли гулять по Крещатику. Зашли на радио к знакомым Жени — они вешали праздничные песни на Крещатик. Поговорили, посмеялись, ушли. Идем — и вдруг на весь Крещатик прозвучало: "В честь нашего друга, известной художницы из Одессы Павлюк Галины передаем песню".

Она умела делать сюрпризы, неожиданные подарки, большие и маленькие. И искренне радовалась, когда человеку было хорошо. Много ли таких людей вы знаете? Я — нет. С ней было легко. Даже известный мат звучал в ее устах нежно, как стихи Есенина. Можно вспомнить много забавных эпизодов.

Женецка всегда поправляла меня с ударением, умела правильно выразить мысль. У нас с ней была мечта. Да, мечта! Были реальные возможности заработать хорошие деньги. Мы мечтали купить билеты в кру-

из на большой белый пароход. Поехать только вдвоем. Загородиться белой веревочкой от назойливых поклонников, читать женские детективы, попивая "Мартини". И я так четко вижу во снах и наяву эту картинку!

Женецка умела мечтать, умела любить. Она была счастлива, ее окружало много друзей, подруг — с одной она дружила с детского сада.

Сколько людей пришло ее проводить!

Какое неправильное слово!

Я слышала, что души ушедших хорошо живут так долго, насколько о них помнят. Та вот, я хочу, чтобы душе Женецки было как можно дольше хорошо!

В мире нет ничего сложного, как оказалось. Нужно только помнить о тех, кто рядом. Улыбнуться, поздравить, подарить цветы, подарок просто так. Пока они живы, мы им нужны, и они нужны нам, очень, очень.

Будьте только рядом.

Гали ПAVЛЮК.

Владимир ШТЕЙНБЕРГ

СТАРИК И... ШАХМАТЫ

Почему мы прозвали его Шишкин, до сих пор не могу вспомнить. Единственное, что хорошо помню, эту фамилию-прозвище дали ему не в честь знаменитого художника, автора картины "Мишки в лесу". Однако все же, напрягая память, думаю, что это прозвище он получил благодаря увиденному нами кинофильму "Первая перчатка", где один из тренеров по боксу, противостоящий другому (его с блеском сыграл Владимир Володин), имел фамилию Шишкин (по роли в фильме — Шишкин из "Мотора", так называлось спортивное общество).

Этот человек в возрасте, как говорят в Одессе, хорошо за семьдесят испытывал, как и мы, четырнадцатилетние пацаны, безумную любовь к шахматам. Так как играть ему практически было не с кем, он с удовольствием принял нас впоследствии в свою компанию.

Причем о его страсти к шахматам мы узнали совершенно случайно от его внуки Лады, которая жила рядом с нашим домом. Однажды она увидела наше шахматное сражение во дворе дома, где я жил, и сказала, что ее дедушка тоже играет в шахматы. Мы, естественно, заинтересовались новым "клиентом", во всяком случае, решили его проверить. Через несколько дней наше знакомство состоялось.

Здесь хотелось бы сделать маленькое отступление и рассказать, как мы приобщились к шахматам. Наш классный руководитель Борис Ильич сам хорошо играл в шахматы, в силу второй, а то и первой категории. Он оказал на нас серьезное влияние, и мы начали учиться играть в шахматы.

Итак, знакомство состоялось. Шишкин — я буду так его называть,

так как имя, отчество и фамилию мы если и знали тогда, когда познакомились, то потом забыли начисто, а став взрослыми и вспоминая об этих забываемых шахматных баталиях, называли его просто Шишкин, и он не обижался.

Это был очень примечательный старик: невысокого роста, в меру тучный, носил всегда помятые брюки непонятного цвета — ни белые, ни серые, но точно парусиновые, — на ногах тапочки, волосы редкие, седые, никогда, наверное, не стриженные в парикмахерской, лицо круглое, редко бритое, нос очень большой с горбинкой. Из носа виднелись седые торчащие в разные стороны волосы. Запомнилось, что Шишкин не выговаривал букву "р", и это, с точки зрения нас, четырнадцатилетних ребят, означало большой дефект, вызывающий если не удивление, то уж точно улыбку.

Шахматисты тех лет и даже более поздних знали, что когда происходит нападение на королеву (ферзя), то нередко объявляли партнеру "гарде", то есть "гарде королеве". Подобное предупреждение делалось, когда осуществлялось нападение и на короля противника. При этом объявлялось: "Шах королю".

Затем, через годы, в близи партнеры перестали предупреждать друг друга, а некоторые из них, не объявляя "шах королю" и видя, что партнер ходит другой фигурой, и при этом нажал на кнопку часов, просто "хватали" с доски короля противника.

Сейчас, вспоминая эти незамысловатые правила, становится смешно...

Так вот, Шишкин садился на скамеечку, брал в руки две пешки: белого и черного цвета, захватил обе в кулаке правой и левой рук, чтобы

мы не видели, как он это делает, и протягивал нам кулаки для разгадывания цвета шахматных фигур. После этого Шишкин принимался расставлять на доске фигуры с особой тщательностью, все время их поправляя. Нас, надо признаться, эта тщательность сильно раздражала, так как каждый по молодости был нетерпелив и, кроме того, хотел побыстрее ринуться в бой.

Надо заметить, что старик играл слабо, намного слабее Валика, да и мы с Оськой почти всегда на равных у него выигрывали. Поэтому через какое-то время мы, естественно, охладели к встречам за шахматной доской с Шишкиным. Но старик не хотел терять таких, как и он сам, фанатичных партнеров. Как-то встретив нас (мы ходили троичей), спросил, почему не заходим играть. Что-то мы начали ему врать, но он почувствовал нашу неискренность и сам спросил: "Вам со мной неинтересно?". Из нас кто-то ответил: "Играть можно, но только с форой".

— Что такое фора? — спросил старик.

Мы ему популярно объяснили, и он согласился. Первым, кто сел за шахматную доску, был Валик. Он дал Шишкину вперед целую туру (ладью). И пошла игра. Ладья — это была большая фора. Валик несколько партий, играя серьезно, побеждал, а мы, стоящие рядом, в этом убеждались: старик никогда не сдавался и играл до мата. Стоило Валику расслабиться — и Шишкин тут же его "причесывал". Потом еще раз и еще раз, как только Валик играл спустя рукава.

Наступила наша очередь. Игра с форой продолжалась долго, в течение нескольких лет, в летние месяцы, когда были каникулы. Я и Ось-

ка не могли себе позволить такого пижонства, как сделал Валик, и давали только фору коня или слона. Когда я с Оськой играли продуманно, серьезно, как правило, побеждали старика. Стоило нам отнестись к игре с прохладцей, Шишкин нас "чесал" безбоянно, при этом был бесконечно счастлив, улыбка не сходила с его лица. Особенно его улыбка искрилась перед тем, как объявить кому-то из нас мат (известно, что объявлению мата предшествует шах).

Вместо слова "шах" Шишкин говорил: "Король". Мы умирали от смеха, поскольку буква "р" в его устах звучала необычно для нашего слуха. Мы же, мерзавцы, ко всему прочему еще и издевались над стариком. Было это так. Когда наступал момент, что данная фора не срабатывала, и кто-то из нас должен был потерпеть поражение, мы, стоящие в стороне, стали прибегать к запрещенным приемам: незаметно для Шишкина убрали тайком, например, ладью, отвлекая его по какому-либо поводу. При этом партия продолжалась до того момента, пока старик не обнаруживал пропажу.

Он говорил: "Валя, здесь стояла ладья, где моя ладья?" — "Какая ладья, Шишкин? Не было никакой ладьи". — "Раз так, — сказал старик, — партия окончена!".

В таких случаях он рукой смахивал фигуры с шахматной доски, партия на этом заканчивалась, а мы, улыбаясь, без всякого угрызения совести удалялись. Через несколько дней мы вновь встречались, в наших проказах делался небольшой перерыв, а похищение фигур с доски Шишкина продолжалось.

Так прошло все лето и последующие летние дни. С первого сентября — школа, уроки. Шахматы отошли на другой план. Где-то после 10-го класса, став уже совсем взрослыми, мы встретили старика на улице, мило поговорили, вспомнили наши шахматные сражения, в свою очередь, мы извинились за наши неблагоприятные, мягко говоря,

покупки с похищением фигур. Старик поздравил нас с окончанием школы, пожелал нам успехов в дальнейшей учебе и жизни.

Вспоминается такой не единичный эпизод: войдя как-то в раж, украли с доски у Валика короля, зная заранее, что Шишкин не сможет, даже если захочет, поставить ему мат. Он, картавя, начал кричать: "Где король, где мой король? Я не буду с вами больше играть!". В тот момент, я точно помню, на его глазах выступили слезы. И этот великодушный старик нам, негодяям, простил все тогда, при фактически последней встрече.

Каждый из нас не стал великим шахматистом. Хотя Валька еще в 7 классе составил план продвижения в гроссмейстеры и в чемпионы мира. Однако его амбиции были удовлетворены лишь частично: он стал мастером спорта по шахматам, участвовал во многих межрегиональных турнирах. А мы с Оськой так и остались закоренелыми перворазрядниками, но, думаю, что в силу среднего кандидата в мастера спорта мы все же играем.

Наша любовь к шахматам осталась на всю жизнь. Эту замечательную игру, ее правила я передал внуку, который так же, как и его дед, не стал великим шахматистом, но общение за шахматной доской и вне ее с ребятами способствовало интенсивному интеллектуальному развитию, несомненно, повысив его уровень.

Что стало в дальнейшем с Шишкиным, мы так и не знаем, мы его просто забыли. Жаль — был замечательный старик с улицы Кузнечной, самозабвенно влюбленный в шахматы.

P. S. Только написав эти заметки-воспоминания, я отчетливо

вспомнил, что фамилия внуки

Шишкина была Цвих. Может быть,

и его фамилия такая же?

Судьба нашей неразрывной троичи сложилась по-разному: Валька — в Америке, Оська — в Германии, а я свой крест буду нести до конца в дорогой мне Одессе.

Пришла трагическая весть. В Италии, где он жил и работал, скончался замечательный одесский художник Лев Межберг.

За последние десять лет он трижды посещал Одессу, здесь в галерее "Либерти" к его первому приезду была открыта выставка его живописи из частных собраний одесситов. Второй раз он приехал на персональную выставку своего учителя Дины Михайловны Фруминой, в третий раз привез и показал в галерее "Мост" свои новые акварели.

Межберг был влюблен в Одессу, мечтал купить здесь мастерскую, чтобы писать Одессу, старый Аккерман, Вилково, все, что сохранил в своей душе навсегда.

Увы, в 74 года его сердце остановилось. Похоронен он в США, где живет его сын Андрей. А живопись Льва Межберга, Люсика, как называли его все друзья, давно уже стала достоянием всего мира.

Выражая соболезнование всем родным и друзьям художника, редакция на этой странице публикует его портрет и рассказ Валентины Голубовской "Мраморы Каррары", написанный два года назад. Люсик успел его прочитать...

Е. Г.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ МРАМОРЫ КАРРАРЫ

"Сидим у компьютера с Люсиком Межбергом, читаем тебя, читаем всякие штуки. Говорим до умоотказа.

Люсик чудный художник и все остальное тоже. Милая Одесса! Действительно, особый город. Обнимаю, Эвелина", — вот такое письмо из Милана...

Действительно, особый город — Одесса! Не мною первой была и не мною последней будет замечена эта благословенная способность одесской земли, одесского воздуха, одесского солнца и моря, зеленые листья весной и красных листьев дикого винограда осенью, словом, всего, что "блещет югом и пестреет разнообразностью живой". Рождайте и пестовать таланты, а потом щедро дарить их всему миру, распространять одесские "семена и побег" по всему земному шару.

Строчки из миланского письма еще раз об этом напомнили.

Люсик Межберг более тридцати лет назад уехал из Одессы известным и любимым многими художником — расставание с ним было печальным...

В самом конце пятидесятых годов — первая персональная выставка Люсика Межберга на Большой Арнаутской (тогдашней Чкалова) угол Белинского — в доме художников, в маленьком выставочном зале. В политическом климате — "оттепель". А на картинах Люсика — воздушных, залитых светом, солнцем, впитавших уроки импрессионизма и южнорусской школы, — вибрирует, трепещет, переливается сочными мазками, тончайшими цветовыми нюансами одесская весна, одесское лето!

Я еще только вынашивала мечту об искусствоведении, пропадала в кабинете искусств библиотеки Горького, зачитывалась "Французскими тетрадями" И. Эренбурга, всей доступной тогда литературой об импрессионизме, дружила с художниками и архитекторами, и тут — выставка Межберга!

Наверное, от молодости и восхищения, переполнявшего меня, я решилась на первое "искусствоведческое" выступление в своей жизни. Так что могу считать и Люсика Межберга одним из своих "крестных отцов".

Через год я поступила в Ленинградский университет, и во время первых зимних каникул Женя Голубовский повел меня в гости к Люсику Межбергу — на Полицейскую — Розы Люксембург — Бунина. (Люсик жил по соседству с доктором Циклисом, и я, естественно, тогда не догадывалась, что вскоре и этот дом, и внучка Ильи Ефимовича Эда войдут в нашу жизнь.)

В маленькой комнате на мольберте стоял большой холст, над которым Люсик тогда работал. Это была "Девочка с ананасами", которую в том же году он подарит нам с Женей на свадьбу. Так более сорока лет мы живем, не разлучаясь с "Девочкой" Люсика Межберга...

Люсик был так же ослеплен каким-то внутренним светом, как и его холсты. Менялись мастерские, квартиры, но где бы ни обитал Люсик, мы были не-пременными его гостями, да и не

только мы. Повести, показать работы Межберга приехавшим в гости москвичам, ленинградцам — было священным ритуалом. Мы заглядывали в глаза приезжим, начинают ли они светиться от живописи нашего друга? И нехотя покидали мастерскую счастливыми, оттого что смогли подарить встречу с художником и его живописью "иноземцам".

Сколько смешных, трогательных эпизодов, связанных с Люсиком, хранит память!

...Я подхожу к остановке четвертого трамвая на углу Успенской и Преображенской, чтобы ехать к Ксаночке Добролюбовской. На остановке стоят два друга — Люсик Межберг и Алик Суконик. Объятия, радостные восклицания, как будто мы не виделись несколько месяцев!

— Ты куда?

— К Ксаночке!

— Поехали с нами — "Черноморец" играет!

О, этот азарт одесских болельщиков "Черноморца" тех лет! Люсик был страстным болельщиком, и в письмах "оттуда", не уставая, спрашивал о счете, о победах и поражениях любимой команды.

...Наша общая подруга Женя Беркович снимает квартиру у Фриды — вдовы репрессированного украинского писателя Леся Гомина. Более чем скромная даже по советским меркам обстановка однокомнатной квартирки на Островидова. (Мы все тогда еще живем рядом друг с другом.) Единственное, чем она выделяется из многочисленных подобных ей квартир, прижизненным портретом писателя, любовно и самоотверженно сохраненным Фридой, которая большую часть времени проводит в Казахстане, где со времен ссылки осталась ее и Леся Гомина дочь.

Большой компанией — за столом, на диване, на полу — мы сидим у Фридиной комнате в гостях у Жени Беркович. Люсик в ударе — искрометный юмор, ирония вызывают соответствующую реакцию у присутствующих, тоже, нужно сказать, за словом в карман не лезущих. Смех заполняет тесное пространство комнаты. За всем этим с портрета сурово наблюдает писатель. Люсик в какой-то момент оглядывается на портрет и говорит: "А в кімнаті стояв великий гомін!".

Мы встречаем Новый год у Алики Суконика. Утром выходим на улицу всей компанией, и Люсик говорит: "Давайте пойдем на Главпочтамт, вдруг мы получим письма до требований?". И хоть все понимают, что писем никому не будет, но мы идем на Садовую и по очереди выясняем, нет ли письма. Просто хотелось продлить очарование новогодней ночи, первого новогоднего утра, не хотелось расставаться... Хоть до настоящего расставания было еще далеко.

А оно приближалось, но мы об этом тогда еще и не знали, и не ведали.

Еще один Новый год в последней одесской квартире Люсика на Торговой. Был устроен маскарад. Люсик преобразился в Хроноса — на

его торсе, подвешенный к поясу, болтался маятник. Было весело, и мы еще не догадывались, что этот шутовской маятник по-своему уже отсчитывает час, приближает расставание. Вскоре художник уехал...

Какие-то пустячные вроде бы эпизоды припоминаются, но, как говаривала Ксана Добролюбовская, "Пустячок, а приятно". Вспомнить, добавлю я от себя.

Межберг приехал в Одессу почти через тридцать лет после отъезда. Аня Голубовская в галерее "Либерти" устроила выставку из тех работ художника, которые еще оставались в Одессе в частных коллекциях. (Нужно сказать, что Люсик был необыкновенно щедрым, он постоянно дарил свои работы друзьям. А у Сукоников им была расписана целая стена с милыми приметами одесского быта — примусом, сковородками, скумбрией-качалочкой, табуретками, о чем теперь вспоминается с нежностью и грустью. Вряд ли эта роспись сохранилась, вытесненная каким-нибудь евроемонтом... Многие, уезжая, забирали картины Межберга с собой. К счастью, все-таки на выставку еще хватило работ, оставшихся в Одессе.) Это была встреча! Как радовались хоть на короткое время возвращению Люсика до отказа заполнившие галерею художники, друзья и знакомые! Сколько объятий, слез, поцелуев, воспоминаний! И все это в пространстве прекрасной живописи Межберга.

Люсик был не только щедрым, но и очень преданным человеком. Таким и остался. Второй раз он приехал в Одессу на выставку Дины Михайловны Фруминой, своей любимой учительницы.

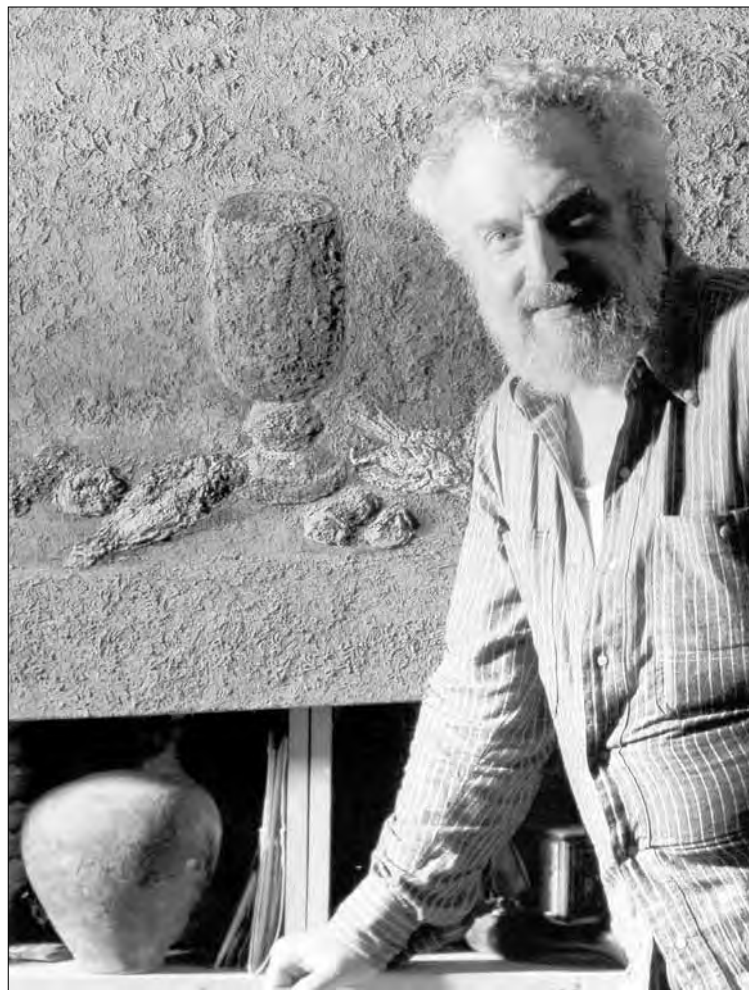
И вот это письмо из Милана от Эвелины Шац к встрече с Люсином Межбергом, с которым они были знакомы в юности.

Эта одесская юность, настоящая на запахах моря, акаций, на легких летних дождях, сквозь прозрачные косые линии которых выглядывает солнце, юность с терпким вкусом божественности, с легким одесским вином, со стихами, с романами Ремарка и Хемингуэя, с долгими прогулками от Ланжерона до Аркадии, а то и до Фонтана, медленными проходами под густыми кленами Французского бульвара, с ночными заплатами в фосфоресцирующей воде до буйки и дальше, с талантливой живописью, с сумасшедшими влюбленностями, с танцами и сердцебиением, кружащейся головой от пьянящей близости партнерши. "Запах женщины"! Как недавно и как давно это было...

Жизнь, казалось, развела навсегда.

Эвелина Шац училась в Московском университете, приезжала в Одессу, где оставалась мама и друзья, потом уехала в Италию.

Кажется, Константин Батюшков, "оплакавший Тасса", был первым из русских поэтов, для которых Италия стала манящей и желанной... Что уж говорить о Пушкине, Баратынском — и так до Мандельштама и Иосифа Бродского. Для Эвелины Италия стала Судбой.

Стремительно и отважно (ведь сказал кто-то: "Жизнь требует усилий и отваги!") вошла в итальянскую культуру стихами, рукотворными книгами, переводами, эссеистикой, театральными проектами. С горбачевских времен, может, неожиданно даже для себя она начала писать стихи по-русски, вернулась в простор русской речи своими книгами. Как и в Италии, в Москве проходят выставки ее книг, работ, в концертах звучат ее стихи, музыку к которым пишут итальянские и русские композиторы. Москва откликнулась на ее творчество монографией "Археология поэта. Словарь поэтических образов Эвелины Шац", написанной тремя авторами, преданными науке, поэзии и Эвелине, — Аллой Головановой, Верой Калмыковой и Геннадием Кулакиным.

И наконец, третий приезд Межберга в Одессу этим летом — с выставкой своих акварелей. Все, кто побывал в галерее "Мост" на этой выставке — друзья, художники, любители живописи, — увидели и что-то пронзительно знакомое, вернувшее в далекую юность, и новое — безупречное мастерство художника. Не случайно же в одной из своих статей Михаил Шемякин, стилистика которого никак не похожа на трепетную и сокровенную живопись Люсика, Михаил Шемякин, кажется, не слишком щедрый на похвалы, назвал Льва Межберга "лучшим колористом в современной мировой живописи".

В этих акварелях переплелись итальянские мотивы — жанровые сцены, музыка, великая архитектура. Кажется, Лев Межберг может, как и Микеланджело, назвать одну из самых волшебных церквей Флоренции — Санта Мария Новелла — "своей невестой". А рядом с итальянскими сюжетами — живописные воспоминания об Одессе, о древнем Аккермане. Собранные вместе, они звучат в унисон, эти две мелодии средиземноморской культуры.

Люсик создал цикл работ, посвященных Учителям, тем, кто не только стал олицетворением лучшего в южнорусской школе, кто соединил в ней французскую утонченность и одесскую колористическую чувственность, но и воспитал поколения художников одесской школы. Это Теофил Борисович Фраерман, Владимир Михайлович Синицкий, Николай Андреевич Шелюто и Дина Михайловна Фрумина, успевшая

еще посмотреть эту выставку своего любимого ученика, перед тем как уйти навсегда...

Одесса подарила культуре среди многих других и эти два таланта — Люсика Межберга и Эвелины Шац.

Через много лет они вновь встретились в Италии.

И сделала книгу — стихов Эвелины и рисунков Люсика.

...Их объединяет память об Одессе.

...Их объединяет причастность и служение высокой культуре.

...Их объединяет "Востока незваная власть" — вторая книга итальянских стихов Эвелины, вышедшая в Милане в 1986 году, называлась "Самарканд, или Книга церемоний", а у Люсика была ослепительная "Самаркандская серия" живописи и графики.

...Их объединяет любовь к музыке, которой пронизано творчество обоих. Не могу судить о жизни на Западе, но одесская консерватория была для Люсика вторым домом. Для Эвелины же вторым домом в Милане стала "Ла Скала".

...Их объединяет любовь к Иосифу Бродскому. Уже много написано о том, как Бродский снимался на Одесской киностудии в фильме "Поезд в далекий август", как киевские власти велели вырезать все снятые эпизоды с участием опального поэта. Будущий нобелевский лауреат жил тогда в Одессе в мастерской Люсика Межберга...

Эвелина живет в Милане и подолгу бывает в Москве.

Люсик Межберг (это для Запада он Лев или даже Лео Межберг; для нас он так и остался Люсином, как для нас Эвелина осталась Линой) живет теперь в Карраре.

...Много лет подряд, рассказывая своим студентам о Микеланджело, я упоминала Каррару, где в течение года отбирал знаменитый мрамор для так и оставшегося не осуществленным грандиозного проекта гробницы папы Юлия Второго великий Буонаротти. Я произносила "Каррара", а память вытаскивала строки Марины Цветаевой "После мраморов Каррары как живется вам с трухой гипсовой...". Но у меня нет повода к яростному цветаевскому противопоставлению.

У меня были и остались мои "Мраморы Каррары". И среди них Эвелина Шац и Люсик Межберг, одесит и одеситка, нашедшие вновь друг друга в Италии, в окружении волшебных мраморов Каррары...

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 77-33-705).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____. Газета отпечатана в типографии "СІЧ".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.